

РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ



ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА

Том 22 № 1 (2017)
DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-1
<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>
Научный журнал
Издается с 1996 г.
Москва

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61204 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Коваленко А.Г., доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов

Заместитель главного редактора

Грabelьников А.А., доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов

Ответственный секретарь

Жучкова А.В., кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов

Члены редакционной коллегии

Голубков М.М., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы XX в. филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Кихней Л.Г., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и литературы Московского университета экономики и права им. А.С. Грибоедова

Флейшман Л.С. (Fleishman Lazar), профессор отделения славянских языков и литератур Станфордского университета (США)

Филипп Бодор (Baudorre Philippe), профессор факультета гуманитарных наук Университета Мишеля де Монтеня, Бордо-3 (Франция)

Вольфганг Стефан Киссель (Wolfgang Stephan Kissel), профессор факультетов культурологии, славистики Бременского университета (Universität Bremen) (Германия)

Жан-Филипп Жаккар (Jean-Philippe Jaccard), профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Женевского университета (Université de Genève) (Швейцария)

Джованна Мораччи (Moracci Giovanna), профессор факультета современных языков, литературы и культуры Университета Габриэля Даннунцио г. Кьети и Пескара (Италия)

Сун Чжао (Sun Chao), директор Центра русского языка и литературы Хейлундзянского университета, кандидат филологических наук (Харбин, КНР)

Туркан Олджай (Turkan Olcai), профессор, заведующая кафедрой русского языка и литературы литературоведческого факультета Стамбульского университета (Турция)

Московкина И.И., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы Харьковского государственного университета (Украина)

Базанова А.Е., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики филологического факультета РУДН

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА

ISSN 2312-9247 (online); ISSN 2312-9220 (print)

4 выпуска в год

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory:

<http://www.ulrichsweb.com>).

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Материалы журнала размещаются на платформах РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka.

Цель и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика» — периодическое международное рецензируемое научное издание в области филологических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цель журнала — осуществление научного обмена и сотрудничества между российскими и зарубежными литературоведами и журналистами, а также специалистами смежных областей, публикация результатов оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем междисциплинарного характера, касающихся литературоведения и журналистики, освещение научной деятельности профессионального научного сообщества. Приоритетными направлениями журнала являются история русской и зарубежной литературы, теория литературы, истории и теории журналистики, средств массовой коммуникации и средств массовой информации, рекламы, связей с общественностью России и зарубежных стран. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования.

Одна из задач журнала — знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области литературоведческих и журналистиковедческих исследований, рекламы и связей с общественностью, разрабатываемых как в России, так и за рубежом, и их практическим применением.

Будучи международным по своей направленности, журнал нацелен на обсуждение теоретических и практических вопросов, касающихся литературного процесса, прозы, поэзии, драматургии, литературной критики, жанров журналистики, печати, радио и телевидения, рекламы, связей с общественностью. Основные рубрики журнала: «Литературоведение», «Журналистика».

Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, обзоры, информацию о конференциях, научных проектах и т.д.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству литературоведов и специалистов в области средств массовой информации и массовой коммуникации, рекламы и связей с общественностью, работающих в русле вышеуказанных направлений, по подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/literary-criticism/index>.

Электронный адрес: ak-taurus@mail.ru.

Редактор: *И.В. Успенская*

Компьютерная верстка: *О.Г. Горюнова*

Адрес редакции:

ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Адрес редакционной коллегии серии «Литературоведение. Журналистика»:

ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Тел.: (495) 433-70-22; e-mail: litjournalrudn@rudn.university

Подписано в печать 27.02.2017. Выход в свет 12.03.2017. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС».

Усл. печ. л. 15,80. Тираж 500 экз. Заказ № 40. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2017

PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA



RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM

VOLUME 22 NUMBER 1 (2017)
DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-1
<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>
Founded in 1996
Moscow

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Professor Dr. Kovalenko A.G.
Peoples' Friendship University
of Russia

**ASSOCIATE EDITOR-IN-
CHIEF**
Professor Dr. Grabelnikov A.A.
Peoples' Friendship University of
Russia

**ASSISTANT TO THE EDITOR-IN-
CHIEF**

Zuchkova A.V. Peoples' Friendship
University of Russia

EDITORIAL BOARD

Golubkov M.M. — Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian Literature of the XX-th century, Moscow Lomonosov State University

Kikhney L.G. — Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism and Literature, Moscow University of Economy and Law, named after A.S. Griboyedov

Fleishman Lazar — Professor of Department of Slavonic Languages and Literature, Stanford University (USA)

Buadorre Philippe — Professor, Department of Humanities, University Michel Montaigne, Bordo-3 (France)

Wolfgang Stephan Kissel — Professor, Department of Culture and Slavonic Studies, University Bremen (Germany)

Jean-Philippe Jaccard — Professor, Head of Department of Russian language and Literature, University of Geneva (Switzerland)

Moracci Giovanna — Professor, Department of Modern Languages, Literature and Culture, University of Gabriel D'Annunzio of Chieti and Pescara (Italy)

Sun Chao — Professor, Head of the Centre of Russian Language and Literature, Heilundzyan University (China, Harbin)

Turcan Olcai — Professor, Department of Russian language and Literature, Istanbul University (Turkey)

Moskovkina I.I. — Professor, Head of Department of Literature, Kharkov State University (Ukraine)

Bazanova A.E. — Professor, Department of Theory and History of Journalism, Peoples' Friendship University of Russia

RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM.
Published by the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

ISSN 2312-9247 (online); ISSN: 2312-9220 (print)

4 issues per year

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>

Aim and Scope

STUDIES IN LITERATURE. JOURNALISM. BULLETIN OF PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY is a peer-reviewed international academic journal publishing research in Literature and Journalism. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The goal of the journal is to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists, disseminate theoretically grounded research, and advance knowledge in a broad range of interdisciplinary issues pertaining to the field of Literature studies, Journalism, Public relations and Advertising. The editors aim to publish original research devoted to Literature and Journalism: Literary process, prose, poetry, drama, literary criticism, mass communication, press, radio, television, genres of journalism, public relations.

Contributions to the journal should show awareness of current research trends in these areas, and explore their implications. Methodologies for data collection and analysis can be quantitative or qualitative, and must be grounded in practices in this area. General Journal Sections are Literary studies and Journalism.

As a Russian periodical with an international character, the journal also welcomes articles that advance research in relevant intercultural themes, and/or explore the implications of intercultural issues in communication generally.

In addition to research articles the journal also welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The Journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics).

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/literary-criticism/index>.

E-mail: ak-taurus@mail.ru.

Editor *I.V. Uspenskaya*

Computer design: *O.G. Gorunova*

Address of the editorial board:

Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419

Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Address of the editorial board Series «Studies in Literature. Journalism»:

Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

Ph. +7 (495) 433-70-22; e-mail: litjournalrudn@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Peoples' Friendship University of Russia"
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,

Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Николетич С. А.П. Чехов как читатель.....	7
Завельская Д.А. Мотив культурной памяти и идиллический дискурс у Бунина, Гумилёва и Ивана Савина.....	17
Головченко И.Ф. «Итальянский цикл» стихотворений Николая Гумилёва.....	28
Мескин В.А., Зинурова Е.С. Лирика «внутреннего голоса» в современной российской поэзии.....	36
Солдаткина Я.В. Современная русская историческая проза в контексте литературного процесса 2000—2010-х годов.....	47
Мескин В.А. «Мысленный волк» Алексея Варламова как опыт символистского романа ...	55
Федотов О.И., Шелемова А.О. Боян и «Поэт полка Игорева» в одноименном цикле сонетов Владимира Пальчикова	66
Тхакур С.К. Дихотомия «город и деревня» в рассказах В.М. Шукшина и Пханишварнатха Рену.....	76
Сергеева М.О., Савастенко Р.А. «Мы умираем здесь»: Советская Россия в творчестве Айн Рэнд	84
Утепова Р.И. Актуализация внутренней формы слова Олжаса Сулейменова	92

ЖУРНАЛИСТИКА

Федотова Л.Н. Политика — СМК — политики: социологическая парадигма	99
Милославская З.А. Потенциальная опасность современного медиатекста: причины и следствия	115
Чередниченко В.И. Массовые информационные потоки в свете синэргетического подхода	123
Барабаш В.В., Чекунова М.А. Дискурсивные практики политико-административной медиакommunikации в Интернете.....	130
Тихонова О.В. Российская радиожурналистика периода зарождения: специфика первых форм.....	141
Сурнина И.А. Роль периодических изданий в социально-экономических преобразованиях России 1857—1861 годов («Экономический указатель» И.В. Вернадского и «Вестник промышленности» Ф.В. Чижова).....	156
Шевелева Е.А. Опыт литературно-драматического радиовещания в контексте создания материалов для современных информационно-разговорных радиостанций	167
Баранова Е.А. Новые журналистские компетенции в условиях медиаконвергенции: мифы и реальность	177

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

Валентинова О.И. И.Г. Устиян. Л.Н. Толстой: социально-экономический институционализм в романе «Анна Каренина»	189
Жучкова А.В. Семинар молодых критиков.....	194

CONTENTS

LITERARY CRITICISM

Nikoletic S. A.P. Chekhov as a reader.....	7
Zavelskaya D.A. The motive of cultural memory and the idyllic discourse of Bunin, Gumilev and Ivan Savin	17
Golovchenko I.F. The “Italian cycle” in Nicolay Gumilev’s poetry	28
Meskin V.A., Zinurova E.S. Lyrics of “the inner voice” in modern literature	36
Soldatkina Ya.V. Contemporary Russian historical prose in the context of the process of the 2000—2010-th.....	47
Meskin V.A. «Myslennyj volk» (“Mental wolf”) by Alexey Varlamov as a symbolist novel	55
Fedotov O.I., Shelemova A.O. Bojan and the “The poet of the regiment of Igor” by Vladimir Palchikov.....	66
Thakur S.K. The dichotomy of “Citu and Village” in stories of V.M. Shukshin and Phanishwarnath Renu	76
Sergeeva M.O., Savastenko R.A. “We die here”: «We die here»: Soviet Russia in creation of Ayn Rand	84
Utepova R.I. Actualization of the inner form of Olzhas Sulimenov’ world.....	92

JOURNALISM

Fedotova L.N. Politics-Media-politicians: a sociological paradigm	99
Miloslavskaya Z.A. Potential threat of modern media text: causes and consequences	115
Cherednichenko V.I. Mass information flows in view of synergetic approach	123
Barabash V.V., Chekunova M.A. Practices of political-administrative discourse in media communications on the internet.....	130
Tikhonova O.V. Russian radio journalism of an incunabula period: first form specifics.....	141
Surnina I.A. Role of the periodicals in the socioeconomic transformation in Russia, 1857—1861 (“Economicheskij ukazatel” of V.I. Vernadsky and “Vestnik promyshlennosti” of F.V. Chizhov).	156
Sheveleva E.A. The experience of literary-dramatic radio broadcasting in the context of creation of materials for modern information and colloquial radio stations.....	167
Baranova E.A. New journalism competences in the conditions of media convergence: myths and reality	177

REVIEWS

Valentinova O.I. I.G. Ustian. L.N. Tolstoy: Socio-economic institutionalism in the novel “Anna Karenina”	189
Zhuchkova A.V. Seminar of young critics.....	194



УДК 821.161.1

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-1-7-16

А. П. ЧЕХОВ КАК ЧИТАТЕЛЬ

С. Николетич

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Ленинские горы, 1-й корпус гуманитарных факультетов, Москва, Россия, 119991

В статье предпринята попытка системного описания круга чтения А. П. Чехова в период становления и развития его писательского таланта. Преимущественное внимание в исследовании уделено эпистолярному наследию А. П. Чехова 1876—1888 годов. В переписке с родными, друзьями, начинающими писателями, издателями и известными деятелями русской культуры 70—80-х годов XIX века можно выявить предпочтения и интересы писателя при выборе статей, газет, журналов и книг. Широкий круг прочитанных произведений русской и зарубежной литературы и публицистики способствовал не только обретению художественного мастерства, но и формированию А. П. Чехова как личности. Эволюция Чехова-читателя в период 1876—1888 годов представляется особенно важной для понимания истоков и особенностей поэтики чеховской прозы и драматургии.

Ключевые слова: Чехов, эпистолярное наследие, чтение, читатель, переписка

История читателей, в том числе история русского читателя, является темой, о которой неоднократно писали как российские, так и зарубежные исследователи (Эмиль Эннекен, Рубакин Н. А., Сорокин Ю. А., Белянин В. П.). В их работах обсуждались вопросы читательских рефлексий, типологии читателей, взаимоотношений писателей и читателей как участников литературного процесса. На наш взгляд, не менее важным является изучение читательского опыта и рефлексии отдельного читателя, в данном случае известного русского писателя А. П. Чехова.

Из всех видов искусств литературное искусство является самым сложным для восприятия. Оно не опирается только на зрительные или слуховые ощущения, а предполагает знания и навыки, необходимые для понимания словесно-языкового материала. Поэтому писатель — это один из не только самых квалифицированных, но и самых требовательных читателей, который волей-неволей оценивает и языковые нюансы, и идейную структуру произведений, особенно читатель с четким представлением о роли писателя, каким был Чехов. В письме к А. С. Суворину (журналисту, драматургу и издателю газеты «Новое время») от 30 мая 1888 года сформулировано своего рода писательское кредо Чехова: «Художник должен быть не судьей своих персонажей и того, о чем говорят они, а только беспристрастным свидетелем» [6. Т. 2. С. 277]. О чтении Чехов напишет Суворину 8 апреля 1889 года: «Читать веселее, чем писать. Я думаю, что если бы мне прожить еще 40 лет и во все эти сорок лет читать, читать и читать и учиться писать талантливо, т. е. коротко, то через 40 лет я выпалил бы во всех вас из такой большой пушки, что задрожали бы небеса» [6. Т. 3. С. 184].

Весьма достоверным источником информации о том, что читал А.П. Чехов, могли бы послужить воспоминания родственников, друзей, знакомых и коллег, среди которых было много известных писателей и деятелей культуры второй половины XIX и начала XX века. В частности, в воспоминаниях И.А. Бунина, в последний раз гостившего «с конца сентября и до 18 октября» 1905 года «в опустевшем, бесконечно грустном ялтинском доме Чехова» [1. Т. 6. С. 204], есть свидетельство: «А в кабинете, в нише с диваном (сзади кресла перед письменным столом), в которой он любил сидеть, когда что-нибудь читал, лежало «Воскресенье» Толстого» [1. Т. 6. С. 205]. Это упоминание подтверждает, что книга Толстого была частью чеховской личной библиотеки. Сам Чехов об этом произведении 28 января 1900 года писал известному публицисту М.О. Меньшикову: «Чтобы кончить о Толстом, скажу еще о «Воскресении», которое я читал не урывками, не по частям, а прочел все сразу, залпом. Это замечательное художественное произведение» [6. Т. 9. С. 30]. Цитированное письмо не только свидетельствует о том, что Чехов, действительно, читал «Воскресение», но и содержит важные сведения о том, что он думал об этом произведении и о самом великом писателе: «Я боюсь смерти Толстого. Если бы он умер, то у меня в жизни образовалось бы большое пустое место. Во-первых, я ни одного человека не люблю так, как его; я человек неверующий, но из всех вер считаю наиболее близкой и подходящей для себя именно его веру. Во-вторых, когда в литературе есть Толстой, то легко и приятно быть литератором; даже сознавать, что ничего не сделал и не делаешь, не так страшно, так как Толстой делает за всех» [6. Т. 9. С. 29—30].

Источником сведений о том, что Чехов читал, могут служить и книги о его жизни и творчестве. Например, Л.П. Громов в монографии «Реализм А.П. Чехова второй половины 80-х годов» (1958) сообщает: «Антон Павлович был одним из активнейших абонентов таганрогской библиотеки, жадно читал беллетристику, критическую литературу, журналы...» [2. С. 106]. О круге чтения писателя упоминает также М.П. Громов в «Книге о Чехове» (1989): «Роман “Подросток”, печатавшийся в “Отечественных записках” в течение всего 1875 года и вышедший отдельным изданием в 1876 году, Чеховым был прочитан, конечно, еще в гимназии» [3. С. 247]. Подтверждение этому исследователь находит во влиянии, которое на творчество Чехова оказали произведения Достоевского: «Сама сложность задачи, многолинейный авантюрный сюжет, какой в дальнейшем встретится разве что в “Драме на охоте”, целая толпа действующих лиц, такая путаница интриг, конфликтов, истерик, какой в дальнейшем вообще не будет, — все здесь озарено яростными отсветами Достоевского» [3. С. 247]. Очевидно, что и мемуары, и опирающиеся на них биографии субъективно окрашены. Даже наличие верифицируемых сведений о том, что, скажем, Чехов купил или взял в библиотеке определенную книгу, не всегда говорит о том, что он ее прочитал, или о том, какое впечатление она на него произвела. Но когда сам писатель в письме к Суворину от 5 марта 1889 года [6. Т. 3. С. 169] сообщает: «Купил я в Вашем магазине Достоевского и теперь читаю. Хорошо, но очень уж длинно и нескромно», — мы не только получаем подтверждение, что младший современник Достоевского читал его произведения, но и видим типично чеховскую, короткую ремарку о прочитанном.

Для получения более достоверных свидетельств о Чехове-читателе необходимо обратиться к его эпистолярному наследию. Стоит иметь в виду, что письма Чехова «представляют собой одно из самых значительных эпистолярных собраний в литературном наследии русских классиков... сохранилось около 4400 писем, написанных в течение 29 лет — с 1875 по 1904 год» [6. Т. 1. С. 5]. Из писем Чехова, которые «не уступают по совершенству языка его художественным произведениям и, подобно им, способны доставлять подлинное эстетическое наслаждение» [6. Т. 1. С. 5], можно узнать подробнее не только о жизни знаменитого автора, но и о том, какие произведения он читал и что о них думал.

Цель данной статьи — показать, что читал Чехов в период с весны 1876 года, когда еще гимназистом после переезда семьи в Москву он остался в Таганроге с младшим братом, по октябрь 1888 года, когда получил половинную Пушкинскую премию, самую престижную и первую в царской России литературную премию. Интересно проанализировать именно этот период, поскольку в это время происходит становление Чехова как писателя. Лев Шестов позднее напишет об этом: «...в первых своих произведениях Чехов менее всего похож на того Чехова, к которому мы привыкли в последние годы. Молодой Чехов весел, беззаботен и, пожалуй, даже похож на порхающую птичку» [7. С. 20].

Оставшись в Таганроге весной 1876 года, шестнадцатилетний Чехов поддерживал связь с родными и друзьями, переписываясь с ними. К сожалению, не все письма сохранились, но о некоторых из них говорится, например, в письме П.Е. Чехова к Е.Я. Чеховой от 14 мая 1876 года («Антоше премного благодарствую за его письмо») [6. Т. 1. С. 478] или в письме брата Александра от 27 сентября того же года («Твое письмо, адресованное на имя родичей, получено еще 25-ого») [6. Т. 1. С. 481]. Первое сохранившееся письмо, в котором сам Чехов упоминает и комментирует прочитанное, — от 7 декабря 1876 года, адресованное двоюродному брату Михаилу Михайловичу Чехову: «Скажите Саше, что я прочел “Космос”. Жаль мне Сашу: он не достиг своей цели, прося, чтоб я прочел его. Я остаюсь тем же и по прочтении “Космоса”» [6. Т. 1. С. 16]. Кажется, что научно-философский труд немецкого ученого-энциклопедиста не произвел яркого впечатления на Чехова. Читал он его, очевидно, по рекомендации старшего брата Александра, о чем свидетельствует письмо последнего от 27 сентября 1876 года: «Если у вас в гимназической вивлиофике есть “Космос” Гумбольдта, то советую тебе почитать его. Божественная книжица» [6. Т. 1. С. 323]. Гимназическая библиотека, созданная на основе частных пожертвований, о которой пишет Ал.П. Чехов, существовала еще с начала XIX века. В ней имелись учебники, произведения древних авторов, труды европейских и русских философов, книги, ставшие классикой мировой литературы. Историк-краевед М.С. Киричек отмечает: «В середине 70-х годов ученическая библиотека пополнилась произведениями Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Грибоедова. Появились полные собрания сочинений Шекспира, Гёте, Байрона, В. Скотта, Островского. “Божественная комедия” Данте, “Русская история” Погодина и др.» [4. С. 7]. Далее Киричек пишет: «...книгами из этой библиотеки в течение 11 лет пользовался гимназист Антон Чехов. Они в немалой степени способствовали развитию в будущем писателе любви к чтению и интереса к литературному творчеству» [4. С. 8].

С двоюродным братом Михаилом Михайловичем Антон Чехов познакомился через переписку, которая началась в декабре 1876 года, а весной 1877 года состоялось их личное знакомство, когда Чехов впервые был в Москве. Но до этого, в феврале 1877, он писал Михаилу: «Просьба: пришли, пожалуйста, мне карточку фотографическую твою, брата Гриши и сестры Лизхен (? сразу видно, что я начитался немецких романов)» [6. Т. 1. С. 20]. Несмотря на то, что названия книг и авторы не указаны, из письма ясно, что Чехов увлекался немецкими романами. В остальных сохранившихся письмах Михаилу до 1888 года Чехов писал о Таганроге, учебе, общих родственниках, поздравлял с праздниками, но литературные произведения уже не упоминал.

Родному брату Михаилу Павловичу в период с 1876 по 1888 год Чехов также писал, но из этой переписки сохранились только три письма. В первом из них, отправленном младшему брату в начале апреля 1879 года, Чехов писал: «Хорошо делаешь, если читаешь книги. Привыкай читать. Со временем ты эту привычку оценишь. Мадам Бичер-Стоу выжала из глаз твоих слезы? Я ее когда-то читал, прочел и полгода тому назад с научной целью и почувствовал после чтения неприятное ощущение, которое чувствуют смертные, наевшись не в меру изюму или коринки» [6. Т. 1. С. 29]. Известный роман Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» сначала произвел сильное впечатление на молодого Чехова. Он не только прочитал произведение, но и посмотрел в семнадцатилетнем возрасте одноименный спектакль в таганрогском театре. В девятнадцать лет литературный вкус писателя, очевидно, изменился, и на это произведение Чехов смотрел уже более критично. В частности, он советует Михаилу: «Прочти ты следующие книги: “Дон-Кихот” (полный, в 7 или 8 частей). Хорошая вещь. Сочинение Сервантеса, которого ставят чуть ли не на одну доску с Шекспиром. Советую братьям прочесть, если они еще не читали, “Дон-Кихот и Гамлет” Тургенева. Ты, брате, не поймешь. Если желаешь прочесть нескучное путешествие, прочти “Фрегат Паллада” Гончарова и т.д.» [6. Т. 1. С. 29]. В статье «Гамлет и Дон Кихот» Тургенев дает трактовку поведения главных героев, говорит об их характерах, о духе южного и о духе северного человека, о Шекспире и Сервантесе, и Чехов считает, что братьям это будет полезно прочитать. Здесь впервые в своих письмах он упоминает великих предшественников. Можно отметить интерес к Тургеневу и к его произведениям в письме Чехова к Н.А. Лейкину, редактору-издателю журнала «Осколки», от 19 сентября 1883 года: «Посылаю Вам “В ландо”, где дело идет о Тургеневе» [6. Т. 1. С. 86]. Рассказ, посланный Лейкину через несколько недель после смерти Тургенева, является своеобразной хроникой времени и нравов, сатирическим очерком о роли писателя и значении его произведений в обществе. Три года спустя, в середине декабря 1886 года, в письме Лейкину содержится очевидная аллюзия на заглавие рассказа Тургенева 1864 года: «Письма писать буду, а насчет произведений — “довольно!”, как сказал Тургенев» [6. Т. 1. С. 280]. В 1888 году в заметке «Наше нищенство» он пишет: «Каждый интеллигентный человек читал Тургенева и Толстого...» [6. Т. 16. С. 238]. В 90-е годы Чехов неоднократно с восхищением упоминал о Тургеневе, в том числе в письме А.С. Суворину от 24 февраля 1893 года: «Боже мой! Что за роскошь “Отцы и дети”!» [6. Т. 5. С. 174]. Однако в письме к тому же корреспонденту от 21 декабря 1886 года отзыв о Турге-

неве отнюдь не восторженный: «“Расстрелянный” гораздо лучше тургеневского “Жида”» [б. Т. 1. С. 281]. В данном письме речь идет о рассказе Бежецкого (это псевдоним А.Н. Маслова, писателя и журналиста), о котором Чехов пишет: «Мне Бежецкий положительно нравится. Ранее я имел о нем понятие только по “Перчатке” и дорожным фельетонам, но теперь, когда Вы подарили мне его книгу и я прочел “Военных”, я решительно не понимаю, почему он непопулярен» [б. Т. 1. С. 281]. По мнению Чехова, Бежецкий, «если бы захотел, был бы тем, чего у нас на Руси недостает, т. е. военным писателем-художником». Именно эта грань таланта Бежецкого представлялась Чехову наиболее ценной: «Кроме “Рай Магомета”, все остальные невоенные рассказы его слабы. Он интересен, завлекателен и, выражаясь по-женски, мил» [б. Т. 1. С. 281]. О Маслове Чехов писал и старшему брату Александру 31 января 1887 года: «Отчего Маслов не пишет? Это очень талантливый парень. Прочти его военные рассказы, и он вырастет в твоих глазах на 5 аршин» [б. Т. 2. С. 24].

Чехов часто переписывался с Александром. Из 196 сохранившихся писем писателя брату на рассматриваемый период (1876—1888 гг.) приходится примерно 80. В них не только сообщается о том, что прочитано, но и говорится о пользе чтения как такового. Так, 8 ноября 1882 года Чехов пишет Александру: «Живем помаленьку. Читаем, пишем...» [б. Т. 1. С. 42]. В октябре 1883 года писатель сообщает брату: «Получаю “Природу и охоту” как сотрудник. Это толстые книги. Читаю в них описания аквариумов, ужения рыбы и проч. Нового пропасть узнал. Хорошие есть статьи, вроде аксаковских» [б. Т. 1. С. 90]. Чехов не только расценивает статьи как хорошие, но и сравнивает их с очерками о рыбалке и охоте известного писателя С.Т. Аксакова, и это позволяет заключить, что он их читал и высоко ценил. Он советовал также Александру, какие журналы читать, в каких печататься. В апреле 1883 года Чехов пишет: «“Осколки” теперь самый модный журнал. Из него перепечатавают, его читают всюду... И не мудрено. Сам видишь, в нем проскакивают такие штуки, какие редко найдешь и в неподцензурных изданиях. Работать в “Осколках” значит иметь аттестат... Я имею право глядеть на “Будильник” свысока...» [б. Т. 1. С. 63]; «В “Зрителе” платил издатель превосходно, но теперь, кажется, он уже уходит» [б. Т. 1. С. 63]; «Познакомился с редакцией “Петербургской” газеты”, где был принят, как шах персидский. Вероятно, ты будешь работать в этой газетине, но не раньше лета» [б. Т. 1. С. 176]. Кроме газет и журналов, А.П. Чехов читал и анализировал произведения Александра — брата не только по крови, но и по перу. В письме от 17 или 18 апреля 1883 г. давал Александру советы по работе над текстом: «А посему ничего не потеряешь, если на первых порах сильнее поработаешь, перепишешь раза 2—3» [б. Т. 1. С. 19—21]. Несколько лет спустя, 4 января 1886 года оному предлагал: «Рассказ “С иголки” задуман великолепно, но... чиновники! Вставь ты вместо чиновника благодушного обывателя, не напирая на его начальство и чиновничество...» [б. Т. 1. С. 176—177], но и упрекал: «Писака ты хороший, можешь заработать вдвое, а ешь дикий мед и акриды... в силу каких-то недоразумений, сидящих у тебя в черепе» [б. Т. 1. С. 178]. В письме Александру от 10 мая 1886 года Чехов в деталях разъясняет, как нужно писать, чтобы получилось хорошее художественное произведение, а также характеризует самого себя как читателя и подчеркивает важность критики для

художника: «Пишу это тебе как читатель, имеющий определенный вкус. Пишу потому также, чтобы ты, пища, не чувствовал себя одиноким. Одиночество в творчестве тяжелая штука. Лучше плохая критика, чем ничего... Не так ли? Пришли мне начало своей повести... Я прочту в день получения и возвращу тебе со своим мнением на другой же день» [6. Т. 1. С. 242]. В начале августа 1887 года Чехов хвалит Александра: «Твой последний рассказ “На маяке” прекрасен и чуден. Вероятно, ты украл его у какого-нибудь великого писателя. Я сам прочел, потом велел Мишке читать его вслух, потом дал читать Марье, и во все разы убедился, что этим маяком ты превзошел самого себя» [6. Т. 2. С. 104]. В конце 1887 года уверяет: «Усердно буду читать все тобою написанное и временами буду присылать тебе свое резюме: хочешь — читай, не хочешь — горшки накрывай» [6. Т. 2. С. 162].

Из писем Чехова 80-х годов можно сделать вывод, что он охотно читал не только произведения брата, но и рукописи и сочинения В.Г. Короленко, К.С. Баранцевича, Щеглова (И.Л. Леонтьева), Н.М. Ежова, Грузинского (Ал.С. Лазарева), В.М. Гаршина, М.В. Киселевой, П.А. Сергеенко и др. В своих письмах Чехов обращал внимание на композицию, язык, стиль произведений и в большинстве случаев делал это с огромным уважением к автору. Иногда и «упрекал», что следует из письма к писателю и журналисту таганрожцу П.А. Сергеенко от 17 декабря 1884 года: «Читаю твои произведения и браню тебя за неприлежание: мало пишешь!» [6. Т. 1. С. 137]. Иногда Чехов анализировал произведения своих современников. В письме от 29 сентября 1886 года к детской писательнице М.В. Киселевой дан отзыв на один из ее рассказов: «Ответ на “Калоши” получите в будущем. Скажу пока, что рассказ написан литературно, бойко, кратко, относительно и приблизительно. Думаю, что ответ будет благоприятный. Псевдоним Pince-pez удачен» [6. Т. 1. С. 263]. Спустя месяц, 29 октября 1886 года, Чехов отправил Киселевой более детальный разбор этого и других рассказов: «Вообще нам нужно о многом переговорить. Так, я должен мотивировать кое-какие поправки в Ваших рассказах... Например, в Вашем “Кто счастливей?” начало совсем плохое... Рассказ драматичен, а Вы начинаете с “застрелиться” в самом юмористическом тоне. Потом, “истерический смех” слишком устарелый эффект... Чем проще движения, тем правдоподобней и искренней, а стало быть, и лучше... В “Калошах” много ошибок вроде “дом No 49”. В Москве нумерации в адресах не существует...» [6. Т. 1. С. 270—271]. В письмах Чехова есть и похвальные отзывы о творчестве писателей-современников. В частности, 9 января 1888 он писал В.Г. Короленко: «Ваш “Соколинец”, мне кажется, самое выдающееся произведение последнего времени. Он написан, как хорошая музыкальная композиция, по всем тем правилам, к^оторые подсказываются художнику его инстинктом» [6. Т. 2. С. 170—171]. Высокая оценка дается и творчеству И.Л. Леонтьева в чеховском письме к писателю от 22 февраля 1888 года: «Я прочитал все Ваши книги, которые до сих пор читывал только урывками. Если хотите моей критики, то вот она. Прежде всего, мне кажется, что Вас нельзя сравнивать ни с Гоголем, ни с Толстым, ни с Достоевским, как это делают все Ваши рецензенты. Вы писака *sum generis* {своеобразный (лат.).} и самостоятельны, как орел в поднебесье» [6. Т. 2. С. 204].

Чехов нередко восхищается сочинениями авторов старшего поколения, в частности Л.Н. Трефолева, поэта некрасовской школы, которому пишет 1 марта 1886 года: «Насколько я почитаю Вашу музу, видно из того, что у меня есть любимые вещи из Ваших творений и что обещание Ваше прислать мне сборничек стихов Л.Н. Трефолева подействовало на меня, как рюмка водки после десятичасовой поездки на перекладных по 35-градусному морозу» [6. Т. 1. С. 207]. Д.В. Григоровичу, автору знаменитой в 40-х годах повести «Деревня» и одному из первых известных писателей, который увидел в рассказах А. Чехонте большой талант, Чехов 12 февраля 1887 года писал об отрывке из неоконченного романа «Петербург прошлого времени»: «Скажу только, что Ваш рассказ кажется мне великолепным» [6. Т. 2. С. 31]. Я.П. Полонскому, известному поэту, многие стихи которого, положенные на музыку известных русских композиторов, стали популярными романсами и песнями, посвятившему Чехову стихотворение «У двери», он 18 января 1888 года написал: «К чтению Вашей прозы я приступил с уверенностью, или с предубеждением — это вернее; дело в том, что, когда я еще учил историю литературы, мне уже было известно одно явление, которое я возвел почти в закон: все большие русские стихотворцы прекрасно справляются с прозой. Этого предубеждения Вы у меня из головы гвоздем не выковырите, и оно не оставляло меня и в те вечера, когда я читал Вашу прозу. Может быть, я и не прав, но лермонтовская “Тамань” и пушкинская “Капитанская дочка”, не говоря уж о прозе других поэтов, прямо доказывают тесное родство сочного русского стиха с изящной прозой» [6. Т. 2. С. 177]. Это письмо свидетельствует, что Чехов еще гимназистом глубоко изучал произведения больших русских поэтов.

О том, что читает, что думает о произведениях и об их авторах, Чехов часто писал и главному редактору журнала «Осколки» Н.А. Лейкину. Познакомил их в 1882 году Л.И. Пальмин, поэт и переводчик, о чьем творчестве Чехов неоднократно упоминал в письмах. Например, 23 октября 1886 года он написал Лейкину: «Поэт он оригинальный и, несмотря на однообразие, стоит гораздо выше и читается охотнее, чем десятки поэтиков, жующих злобу дня» [6. Т. 1. С. 268]. С 1882 до конца 1887 года Чехов сотрудничал в «Осколках» и вел переписку с Лейкиным. В «Осколках» в 1884 году был напечатан первый сборник его рассказов «Сказки Мельпомены». Поскольку Лейкин, редактор-издатель самого либерального в 80-е годы XIX века юмористического литературно-художественного журнала и сам был писателем, Чехов нередко выражал свое восхищение его текстами. Летом 1883 года Чехов пишет Лейкину: «Написал я рецензию на Ваших “Карасей и шук”» [6. Т. 1. С. 78]. Как отмечает В.Б. Катаев, молодой Чехов, по собственному признанию, читал лейкинские произведения «ревностно» и «захлебываясь» от удовольствия [5. С. 7]. Помимо «Осколков», в 80-е годы Чехов печатался в журналах «Стрекоза», «Будильник», «Развлечение», «Зритель» и др., но Лейкина в июне 1883 уверял: «Мне дороги не мои интересы, а интересы “Осколок”. К “Стрекозам” и “Будильникам” я отношусь индифферентно...» [6. Т. 1. С. 75] Несколько дней спустя, уехав из Москвы в Воскресенск, Чехов продолжает делиться своими впечатлениями о прочитанном в журналах и 27 июня пишет Лейкину: «К “Стрекозе” не ревнуйте. Рассказ, напечатанный там, длинен для “Осколок”»

(ровно 150 строк). Какие беспорядки в этом “русском Journal Amusant”! В одном рассказе столько опечаток, что читающему просто жутко делается!» [б. Т. 1. С. 76—77]. Переписка с Лейкиным продолжалась практически до конца жизни Чехова.

Проблемы литературы и литераторов во второй половине 80-х годов Чехов обсуждал с еще одним своим издателем — А.С. Сувориным. Познакомились они в 1885 году, а в 1886 году в газете «Новое время» был напечатан первый рассказ Чехова, и в том же году началась их переписка. В своих письмах Чехов рекомендовал, хвалил, иногда критиковал прочитанные им произведения. В письме от 10 февраля 1887 года Чехов пишет Суворину: «Вместе со своим рассказом посылаю Вам рассказ г-жи Киселевой “Ларька-Геркулес”» [б. Т. 2. С. 27]. В следующем году, 3 апреля 1888 года, он отмечает: «Из писателей последнего времени для меня имеют цену только Гаршин, Короленко, Щеглов и Маслов. Все это очень хорошие и не узкие люди. Ясинский непонятен (это или добросовестный мусорщик, или же умный пройдоха), Альбов и Баранцевич наблюдают жизнь в потемках и сырости водосточных труб, все же остальные бездарны и сунулись в литературу только потому, что литература представляет собой широкое поприще для подхалимства, легкого заработка и лени» [б. Т. 2. С. 230]. Переписка Чехова и Суворина продолжалась до 1903 года, и Чехов многократно обсуждал в ней прочитанное.

Таким образом, анализируя содержание писем Чехова родственникам, друзьям, коллегам и издателям в период с 1876 по 1888 год, можно сделать вывод, что Чехов не только много писал, но и много читал. В круг чтения писателя входили как произведения мировой литературы, на которые он ссылаясь, так и произведения русских современников. Чехова интересовал широкий диапазон произведений в период, когда он сам развивался как писатель, публикуя короткие рассказы, сценки, юморески, обычно под псевдонимом, искал новые жанры и создавал собственный повествовательный стиль. В письмах Чехов часто обсуждал прочитанные книги, рассказы, драмы, на которые смотрел как писатель и драматург, высказывая ценные суждения и критику, давая рекомендации родственникам и друзьям, что читать, а издателям — что печатать. Кроме беллетристики, Чехов охотно читал газеты и журналы, а когда сам не мог их достать, просил корреспондентов обязательно их прислать. Из титульных данных писем (дата, место написания, адресат) очевидно, что Чехов читал и у себя дома, и в поездках, всегда осознавая важность чтения не только для развития писательского мастерства, но и для формирования целостной личности. Из эпистолярного наследия можно достаточно четко реконструировать читательский портрет Чехова как ценителя и знатока мировой и русской литературы, страстного любителя книг. Для получения полной картины о Чехове как читателе следовало бы рассмотреть и другие источники (дневники, литературоведческие работы о жизни и творчестве писателя), но это тема более обширного исследования. Представление о личности Чехова-читателя дает возможность точнее и глубже осмыслить истоки его творческих устремлений как писателя и драматурга.

© Николетич С., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Бунин И.А. Собрание сочинений в 6 т. М.: Художественная литература, 1988. 719 с.
- [2] Громов Л.П. Реализм А. П. Чехова второй половины 80-х годов. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1958. 218 с.
- [3] Громов М.П. Книга о Чехове. М.: Современник, 1989. 384 с.
- [4] Киричек М.С. История библиотечного дела г. Таганрога. Таганрог: ЦБС г. Таганрога; Отдел автоматизации библиотечных процессов, 2004. 132 с.
- [5] Спутники Чехова / под ред. В.Б. Катаева. М.: Издательство Московского университета, 1982. 480 с.
- [6] Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М.: Наука, 1974.
- [7] Шестов Л. Творчество из ничего. (А.П. Чехов). М.: КМКScientific Press Ltd., 2000. 55 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 5 декабря 2016.

Дата принятия к печати: 25 декабря 2016.

Для цитирования:

Николетич С. (2017). А.П. Чехов как читатель // *Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2017. Т. 22. № 1. С. 7–16.

Сведения об авторе:

Николетич Сандра, аспирант кафедры новейшей русской литературы и современного литературного процесса Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Контактная информация: e-mail: sandra.nikoletic@mail.ru

A. P. CHEKHOV AS A READER

S. Nikoletic

Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, 1st Humanities Building, Moscow, Russia, 119991

The purpose of this article is to describe the reading practices of A.P. Chekhov during the formation and development of his writing talent. The research focuses mainly on Chekhov's epistolary heritage from 1876 until 1888. In his correspondence with family, friends, aspiring writers, publishers and well-known figures of Russian culture of the 1870s and 1880s preferences and interests of the writer can be identified in reference to articles, newspapers, magazines and books he liked to read. A wide range of Russian and foreign books and articles that Chekhov read contributed to not only the achievement of literary excellence, but also to the formation of Chekhov as a person. The evolution of Chekhov as a reader from 1876 to 1888 is particularly important for understanding the origins of the poetic style of his prosaic and dramatic works.

Key words: Chekhov, epistolary heritage, reading, reader, correspondence

REFERENCES

- [1] Bunin I.A. Sobranie sochinenij v 6 tomah. [Complete collection of works in 6 volumes]. М.: Hudozhestvennaja literatura [Artistic Literature], 1988. 719 p.
- [2] Gromov L.P. Realizm A.P. Chekhova vtoroy poloviny 80-h godov [A.P. Chekhov's realism in the second half of the 80s]. Rostov-na-Donu: Rostovskoe knizhnoe izdatelstvo [Rostov-on-Don, Rostov publishing house], 1958. 218 p.
- [3] Gromov M.P. Kniga o Chekhove [Book about Chekhov]. М.: Sovremennik [Contemporary], 1989. 384 p.
- [4] Kirichek M.S. Istorija bibliotechnogo dela g. Taganroga. [The history of librarianship in Taganrog]. Taganrog: TsBS g. Taganroga; Otdel avtomatizatsii bibliotechnykh protsessov [Taganrog: Centralised Library System of Taganrog: Department of automation of library processes], 2004. 132 p.
- [5] Sputniki Chekhova. Pod red. V.B. Kataeva [Chekhov and his literary contemporaries. Edited by V.B. Kataev]. М.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta [Publishing House of Moscow State University], 1982. 480 p.
- [6] Chekhov A.P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 tomah. Pis'ma: V 12 tomah [Complete collection of works: in 30 v. Letters: in 12 v.]. М.: Nauka [Science], 1974.
- [7] Shestov L. Tvorchestvo iz nichego [Creation out of nothing]. М.: KMK Scientific Press Ltd., 2000. 55 p.

Article history:

Received: 5 December 2016.

Revised: 11 December 2016.

Accepted: 25 December 2016.

For citation:

Nikoletic S. (2017). A.P. Chekhov as a reader. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2017, 22 (1), 7—16.

Bio Note:

Nicoletic Sandra, Phd student of the Department of Russian Literature of the XX century and contemporary literary process, Philological faculty, Moscow Lomonosov state university.

Contacts: e-mail: sandra.nikoletic@mail.ru



УДК 821.161.1

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-1-17-27

МОТИВ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ И ИДИЛЛИЧЕСКИЙ ДИСКУРС У БУНИНА, ГУМИЛЁВА И ИВАНА САВИНА

Д.А. Завельская

Православный институт св. Иоанна Богослова
пер. Чернышевского, 11а, Москва, Россия

Статья посвящена интерпретации предметных образов определенного типа в литературе начала XX века. Культурная память предстает в этих образах как плод благого деяния.

Время ощущается через изображения в пространстве. Этический смысл объектов анализируется в контексте «благого деяния» как сущности человеческой культуры. В качестве гипотезы выдвинута необходимость изучения особого идиллического дискурса.

В единстве «идиллического дискурса» рассмотрены произведения И. Бунина («Чернозем», «Антоновские яблоки», «Окаянные дни»), стихотворения Н. Гумилёва «Городок», «Блудный сын» и «Заблудившийся трамвай», стихотворение И. Савина «И канареек. И герани...», рассказ «В мертвом доме».

Ключевые слова: дискурс, идиллия, культура, память, пространство, предметность, метод

— *Зачем же она непременно лапшу при тебе будет есть, Алексис?
Да и хотя бы лапшу, — что в ней плохого?..*
Толстой А. Н. «Граф Калиостро»

Прежде всего поставим методологические вопросы: как выявить в тексте *культурную память*? В чем ее разница с памятью личной?

Рассмотрим случаи, когда культурная память воплощена в *предметных образах*. В цикле Бунина «Окаянные дни», предметно-насыщенном, как и большинство бунинских текстов, по тональности из основного ряда картин выбиваются яркие фрагменты. Назовем их «прекрасными» — не в плане оценки мастерства, но в плане явственной философской категории «прекрасного», которая отличает их смысл по контрасту с «окаянством».

Практически во всех этих фрагментах обозначен культурно-исторический смысл:

С горы за Мясницкими воротами — сизая даль, груды домов, золотые маковки церквей. Ах, Москва! На площади перед вокзалом тает, вся площадь блещет золотом, зеркалами. Тяжкий и сильный вид ломовых подвод с ящиками. Неужели всей этой силе, избытку конец? [З. С. 33].

И еще явственней в привязке к истории и культуре:

Я как раз смотрел в это время на удивительное зеленое небо над Кремлем, на старое золото его древних куполов... Великие князья, терема, Спас-на-Бору, Архангельский

собор — до чего все родное, кровное и только теперь как следует почувствованное, понятое! [3. С. 34]

Объяснить эти пафос и яркость можно силой эмоций и ассоциативной связи, но данный, иногда плодотворный метод порождает чрезмерное поле гипотез о личных чувствованиях, которые и самим автором не всегда четко осознаются. *Методология* должна быть привязана к явлениям проверяемым и принципиально подлежащим типологизации.

Преимущественно для типологизации предметности, ее поэтики и эстетических принципов используют понятия «картина», «описание», «фон», «каталог». Но в означенных фрагментах Бунина помимо эмоций читается ясная этическая, ценностная база: сила, щедрость, красота и радость. Эта база может стать проблемой для интерпретатора в силу тех категорий, которые не позволяют воспринимать этическую и эстетическую напряженность «описательных фрагментов», «картин» и прочих предметных элементов наравне с активностью событийной.

Анализ предметности в творчестве Бунина нередко становился проблемой для исследователей, приводил к попытке «увязать» образы с философским осмыслением бытия в категориях «настоящего» и «былого». Еще современник писателя В.Г. Короленко недоумевает: «...очерки г-на Бунина разрабатывают тот же запоздалый мотив и проникнуты той же печалью о призраках, когда-то живших, радовавшихся и любивших среди уюта “дворянских гнезд”, которые мы встречаем и в последней драме Чехова... Его “Чернозем” — это легкие виньетки, состоящие преимущественно из описаний природы, проникнутых лирическими вздохами о чем-то ушедшем...» [11. С. 146].

Но именно «описательные» фрагменты в «Черноземе» типологически подобны «прекрасным» фрагментам «Окаянных дней», только в «Окаянных днях» это уже не вздохи, а оплакивание культурно и этически значимого *жизненного факта*. При сопоставлении же со знаменитыми «Антоновскими яблоками» и очерками «Тень птицы» этический смысл очевиден: «Антоновские яблоки» разворачивают то, что свернуто и подразумевается в «Черноземе», где через предметный ряд актуализирован мотив культурной памяти. «Нанизывание» деталей не просто подчинено воспринимающему сознанию рассказчика: это сосуществование предметов, жизней, явлений, развернутое не во времени восприятия, а в самоценном *бытийном времени*. За каждой деталью — ее «свернутая» история: стекла потемнели когда-то и стали радужными от ветхости, акварели были написаны, а теперь забыты, как и отломанные ножки столов (за которыми, видимо, обедали или играли), зеркало покривилось, горлинки жили и прежде в садах, и теперь их не покидают.

В «Антоновских яблоках» культурная память явно созвучна красоте, щедрости и «благодной деятельности»:

На гумнах темнели густые и тучные конопляники, стояли овины и риги, крытые вприческу; в пуньках и амбарчиках были железные двери, за которыми хранились холсты, прялки, новые полушубки, наборная сбруя, меры, окованные медными обручами [4. С. 122].

И с еще большей очевидностью:

К тому же наши Выселки спокон веку, еще со времен дедушки, славились «богатством». Старики и старухи жили в Выселках подолгу, — первый признак богатой деревни, — и были все высокие, большие и белые, как лунь [4. С. 161].

Затрудняясь в определении жанра этого текста, исследователи нередко писали о его *идилличности*.

Такое определение «само просится», однако *методологическая* и (что не менее важно!) *ценностная* инерция мешает рассмотрению бунинской поэтики в аспекте этого жанра. Хотя еще с Феокрита идиллия была жанром полновесным и устойчивым в основной модели, а не просто «описательно-предметным» и через много веков донесла до европейской культуры, в том числе русской, активный эмоционально-нравственный смысл: пребывание в благом и щедром мире, где деятельность направлена на созидание, любовь и дарение, воплощенные в «простых вещах» и согласуются с природным возобновляемым циклом.

По мнению одного из исследователей, в мире Бунина настоящее вбирает в себя прошлое, образуя «целостную картину мира, во всем своем богатстве, с неискаженным временем пропорциями» [13. С. 130], что воплощено и предметностью. Таким образом, предметный слой текстов Бунина с большой долей уверенности можно отнести к «идиллическому дискурсу» и увидеть в культурной памяти не «вздохи об ушедшем», а предметно воплощенную эмоциональную связь с активно-благой деятельностью *былого*, некогда *настоящего*. Именно так история осмыслена в «Тени птицы»:

Да, они были когда-то, эти святые города. Были благочестивые старцы, отказывавшие по смерти своей все имение свое на нищих, калек и стамбульских собак... Были шитые золотом одежды, кривые ятаганы бесценной стали, тюрбаны из багдадских шалей... [5. С. 505].

Исследуя «память жанра» в историко-культурном процессе, можно увидеть двойной путь идиллии в русскую традицию: не только через европейский классицизм, но и через переводную византийскую литературу, переносившую античное эстетизирование благого деяния в том числе на образ Эдемского сада как первичного замысла с нравственным смыслом щедрого Божьего дара. Возможно, оба варианта идиллии объединяются у русских авторов XVIII в., насыщаясь тем этическим смыслом, который затем проявится в предметных образах Пушкина, Гоголя и других романтиков. Показательна эволюция идиллии у Дельвига — от образцов классицизма («Некогда Титир и Зоя...») к народно-фольклорным стилизациям («Сиротинушка девушка...», «Что, красотка молодая...», «Я вечер в саду...» и другие «Русские песни»). А в стихотворении А. Майкова «Прощание с деревней» (1841) объединение идиллической поэтики Эдема и образа усадьбы имеет буквальный характер.

В. Топоров в своем труде «Вещь в антропоцентрической перспективе (апология Плюшкина)» пишет о динамически-деятельном смысле предметов:

...вещь всегда вторична, подсобна, не самодостаточна. Произведенная человеком из чего-то первичного (или «более первичного», чем сама), она предназначена для

удовлетворения неких потребностей, для использования ее человеком: «нужность» вещи <...> Она стоит между человеком и результатом, которого он надеется достичь с помощью этой вещи, чтобы удовлетворить свою нужду [14. С. 15].

Далее развита мысль о «бого-вещном» подобии, благодаря которому

...человек, пользуясь вещами по своим «низким», собственно человеческим нуждам, должен помнить, что через них он вступает в общение с Богом, и Бог через них говорит с человеком [14. С. 15].

Не вдаваясь в богословскую точность этих рассуждений, заметим, что смысл щедрости/благодаяния/общего радостного пространства действительно может выстроить такую связь через этику деятельности, в идиллическом дискурсе выраженную не только *существительными*, означающими «благие вещи», но и обильными *глаголами* активного человеческого деяния. Рассмотрим «глагольность» в стихотворении из «Окаянных дней»:

Вот рожь горит, зерно течет,
А кто же будет жать, вязать?
Вот дым валит, набат гудет,
Да кто ж решится заливать?
Вот встанет бесноватых рать
И как Мамай всю Русь пройдет... [3. С. 27]

В идиллическом контексте образы разрушителей получают отчетливую роль, враждебную красоте и благодати культурного (вещного) богатства и плодотворной (жать, вязать) или спасающей (заливать) деятельности.

Осмысление культурной памяти как «бытия через быт» в сходной ценностно-эстетической системе мы найдем и у других современников Бунина, например, у Н.С. Гумилёва в стихотворении «Городок» (1916). Сложность интерпретации «Городка» отчасти обусловлена поиском ассоциации или символики, подразумевающей непреложную ценность «инобытия», «высшего смысла» предметов, выходящего за пределы «принижаящей» материальности. Между тем акмеизм (точнее — «адамизм») отходил от символистской поэтики, стремясь к усилению бытийной конкретности и воплощенности.

Культурно-исторические образы у Гумилёва, несомненно, значимы, многие из них пронизаны мистическим смыслом — вплоть до последних пьес: «Гондла» и «Дитя Аллаха». Но мистицизм поэта претерпевал серьезную трансформацию, и «Городок» можно истолковать как важную веху на пути его духовных исканий, означающую не только новый православно-патриотический вектор, о котором пишет Ю. Зобнин [10. С. 377—406], но осознание реальности «родного и близкого».

«Инобытие» в «Городке» практически все воплощено «речью мудрою, человеческой» колокольного звона, который гудит, благословляя простое, полное жизнью пространство мещанско-провинциальной идиллии. Немаловажна переключенность «человекобожеского» акцента в этом образе с «человечьей жизнью настоящей». При этом «настоящая» может прочитываться разом как «ныне существующая», «истинная по назначению» и «явленная в подлинности бытия», а на слово «человеческой» падает финальный, ударный акцент.

Сами вещественные образы (мосток, столбы, дворец, жеребец, узорные платки), хоть и могут быть символически истолкованы, но совершенно не нуждаются в этом, наполняя благословенное пространство прямым и непосредственным смыслом благой деятельности, чья *глагольность* дополняется формами причастий («помянутый», «уходящая», «крепко-слаженных») и отглагольных существительных («удивление», «звон»), создающих *внутреннюю энергию и динамику* поэтического мира.

На первый взгляд мотив культурной памяти здесь явлен лишь строкой о летописце, но он воплощен и в узнаваемости образов, которые отсылают к фольклору, классике; а главное — в том, как через обустроенное пространство читается время. Это панорама культурного, структурированного, *возделанного* [1. С. 29–61] пространства, созданного для жизни, а значит — ценного и оберегаемого. В этом контексте оппозиция приземленное/небесное снимается, поскольку земное как бы залито небесным светом. В благом культурном пространстве жизнь духовна, потому что осмысленна (для взаимной радости, защищенности и возобновляемости добрых деяний), а не наоборот (осмысленна, потому что духовна, т. е. более ментальна, чем вещественна). Идиллия не тождественна идеалу, это категории различных измерений.

В «Городке» образ Эдемского сада как варианта русской идиллической модели не очевиден. Он присутствует в других стихотворениях Гумилёва («Сон Адама», 1910 и др.), но наша задача — найти общность его с идиллией и мотивом *культурной памяти*. Такая общность видна в «Канцоне» («Храм твой, Господи, в небесах...», 1917), но с наибольшей полнотой — еще в «Блудном сыне» (1911), поэме насыщенно-предметной и пространственно-ориентированной. Ее финал — яркий образец эмоционального и этического звучания благой предметности в благословенном пространстве:

И в горечи сердце находит уладу:
Вот сад, но к нему подойти я не смею,
Я помню... мне было три года... по саду
Я взпуски бегал с лисицей моею.
<...>
За садом возносятся гордые своды,
Вот дом — это дедов моих пепелище,
Он, кажется, вырос за долгие годы,
Пока я блуждал, то распутник, то нищий.

Там празднество: звонко грохочет посуда,
Дымятся тельцы и румянится тесто,
Сестра моя вышла, с ней девушка-чудо,
Вся в белом и с розами, словно невеста. [8. С. 152]

Неожиданно, но совершенно органично сочетание культурной памяти (своды, дедов пепелище) с образом первичной невинности (Эдем до грехопадения) — мирная игра дитяти с хищником, который (что немаловажно!) назван «первым зверем». Здесь уже видна двойственность идиллического пространства.

С одной стороны, традиционная экзегеза подразумевает возвращение через покаяние: к Богу, к утраченному райскому блаженству и единству с Отцом Не-

бесным; встреча сына *дарами* — безусловный знак Божьей милости и щедрости; и контекст «адамизма» согласуется с поэтикой вновь обретенного Эдема.

С другой стороны, пространство отчего дома и сада, как сказано выше, — пространство памяти, *воплощение преемственности поколений*. Поэтому время историческое («вырос за долгие годы»), как в идилическом дискурсе Бунина, не конфликтно и здесь с временем циклическим, сохраняя динамику, оно несет смысл не просто трансформации, а *созидания* доброго, славного и прочного. Дом *построен* когда-то, но теперь он *стоит*. Праздник только *ожидается*, но угошенье готовится, *как всегда*. Духовный смысл не просто *вещей*, но *щедрых даров* объединяет вневременной план с культурно-историческим в пространстве благой деятельности.

Итак, идилический дискурс — никак не просто «виньетка»; он *внутренне активен* как мировоззренческая модель. Систематизируем его основные свойства:

1) панорамность, предполагающая активную созерцательность и созвучие *природного* начала с *культурным (возделанным)*;

2) насыщенная предметность с явной семантикой радости, щедрости и благодеятельности;

3) глагольность с той же семантикой + созидание и возобновляемость.

Попробуем применить эту гипотетическую модель к одному из самых «загадочных» стихотворений Гумилёва — «Заблудившемуся трамваю» (1919). Один из путей интерпретации — поиск прототипа Машеньки. Проблема здесь вновь методологическая: попытка «разгадать» Машеньку в биографическом ключе предпринималась не раз (Л. Аллен, С. Бобров, Ю.В. Зобнин, Д.М. Магомедова, Р.К. Тименчик и др.). Выделим, впрочем, работу Зобнина, где рассмотрен первый вариант имени («Катенька») как указание на Е.Я. Державину, первую жену великого поэта, увековечившего ее в образах «Плениры» и «Ласточки» [9. С. 176—192]. Но что это прибавит к интерпретации самого «Заблудившегося трамвая»? М. Голикова убедительно показывает, что данная линия исследования может завести в тупик [6].

Гораздо важнее — смысл образа Машеньки в общем контексте стихотворения:

— единственный «дружественный» образ;

— образ, отчетливо увязанный с конкретной эпохой — XVIII веком;

— именно Машеньке посвящен финальный аккорд стихотворения. Едва ли не главный смысловой аккорд, выражающий не только личные интенсивные чувства (так любить и грустить), но четкий нравственный императив — молебен о здравии Машеньки и панихида по герою.

Вначале он вопрошает: может ли быть, что ты умерла? В финале же выстраивает *должный* порядок событий: Машенька должна жить, а герой — умереть. Возможно — *ради того*, чтобы жила Машенька. Это вновь может породить биографические поиски, однако уже виден смысл образа в контексте культурной памяти, поскольку все стихотворение — нравственное осмысление культурной памяти.

Если (используя нашу модель) образ Машеньки счесть *идиллическим*, то объяснение получат и финал, и XVIII век. «Пространство Машеньки» — это свернутое пространство идилического дискурса, обладающее всеми его базовыми ха-

раактеристиками: созвучие природного начала культурному; предметность с очевидной семантикой радости, щедрости и благодетельности (ковер); глагольность с той же семантикой + созидание и возобновляемость (жила, пела, ткала). Значит, на активном этическом уровне — это хранимое пространство, а на вневременном — непреложная ценность, как «человечья жизнь» в «Городке» и Дом Отца в «Блудном сыне». Но в начале XX века такая этическая и метафизическая система вызывает либо недоумение (см. выше), либо прямое отвержение (Андреев, Блок, затем — Багрицкий, перенявший от символизма идейно-философское неприятие быта).

На рубеже веков быт конфликтует с духовным началом, созвучном с *ментальным преодолением* реальности. Между тем в XVIII веке, особенно у русских авторов, идиллически бытовая сфера была одним из средоточий духовности как благого созидания в реальности. В этом ключе «маленькая» Званка Державина наследует масштабной панораме ломоносовской «возлюбленной тишины», а пушкинская Марья Гавриловна — духовная наследница державинской Пленеры и Дашеньки. Поэтому в «Заблудившемся трамвае» «пространство Машеньки» можно интерпретировать не просто как идиллическое, но эдемское пространство, точку возврата из невозврата (историческое время), точку приложения нравственной силы (молебн о здравии) ради укрепления в *должном*.

Такое противостояние идиллии и истории как активно нравственное подтверждается двумя дополняющими друг друга произведениями писателя-эмигранта Ивана Савина (И.И. Саволайнена): стихотворением «И канареек, и герани...» и новеллой «В мертвом доме».

По сути, «мертвый дом» — это загубленный Эдем, который оживает через предметные ассоциации в памяти комиссара. Ночуя в гостинице, бывшем жилом доме, он вспоминает точно такую жизнь, которая и у него была когда-то:

Казалось тогда все таким простым и вечным: васильки не отцветут, молодость не сгинет. Когда пела Ляля над прудом песни или, трясая седой головой, резала Лизаветушка яблоки для сушки, думалось — хорошо жить. Господи! Смеялись Ляля, Лизаветушка, серый пес Волк, кусты смородины за домом, голуби, садовник Архип, зимой и летом ходивший в валенках. Во всем, в каждой мелочи, в мимолетном слове дрожала она, эта неумолкающая радость жизни.

Былой, милой, наивной нежностью дышали на пыльном полу простые серые конверты [12. С. 233].

Узнавание своего через чужое встраивает личную память в культурную: не просто *быт*, а *образ бытия*. С носительницей «былой жизни» герой сталкивается в диалоге о «двух правдах», но онтологический акцент противостояния воплощен через *вещность*:

Светилось это, чуждое новым, безмолвие в запыленном зеркале высокого черного трюмо между окнами, в матовом блеске письменного стола на выгнутых ножках: талилось это в небольшом шкафу с книгами, занавешенном темно-красным шелком, в плетеном кресле — подушка лежала на нем зеленая, с какими-то странными, наивными цветами [12. С. 232].

Повтор эпитета «наивный» созвучен идиллической трактовке человеческой деятельности как продолжения естественно-природного цветения и плодоношения.

По мнению В. Топорова, «вещь, напротив, вне природы и природного ряда; она создана искусственно мыслящей рукой человека, которая, создавая вещь, обучает ее, исходя из «антропоцентрических» принципов: человек включает вещь в эволюцию соответствующего «вещного» ряда, с ее отбором, борьбой «видов», прогрессом... “заражает” вещь “разумом” — теми способностями и их сочетаниями, которые иногда настолько превосходят человеческие, что способны уходить из-под опеки и контроля человека и становятся не предсказуемыми» [14. С. 33]. Однако в идиллическом пространстве мы обнаружили принципиально иной характер вещи: продолжение природного порядка.

Это подтверждает стихотворение Савина «И канареек, и герани...», по принципу каталога повторяющее предметный ряд новеллы «В мертвом доме»:

Всю эту заросль вековую
Безумно вырубленных лет.
Я — каждой мыслью целую
России вытоптаный след, —

Как детства дальнего цветенье,
Как сада Божьего росу,
Как матери благословенье,
В душе растоптанной несусь [12. С. 41].

Здесь эдемский смысл буквализирован через культурную память: «заросль вырубленных лет» приравнена к Божьему саду — это и есть *возделанное* пространство, наполненное невинным и радостным смыслом, но уничтоженное временем, дух которого — безбытность, бездомность, ибо ценностная система сосредоточена на эсхатологическом движении-разрушении, свободе и высвобождении. Высшим смыслом с некоторых пор считается *мечта* о будущем — процесс сугубо *ментальный*, сколько бы ни обосновывала марксистская идеология прагматику смены экономического и политического строя.

Для нынешнего исследователя это представляет нередко ту же сложность, что и для современников Бунина: даже актуальный *терминологический аппарат* литературоведения больше приспособлен под аксиологию прогрессивного и ментального, нежели хранимого и плодоносного. Ломоносовские «краса и польза» воспринимаются как анахронизм. Вспомним суждение Г. Гуковского о «Старо-светских помещиках» Гоголя [7. С. 94], в котором понятийный инструментарий романтизма (противопоставление «земности» и «животности» неким *потенциально* «высоким качествам»; полярность ничтожного и возвышенного по «романтической» вертикали) вполне согласуется с марксистским принципом литературоведения. По сути, то, что составляет основу идиллии («земность» и обыденность), мешает увидеть ценность самой идиллии как системы коннотаций. В этом — одна из проблем выдвигаемой гипотезы.

Для решения проблемы можно использовать подход, близкий «генетическому методу» О.М. Фрейденберг, ограничив поле исследования конкретными формами авторской литературы (хотя трудно усомниться в первичной мистериальности идиллического текста). Понятие «речевой картины мира», которая содержит в себе активность и интенциональность, дает возможность увидеть в *идиллическом*

дискурсе ту внутреннюю динамику и деятельную сущность, которая иным методом игнорируется. Попробуем проверить универсальность данной дискурсивной модели и оценить способы применения.

1. В ключе универсализма речевой картины мира мотив культурной памяти имеет серьезное типологическое основание: активный процесс благой человеческой деятельности, *свернутый* в предметность, но готовый к *развертыванию* как след жизни во времени. Эта типология позволяет отделить сугубо личную, ассоциативную память от памяти, простирающейся за пределы индивидуального опыта, но подразумевающей личное приобщение.

2. В этом же ключе можно разделить *два типа исторического времени*: время созидания/оберегания и время преобразования. Первое *аккумулируется* в вещиности и ценно вещьностью; второе самоценно и *стремится сквозь* вещи. В первом духовность *воплощается* вещью через семантику *дара*, благодеяния и пользы; во втором польза вещи *определяется* мерой ментальности, автоматически приравненной к духовности.

В аспекте памяти жанра здесь использованы как целостные произведения, так и текстовые фрагменты, отвечающие сформулированным критериям идиллии. Очевидно, что первые в начале XX века встречаются реже, чаще всего — в стихотворном варианте. Проза же в процессе своей эволюции [2. С. 197] сопрягает идиллические элементы с иными дискурсами, а ироническое обыгрывание идиллии мы видим уже у Пушкина и Гоголя. И у других авторов данная универсальная модель порой подвергается серьезному перекодированию и разнородным наслоениям. Но первичный, буквальный ее смысл не отменяется и может заявлять о себе весьма активно. Тогда поиск чистого инварианта и установление его формально-смыслового взаимодействия с другими типами литературного дискурса может стать одним из методов установления *ценностных* ориентаций культуры и отдельных ее носителей.

© Завельская Д.А., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Асоян Ю., Малафеев А. Открытие идеи культуры. Опыт русской культурологии середины XIX — начала XX веков. М., 2000.
- [2] Бахтин М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. 304 с.
- [3] Бунин И. Окаянные дни. М.: Молодая гвардия, 1991. 335 с.
- [4] Бунин И.А. Собрание сочинений в 6 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1987.
- [5] Бунин И.А. Собрание сочинений в 6 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1987.
- [6] Голикова М. «Заблудившийся трамвай» Николая Гумилева: Об источниках образов и путях ассоциаций, 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gumilev.ru/about/181/>
- [7] Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. М.: ГИХЛ, 1959. 532 с.
- [8] Гумилев Н.С. Собр. соч. в 4 тт. Т. 3. М.: Худ. лит., 1991. 590 с.
- [9] Зобнин Ю.В. «Заблудившийся трамвай» Н.С. Гумилёва (к проблеме дешифровки идейно-философского содержания текста) // Русская литература. 1993. № 4. С. 176—192.
- [10] Зобнин Ю.В. Николай Гумилев. М.: Вече, 2013. 480 с.
- [11] Короленко В.Г. [Журналист] «О сборниках «Знания»» // Русское Богатство. 1904. № 8.
- [12] Савин Иван. «Всех убиенных помяни, Россия...» М.: Российский фонд культуры, 2007. 432 с.

- [13] *Сливицкая О.В.* «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. М.: Издательство РГГУ, 2004. 270 с.
- [14] *Топоров В.Н.* Вещь в антропоцентрической перспективе (апология Плюшкина) // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс-Культура, 1995. 624 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 1 октября 2016.

Дата принятия к печати: 20 ноября 2016.

Для цитирования:

Завельская Д.А. (2017). Мотив культурной памяти и идиллический дискурс у Бунина, Гумилева и Ивана Савина // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2017. Т. 22. № 1. С. 17—27.

Сведения об авторе:

Завельская Дарья Александровна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой культурологии факультета религиоведения Московского православного института св. Иоанна Богослова, доцент.

Контактная информация: e-mail: daralzav@gmail.com

THE MOTIF OF CULTURAL MEMORY AND THE IDYLIC DISCOURSE OF BUNIN, GUMILEV AND IVAN SAVIN

D.A. Zavel'skaya

St. John the Theologian's Moscow Orthodox Institute
Chernyshevskogo srt. 11 a, Moscow, Russia

This article is about the interpretation of object images of a certain type in the literature of the early twentieth century. Cultural memory appears in these images as the fruit of good deed.

Time is felt through the image in space. Ethical meaning of objects is analyzed in the context of “good deed” as the essence of human culture. As a hypothesis, there is a need to examine the particular idyllic discourse.

In the unity of the “idyllic discourse” examines the works of Bunin (“Black soil”, “Antonovsky apples”, “The accursed days”); Gumilev's poem “The Town”, “The prodigal son” and “Strayed tram”; the Savin's poem “And the canary. And the geranium...”, the short story “In the dead house”.

Key words: discourse, idyll, culture, memory, space, objectivity, method

REFERENCES

- [1] Asojan Ju., Malafeev A. Otkrytie idei kul'tury. Opyt russkoj kul'turologii serediny XIX — nachala HH vekov [The discovery of the idea of culture. The experience of russian culturology of mid XIX and early XX centuries]. M., 2000. Pp. 29—61.
- [2] Bahtin M. Jepsos i roman [The epic and the novel]. SPb.: Azbuka, 2000. 304 p.

- [3] Bunin Ivan *Okajannye dni* [The accursed days]. M.: Molodaja gvardija, 1991. 335 p.
- [4] Bunin I.A. *Sobranie sochinenij v 6 t.* [Collected works in 6 vol.]. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1987. V. 2.
- [5] Bunin I.A. *Sobranie sochinenij v 6 t.* [Collection of works in 6 vol.]. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1987. V. 3.
- [6] Golikova M. «Zabludivshijsja tramvaj» Nikolaja Gumileva: Ob istochnikah obrazov i putjah asociacij [“Strayed tram” by Nikolai Gumilev: about the sources of images and ways of associations, 2013] 2013. [Elektronnyj resurs, rezhim dostupa: <http://www.gumilev.ru/about/181/>]
- [7] Gukovskij G.A. *Realizm Gogolja*. [The Realism of Gogol]. M.: GIHL, 1959. 532 p.
- [8] Gumilev N.S. *Sobr. soch. v 4 tt.* [Collection of works in 4 vol.]. M.: Hud. Lit, 1991. T. 3. 590 p.
- [9] Zobnin Ju.V. «Zabludivshijsja tramvaj» N.S. Gumiljova (k probleme deshifrovki idejno-filosofskogo sodržanija teksta). *Russkaja literatura* [“Strayed tram” of N.S. Gumilev (to the problem of deciphering the ideological and philosophical content of the text). Russian literature]. 1993. № 4. P. 176–192.
- [10] Zobnin Ju.V. *Nikolaj Gumilev*. M.: Veche, 2013. 480 p.
- [11] Korolenko V.G. [Zhurnalist] «O sbornikah «Znanija» [About the storybooks of “Znanije”. Russian wealth]. 1904. № 8.
- [12] Savin Ivan «Vseh ubiennyh pomjani, Rossija...» [“All that were slain remember, Russia...”]. M.: Rossijskij fond kul’tury, 2007. 432 p.
- [13] Slivickaja O.V. «Povyshennoe čuvstvo zhizni»: Mir Ivana Bunina [“A heightened sense of life”: the World of Ivan Bunin]. M.: Izd. RGGU, 2004. 270 p.
- [14] Toporov V.N. *Veshh’ v antropocentricheskoj perspektive (apologija Pljushkina)*. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovanija v oblasti mifopojeticheskogo: Izbrannoe [The thing in anthropocentric perspective (the apology of Pljushkin). Myth. Ritual. Symbol. Image: studies in the mythopoetic field: selected]. M.: «Progress-Kul’tura», 1995. 624 p.

Article history:

Received: 1 October 2016.

Revised: 21 October 2016.

Accepted: 20 November 2016.

For citation:

Zavelskaya D. (2017). The motif of cultural memory and discourse of Bunin, Gumilev, and Ivan Savin. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2017, 22 (1), 17–27.

Bio Note:

Zavelskaya Darya Alexandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Culture studies of Moscow Jonh The Evangelist Orthodox institute.

Contacts: e-mail: daralzav@gmail.com



УДК 821.161.1

82-1/29

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-1-28-35

«ИТАЛЬЯНСКИЙ ЦИКЛ» СТИХОТВОРЕНИЙ НИКОЛАЯ ГУМИЛЁВА

И.Ф. Головченко

Пятигорский государственный университет
пр. Калинина, 9, г. Пятигорск, Ставропольский край, 357532

В статье рассматривается так называемый «итальянский цикл» в творчестве Н.С. Гумилёва, включающий в себя стихотворения «Венеция», «Фра Беато Анджелико», «Пиза», «Рим», «Падуанский собор», «Генуя», «Болонья», «Неаполь», «Вилла Боргезе», «Флоренция». Обосновывается общая структура стихотворений, посвященных Италии и итальянским городам.

«Итальянский цикл» является частью развития темы путешествий в творчестве Николая Гумилёва. Поездки поэта по разным городам и странам отражались в его творчестве, причем «путевой дневник» имеет четкую цель: обозначить определенный топоним на карте, превратив его в так называемый культуроним, придав ему особое семиотическое значение.

Ключевые слова: поэзия, путешествие, травелог, цикл, Гумилёв, топоним, топос

Рассмотрим ряд «итальянских» стихотворений, в которых Н.С. Гумилёв как бы ставит точку на карте: стихотворение названо по имени определенного города/местности/достопримечательности, и задача произведения — создать некий образ, отразить впечатление поэта от того или иного топоса, который он мог и не посещать.

В выборку произведений, вдохновленных Италией, включаются стихотворения «Венеция», «Фра Беато Анджелико», «Пиза», «Рим», «Падуанский собор», «Генуя», «Болонья», «Неаполь», «Вилла Боргезе», «Флоренция».

Во всех случаях в первой строфе задаются координаты времени суток — момент восприятия «моментальной фотографии»:

Поздно. Гиганты на башне
Гулко ударили три*.
(«Венеция»)

В стране, где гиппогриф веселый льва
Крылатого зовет играть в лазури,
Где выпускает ночь из рукава
Хрустальных нимф и венценосных фурий...
(«Фра Беато Анджелико»)

* Цит. по [1].

Солнце жжет высокие стены,
Крыши, площади и базары.

(«Пиза»)

Нет воды вкуснее, чем в Романье,
Нет прекрасней женщин, чем в Болонье,
В лунной мгле разносятся признанья,
От цветов струится благовонье.

(«Болонья»)

Как эмаль, сверкает море,
И багряные закаты
На готическом соборе,
Словно гарпии, крылаты...

(«Неаполь»)

Из камня серого иссеченные вазы,
И купы царственные ясени, и бук,
И от фонтанов ввысь летящие алмазы,
И тихим вечером баюкаемый луг.

(«Вилла Боргезе»)

После того как заданы координаты восприятия, картина начинает «проявляться»: возникают конкретные детали, часто — с упоминанием топонимов, имен и т.д.:

Город, как голос наяды,
В призрачно-светлом былом,
Кружев узорней аркады,
Воды застыли стеклом.

(«Венеция»).

Пускай велик небесный Рафаэль,
Любимец бога скал, Буонаротти,
Да Винчи, колдовской вкусивший хмель,
Челлини, давший бронзе тайну плоти.

Но Рафаэль не греет, а слепит,
В Буонаротти страшно совершенство,
И хмель да Винчи душу замутит,
Ту душу, что поверила в блаженство.

(«Фра Беато Анджелико»)

Все спокойно под небом ясным;
Вот, окончив псалом последний,
Возвращаются дети в красном.

(«Пиза»)

Лишь фонарь идущего вельможи
На мгновенье выхватит из мрака
Между кружев розоватость кожи,
Длинный ус, что крутит забяка.

(«Болонья»)

Пахнет рыбой, и лимоном,
И духами парижанки,
Что под зонтиком зеленым
И несет креветок в банке...

(«Неаполь»)

В аллеях сумрачных затерянные пары
Так по-осеннему тревожны и бледны,
Как будто полночью их мучают кошмары
И пеньем ангелов сжигают душу сны.

(«Вилла Боргезе»)

Как отмечает Е.Ю. Раскина, в стихотворениях Н.С. Гумилёва топонимы превращаются в «культуронимы»: восприятие любого города детерминировано его культурой и историей: «Культуронимы — это историко-культурные и религиозные центры-локусы. Бесспорно, в произведениях Н.С. Гумилёва есть топонимы, не являющиеся культуронимами, не наполненные культурными и сакральными смыслами, однако в задачи данного исследования не входит рассмотрение подобной топонимики. Такие топонимы имеют «проходное» значение, не обладают образно-символическим содержанием, не участвуют в создании художественной образности.

В отличие от топонима, для культуронима значимо прежде всего его культурологическое и мифологическое содержание. Под культуронимами мы понимаем пространственно-временные центры мировой культуры и истории, сакральные центры земли, являющиеся элементами сакральной географии» [4. С. 12].

В описании деталей ближе к концу стихотворения обязательно присутствует отсылка к историческим событиям:

Лев на колонне, и ярко
Львиные очи горят,
Держит Евангелье Марка,
Как серафимы, крылат.

(«Венеция»).

Где ж они, суровые громы
Золотой тосканской равнины,
Ненасытная страсть Содомы
И голодный вопль Уголино?

Ах, и мукам счет, и усладам
Не веками ведут — годами!
Гибеллины и гвельфы рядом
Задремали в гробах с гербами.

(«Пиза»)

И они придут, придут до света
С мудрой думой о Юстиниане
К темной двери университета,
Векового логовища знаний.

(«Болонья»)

А за кучею навоза
Два косматых старика
Режут хлеб... Сальватор Роза
Их провидел сквозь века.

(«Неаполь»)

Здесь принцы грезили о крови и железе,
И девы нежные о счастии вдвоем,
Здесь бледный кардинал пронзил себя ножом.

(«Вилла Боргезе»)

В последней строфе «итальянских» стихотворений, как правило, упоминается некая отсылка к иному миру: упоминание призраков, дьявола, высших сил или смерти.

Крикнул. Его не слышали,
Он, оборвавшись, упал
В зыбкие, бледные дали
Венецианских зеркал.

(«Венеция»).

Сатана в нестерпимом блеске,
Оторвавшись от старой фрески,
Наклонился с тоской всегдашней
Над кривою Пизанской башней.

(«Пиза»)

Но дальше, призраки! Над виллою Боргезе
Сквозь тучи золотом блеснула тишина, —
То учит забывать встающая луна.

(«Вилла Боргезе»)

«Интерес акмеистов к мифу как потенциальной основе нового искусства общеизвестен. Общеизвестен и их интерес к религиозно-христианским архетипам, античной и гностической традиции, к иудаистским, шумерским, скандинавским мифологическим образам и сюжетам. При этом представление об искусстве как о мифотворчестве и проекция собственных мотивов на мифологическую архаику «запускает» механизм обновления художественного слова — по аналогии с теми функциями, которые слово выполняет в ритуально-мифологических практиках» [3. С. 60].

Таким образом, в большинстве итальянских стихотворений выстроена следующая композиция (рис.).

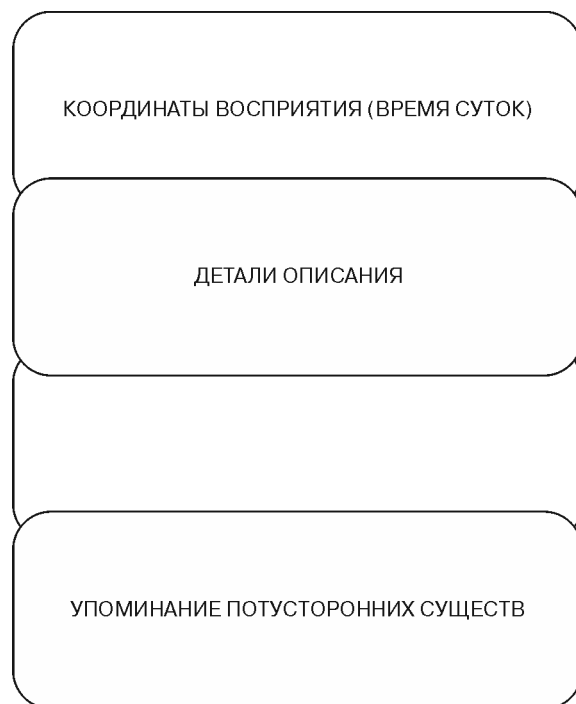


Рис. Композиция стихотворений «итальянского цикла»
Fig. Composition of the verses of "Italian Cicle"

Стихотворение «Флоренция» написано в тех же координатах, за исключением зачина: нет упоминания времени суток, автор сразу переходит к описанию деталей восприятия города, затем к историческим событиям и упоминанию ада в конце:

Тебе нужны слова иные,
Иная, страшная пора.
...Вот грозно стала Синьория
И перед нею два костра.

Один, как шкура леопарда,
Разнообразен, вечно нов.
Там гибнет «Леда» Леонардо
Средь благовоний и шелков.

Другой, зловещий и тяжелый,
Как подобранный дракон,
Шипит: «Вотще Савонаролой
Мой дом державный потрясен».

Они ликут, эти звери,
А между них, потупя взгляд,

Изгнанник бедный, Алигьери,
Стопой неспешной сходит в ад.
(«Флоренция»).

Данная композиция не соблюдается в трех стихотворениях: «Рим», «Генуя» и «Падуанский собор». В основе «Рима» и «Генуи» — изложение сюжета, причем в «Риме» это описание легенды о Ромуле и Реме и вскормившей их волчице, а в «Генуе» — рассказ о рыбаках, обращающихся к путешественнику. В «Падуанском соборе» использована композиция, основанная на антитезе: описание собора сменяется описанием ощущений путника, который хочет бежать от этого собора, но не может:

Скорей! Одно последнее усилие!
Но вдруг слабеешь, выходя на двор, —
Готические башни, словно крылья,
Католицизм в лазури распростер.
(«Падуанский собор»)

Примечательно, что все описанные города Н.С. Гумилёв посетил лично:

«3 апреля. Ахматова вместе с Гумилевым выезжают в Италию. Ахматова: «Не знаю, почему... Должно быть, мы уже были не так близки друг к другу... Я, наверное, дальше от Николая Степаныча была...» О маршруте: «Вержболово — Берлин — Лозанна — Уши — Ospedaletto (у родных Кузьминой-Караваевой жили около недели) — Сан-Ремо — на пароходе в Геную. Генуя — Пиза — Флоренция. Из Флоренции Н. Гумилёв один съездил в Рим и Сиену и приблизительно через неделю вернулся обратно во Флоренцию. Пребывание во Флоренции (включая поездку Н. Гумилева в Рим и Сиену) заняло дней 10. Из Флоренции вместе поехали в Болонью, Падуу, Венецию. В Венеции жили дней десять. Затем Вена — Краков — Киев».

Ок. 21 апреля. Приезд во Флоренцию. Гумилёву присылают первые экземпляры его книги «Чужое небо». Отъезд Гумилёва в Сиену, Неаполь и Рим. Ахматова остается одна. Пишет стихотворение «Помолись о нищей, о потерянной...», отчасти обращенное к Гумилёву, отчасти описывающее одну из картин Фра Беато Анджелико — «Благовещение» [5].

Таким образом, ключевым понятием для цикла «итальянских» стихотворений Гумилёва можно признать понятие времени: от сиюминутного времени (день, вечер, утро, ночь) к вечному (воспоминания об истории города) через конкретные детали, прецедентные имена и феномены.

Путешествие — центральная тема поэзии Н.С. Гумилёва, а также один из важных мотивов в прозе и драматургии. От самых ранних до последних произведений тема путешествия получает свое развитие — от географического путешествия, интереса к дальним странам и экзотическим вещам, до духовного путешествия — изменения личности лирического героя — и странствия во времени.

Для «итальянского» цикла характерна наиболее «жесткая» структура: стихотворение начинается с упоминания времени суток, когда читатель глазами автора смотрит на город, затем картина детализируется, дополняется конкретными подробностями, среди которых выделяется отсылка к историческому прошлому города или культурного объекта. Далее автор обращается к высшим силам или по-

тусторонним существам, завершая произведение обращением к Богу, дьяволу, призракам и пр.

© Головченко И.Ф., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Гумилёв Н.С. Забытая книга. М.: Художественная литература, 1989. 566 с.
- [2] Кихней Л.Г. «Чужая старинная быль...»: мифопоэтическое преломление «национальной идеи» в лирике позднего Гумилёва // Гумилевские чтения. Материалы международной конференции, 14-16 апреля 2006 г. СПб.: СПб ГУП, 2006. С. 89—92.
- [3] Кихней Л.Г., Меркель Е.В. «Поэма начала» и «Слово» Н. Гумилёва как поэтические манифестации акмеистической концепции слова // Вестник ТвГУ. 2015. № 1. С. 60—67.
- [4] Раскина Е.Ю. Геософские аспекты творчества Н.С. Гумилёва: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 43 с.
- [5] Чабан А. Ахматова и Гумилёв: от брака до развода. Семейная хроника двух великих поэтов, восстановленная по дневникам, письмам и мемуарам. URL: <http://arzamas.academy/materials/311> (Дата обращения: 15.11.2016).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 2 октября 2016.

Дата принятия к печати: 20 ноября 2016.

Для цитирования:

Головченко И.Ф. (2017). «Итальянский цикл» стихотворений Николая Гумилева // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2017. Т. 22. № 1. С. 28—35.

Сведения об авторе:

Головченко Игорь Федорович, кандидат юридических наук, доцент кафедры креативно-инновационного управления и права Пятигорского государственного университета, доцент.

Контактная информация: e-mail: i_golovchenko@yahoo.com

THE “ITALIAN CYCLE” IN NIKOLAI GUMILEV’S POETRY

I.F. Golovchenko

The Pyatigorsk State University
Kalinin Avenue, 9, Pyatigorsk, Stavropol Krai, Russia, 357532

The article is devoted to the so called “Italian cycle” in Nikolai Gumilev’s poetry. It consists of the poems “Venice”, “Fra Beato Angeliko”, “Pisa”, “Rome”, “The Cathedral of Padova”, “Genova”, “Bologna”, “Napoli”, “Villa Borghese”, “Florence”. The common structure of the poems devoted to Italy and the Italian cities is described.

The “Italian cycle” is a part of developing the theme of travel in Nikolai Gumilev’s poetry. The travels of the poet in different cities and countries are reflected in his poetry and this “travel diary” had a clear objective: to point a given toponym on the map making out of it a culturonym, which has a specific semiotic significance.

Key words: poetry, travel, travelog, cycle, Gumilev, toponym, topos

REFERENCES

- [1] *Gumilev N.S. Zabytaya kniga [The forgotten book].* M.: Khudozhestvennaya literatura [*Publishing house “The Fiction”*], 1989. 566 p.
- [2] *Kikhney L.G.* “Chuya starinnuyu byl...”: mifopoeticheskoe prelomlenie “natsionalnoy idei” v lirike pozdnego Gumileva [“Feeling the ancient legend...”: the mythopoetic deflection of the “national idea” in the lyrics of late Gumilev]. *Gumilevskie chteniya. Materialy mezhdunarodnoy konferentsiy [The Gumilev’s Readings. The Materials of the Internaional Conference]*, 14–16 April 2006 r. SPb.: Spb GUP, 2006, Pp. 89–92.
- [3] *Kikhney L.G., Merkel E.V.* “Poema nachala” i “Slovo” N. Gumileva kak poeticheskie manifestatsii akmeisticheskoi kontseptsii slova [The “Poem of Beginning” and “The Word” by N. Gumilev as a poetic manifestation of the akmeistic conception of word]. *Vestnik TvGU [The Journal of The State University of Tver]*, 2015. № 1. Pp. 60–67.
- [4] *Raskina E.Yu.* Geosofskie aspekty tvorchestva N.S. Gumileva [The geosofic aspects of Nikolai Gumilev’s legacy]: *avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk [The autoabstract of PhD paper]*. M., 2008. 43 p.
- [5] *Chaban A.* Akhmatova i Gumilev: ot braka do razvoda. Semeinaya khronika dvukh velikikh poetov, vosstanovlennaya po dnevnikam, pismam i memuaram [Akhmatova and Gumilev: from marriage to divorce. The family chronicle of two great poets, reconstructed on the base of diaries, letters and memoirs. The electronic source [Regime of access]: <http://arzamas.academy/materials/311> (The date of address: 15.11.2016).

Article history:

Received: 2 October 2016.

Revised: 25 October 2016.

Accepted: 20 November 2016.

For citation:

Golovchenko I.F. (2017). The “Italian Cycle” in Nikolai Gumilev’s poetry. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2017, 22 (1), 28–35.

Bio Note:

Golovchenko Igor Fedorovich, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of innovation management and law of Pyatigorsk state university.

Contacts: e-mail: i_golovchenko@yahoo.com



УДК 821.161.1

82-1

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-1-36-46

ЛИРИКА «ВНУТРЕННЕГО ГОЛОСА» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

В.А. Мескин, Е.С. Зинурова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, г. Москва, Россия, 117198

Анализируя российскую поэзию последних лет, авторы отмечают ее существенную подвижность в сфере поэтики, жанровую нестабильность; просматриваются новые тенденции в обращении к звуковой аранжировке; очевидны изменения в известных лексических и семантических рядах. Значительное место в статье уделяется гипотезе о происходящей монологизации лирики — редукции разговорного стиля, ошутимом переходе лирики на невербальный уровень. Отсюда, в частности, делается вывод о происходящей смене авторского самосознания в современной поэзии и, соответственно, задач, которые традиционно ставили перед собой поэты. Рассуждения и выводы авторов основываются на критических исследованиях последних лет, на обращении к творчеству известных и малоизвестных современных поэтов.

Ключевые слова: современная поэзия, русская литература, жанр, поэтика, лирика, пост-модернизм

Дать более или менее однозначную оценку современной российской поэзии непросто уже ввиду ее исключительной многоликости. Не утихли еще дискуссии о достоинствах и недостатках поэзии «нулевых годов». Однозначно ответить на вопрос, подведена ли черта под этим периодом, трудно или даже невозможно. Понятие «современная поэзия» дискуссионно, условимся считать таковой поэзию последних полутора-двух десятилетий. И еще. К ней можно отнести творчество либо всех поэтов — современников, либо тех, кого принято считать новаторами. В любом случае критики и литературоведы иерархируют поэтов в силу личных пристрастий, а если и ставится «диагноз», то при опоре на разные «анамнезы» [12]. Вероятно, наиболее правильная позиция срединная...

Литературовед Е. Степанов к ведущим поэтам современности относит Я. Грантса, В. Емелина, С. Ивкина, Славу Лена, В. Прокошина. Очевидным достоинством их произведений он считает наличие в стихах прямой речи. Говоря о содержательном контексте творчества названных авторов, он указывает на жесткость, ироничность, тяготение к прозе. К положительным особенностям их лирики он относит поэтику «прямого зеркала»: «Поэты, как зеркала (штамп тут неизбежен), отражают то, что есть». Резюмируя, Степанов заключает: какая эпоха, такие и стихи [13].

Выделенную Степановым тенденцию к прозаизации отметил также и Е. Абдуллаев [1]. Действительно, эту тенденцию можно показать на многих примерах

из поэзии, скажем, А. Сен-Сенькова, Д. Воденникова, А. Цветкова. При этом говорить об окончательном смешении прозы и поэзии не приходится. Настоящее поэтическое произведение не подается пересказу, потому что сама мысль, заложенная в нем, может существовать только в той форме, которую ей придает автор. Грань между поэзией и прозой, как бы само собой, проводит сам художник слова. Не осознанно. Или осознанно, как, например, Г. Генис. Одни свои верлибры он называет рассказами, написанными в столбик, другие — стихами. Вот пример его стихотворной формы:

солнце в глаза целится
день уходит в темноту
непременного багрянца

у той женщины под ногами шуршит
не доставленное к нам
дыхание младенца

время разбрасывать себя
лишь стараясь удержать спину
чуждую как ранец панциря

все равно никогда не вынести
вселенной тяжести
израненных листьев

(По перв. стр., 2015)

Весьма красноречиво и значимо здесь, в других ниже приведенных примерах отсутствие пунктуации: какая уж пунктуация в потоке сознания.

И. Шайтанов, выражая свое отношение к современной поэзии, не раз и не два цитировал строку Д. Самойлова: «Вот и все. Смежили очи гении» (1966) [8]. При этом он утверждает, что «до пятидесяти имен нет, есть колебания стиля» [15]. Впрочем, молодым творцам этот ученый в гениальности не отказывает, но — только в потенциальной. В качестве примера «настоящих», по его мнению, поэтов XXI века он приводит А. Кушнера, И. Лиснянскую, О. Николаеву, А. Василевского, В. Салимона, В. Иванова, А. Алехина, Б. Херсонского, М. Степанову, С. Гандлевского, М. Свищева. В их творчестве он видит победу «лирического пробуждения» над маргинальной, обрывочной, чуть ли не пародийной лирикой авторов, которых публиковал в «нулевые» годы на интернет-ресурсе «Вавилон» Д. Кузьмин [15]. Кстати сказать, к поэзии молодых (тридцати-сорокалетних) последний относит значительно более благожелательнее, чем к критикам — оппонентам [10].

Практически все авторы критических обзоров сходятся на том, что поэзия последних лет стала по-своему более интеллектуальной, «густой», интертекстуальной, насыщенно-многодетальной. (Следует заметить, что речь здесь может идти об установочной интеллектуальности, не той, естественной, которую демонстрировали гении XX века, признанные классики.) Критики отмечают, что авторы начали глубже уходить в самоанализ, в поэтическую рефлексию. Еще одно общее мнение: даже по сравнению с прошлым — острее проявляются пессимистичные мотивы. Если продолжать говорить о выявляемых общих тенденциях, то нужно отметить усиление роли фольклорных стилизаций. Возможно, самые яркие при-

меры можно отыскать в творчестве М. Амелина, Леты Югай. На новом уровне отмечается обращение поэтов к библейским сюжетам. Самое же существенное и новое, что наблюдается в современной поэзии — это жанровая нестабильность. На этой весьма интересной теме стоит остановиться поподробнее.

Пожалуй, у всех упомянутых в настоящем контексте критиков можно встретить мнение о том, что четкое жанровое деление, существовавшее десятилетия назад, себя исчерпало. Известно, что в более отдаленный период устойчивая составляющая формы произведения способствовала его созданию, задавала тон, добавляла смысл, но затем — стала ограничивать поэтическое течение мысли. Скажем, в XVIII веке человек, писавший оду, пользовался определенным набором слов, словосочетаний и даже образов. Постепенно эта определенность отмирала. Психология лирического героя усложнялась. Требовались новые, неожиданные обороты и приемы для иллюстрации новых для литературы оттенков чувств. «Чистым» жанр оставался только в редких случаях — все чаще его «разбавляли» слова, выражения, приемы из других жанров и, соответственно, стилей речи. Тем не менее жанр долгое время сохранял свою целостность, при наличии «примесей» оригинал был очевиден. Сегодня количество «добавок» подчас превышает «условный вес» изначальной жанровой составляющей. В одном стихотворении могут переплестись разные отголоски жанровой «памяти», стилей речи, определенные слова, образы больше не маркируют жанровую принадлежность.

Для примера обратимся к творчеству С. Гандлевского. Его стихотворение «Старый князь умирает и просит...» (2013 г.), написанное античным пентаметром, с первых слов настраивает читателя на прочтение эпического произведения. Первый стих напоминает зачин сказки, в следующих появляется лирический герой/автор, который просто, но с чувством собственного достоинства футуристически пишет — «виконты и графья». Последняя строфа вдруг кончается совсем не эпическим негодованием и иронией по отношению то ли к автору той самой фразы, то ли к самому Богу:

Старый князь умирает и просит: “Позовите Андрюшу...”

Эта фраза из раза в раз вынимает мне душу,
потому что, хотя не виконты и не графья мы,
в самых общих чертах похоже на смерть моей мамы.

Было утро как утро, солнце светило ярко.
“Позовите Сашу, Сережу, найдите Марка”, —
воскликнула в беспамятстве и умерла назавтра.
Хорошо бы спросить напрямую известного автора,

отчего на собственный мир он идет войною,
разбивает сердца, разлучает мужа с женою.
Либо что — то в виду имеет, но сказать не умеет,
либо он ситуацией в принципе не владеет.

(По перв. стр., 2013)

Жанровое деление уходит. По необходимости его функцию выполняют типы речи (повествование, описание, рассуждение), литературные приемы (поток сознания, мнимая проза, логогриф) или даже комплекс приемов (остранение, ли-

тературная маска). Жанры раздробились, объединились, смешались. Популярный в Серебряном веке жанр «фрагмент» перевоплотился во «фрагменты», ведь поток сознания, который сам уже стал подобием жанра в современной поэзии, предполагает отсутствие звеньев между образами. Вероятно, поэтому так часто творчество современных поэтов сродни пародиям, написанным на как бы «бессодержательные» стихи, скажем, А. Фета, в творчестве которого фрагментарность была одним из ведущих приемов.

Современные стихи могут полностью представлять собой пастиш или коллаж. Нередко они включают перечисление предметов, определенных мест и даже эмоций. В конце стихотворения, как правило, следует обобщение или вывод, проливающий свет на произведение в целом. Иногда автор оставляет читателя собирать головоломку в одиночестве и вывод не подсказывает. В качестве примера мозаичности современной поэзии очень иллюстративно стихотворение А.А. Сен-Сенькова «Азия. Семидесятые. Жара» (2015 г.):

там внутри по кругу летают
желтые самолетики
спят еле различимые люди
когда проснутся
их не заставят разуваться и снимать ремни
мамы разрешают незнакомцам
угощать детей куриными конфетами
а у стюардесс в глазах
синие улыбки
ночью в холодильнике
яйца
белые уютно безопасные
как аэропорты в моем детстве
на сковородке

Вообще мозаичность и фрагментарность могут проявляться по-разному. У консервативного поэта Ю. Казарина детали предметны лишь отчасти, а сама философско-метафизическая интонация наполняет междустроиче стихотворения красноречивой тишиной. Вот пример его лирики:

Камень места не находит
ни себе, ни сильным водам
и по кругу душу водит,
как траву, по огородам.

Две недели верба вяжет
зябким ангелам перчатки.
И заплачет Бог и скажет:
мы бессмертны. Всё в порядке.

И отпустит вербу с вербы,
и плывут над вербой вербы:
мы бессмертны. Мы бессмертны.
Мы бессмертны. Мы бессмертны
(По перв. стр., 2014)

С течением лет лирика становится все более суггестивной, повышается градус концептуализации. Теперь «мосты» от строки к строке стали делом и читателя. Теперь он — творец на ряду с автором. Новая фрагментарность в произведении проявляется как серия как бы «вырванных из контекста» отрывков, без начала и конца. В. Козлов подчеркивает в них «мгновенность переживания, взгляда, ситуации — ведь мгновение есть минимальный фрагмент времени; с другой — установка, направленная на поэтический поиск образов мироустройства, мироздания в целом» [7].

Как будто смонтированные стихи, где чередуются разные планы — крупные / дальние (они же — фрагменты) стали частью так называемого поэтического нон — фикшина и встречаются практически у всех поэтов, в частности у А. Сен-Сенькова, Н. Звягинцева, Е. Баянгуловой, Н. Азаровой, Е. Извариной, К. Корчагина, А. Цветкова, Г. Гениса, В. Савина, В. Гандельсмана. Высокую скорость смены деталей и фактов в произведениях Кати Капович, одной из последних постакмеистов, отмечает Л. Костюков [9]. Кстати, ее стихотворение, названное по первой строчке, «В семь пятнадцать...» (2014 г.), вошло в десятку лучших стихотворений 2014 года, по мнению поэта и главного редактора издательства «Воймега» А. Пореверзина. Вот это стихотворение:

В семь пятнадцать рассвет так похож на закат,
мокрый снег полосой струится в окно,
застучит из тумана дружок — автомат —
автомат для газет медью сыпет на дно.
На рассвете, где бешено мечется снег,
это очень несложно, мой друг, проглядеть,
проглядев, не заметить, понять, умерев,
что в сырые газеты завернута смерть...

Авторы своеобразного учебника «Поэзия» (2016 г.) утверждают, что жанровая система перестала существовать в прежнем виде уже на рубеже XVIII — XIX веков. По их мнению, поэты лишь тяготеют к некоторым ориентирам. Эти ориентиры авторы книги предлагают называть «форматами». По их представлению, новый термин отличается от «жанра» тем, что в нем поэт как бы сам устанавливает рамки и ограничения, которым готов соответствовать [11]. Мысль не нова. Как минимум то, что поэты — «певцы своей узды», еще в 1974 году писал Ю. Кузнецов. Впрочем, авторы «Поэзии», как и те, о ком они пишут, и сами понимают, как губительна словесная анархия, в какие дебри графомании может завести отсутствие внешних рамок.

Можно предположить, что, эквилибрируя с планом формы, поэт подчеркивает значение плана содержания. Превыше всего ставится цель — передать смысл, рассказать историю, заставить читателя сочувствовать и со — мыслить. В XXI веке поэт как никогда желает показать «в разрезе» не только действительность, но и собственную мысль. В эпоху, когда постмодернистские философы убедили многих современников, что мир — текст постичь невозможно, а человека и подавно, попытка хотя бы разобраться в себе — уже экзистенциальный жест. Поэт из небожителя, пророка стал обычным человеком, — констатирует С. Чупринин, —

«вровень одноэтажной, двухэтажной застройке, а не каким — то громадам, возносящимся под облака». Критик с грустью отмечает победившую, торжествующую «поэтику частного человека». Поэзии, по его мнению, не хватает «масштаба большого миропонимания» (читай, утраченного), все упирается в мировоззрение одного маленького, рядового смертного [14]. Именно от лица такого «частного человека» говорит лирический герой стихотворения Е. Витковского:

...Я — только звено, только спичка на горьком ветру.
Пока не велят — поживу, ничего, не помру.

Пока не зовут — поучу их неведомо чему.
Хоть малую искорку брошу в кромешную тьму.

А справа враги, а и слева, и прямо — враги.
Уж, Господи, хочешь, не хочешь, а мне помоги!

Легка Твоя ноша, и вечна моя похвала —
Но, Господи, я ведь не знаю ни дня, ни числа!

(«А я ведь не знаю, какое сегодня число...», 2015)

В подтексте каждой критической публикации лежит вопрос: «Какова же поэтика XXI века»? Что общего у авторов всех возрастов, из разных регионов, с разными расщепами перьев? Автор содержательной книги «История Русской поэзии. 1730—1980» (1994 г.). В. Баевский приходит к выводу, что в поэзии XVIII века доминировала ораторская интонация, XIX века — напевная, XX века — говорная [3]. Отсюда логично предположение, что интонация поэзии XXI века будет отличаться еще более значительным уходом от патетики, характерной для Золотого века и мелодичности, присущей стихам XIX—XX веков. Причина тому — очевидные изменения в выборе автором звуковой аранжировки произведения, лексического и семантического рядов. Стремление к благозвучию ушло, более того, его отсутствие стало показательным: рваные ритмы отражают смятение души, отчаяние и одиночество лирического героя. Поэзия в большей степени стала набором смыслов, даже не слов, а тех невидимых «мостов» между словами. Логично предположить, что теперь интонация стремится на невербальный уровень — церебральный, «мозговой».

В наши дни поэт, устремляя свой взор не во внешний мир, а внутрь собственного Я, настойчивей чем когда-либо приглашает заглянуть туда и читателя. Отсутствие во многих стихотворных творениях современных авторов знаков препинания, заглавных букв, каких-либо цезур иллюстрирует, кроме прочего, неделимость внутреннего монолога, потока мыслей. Льющаяся авторская речь — первая ступень самоанализа, предшествующий рефлексии выброс мыслей вовне. Получается, автор как бы сам по себе, а читатель — сам по себе, он может анализировать поток этих мыслей как собственный. Таким «поток» можно назвать молитву Д. Бака. Путаная рефлексия автора дополнена междометиями, аллюзиями, вопросами. Здесь акцентируются авторские мысли, адресат как бы вне авторского учета, внимания:

Не понять своих же слов мыслей боли
ну доколе этому длиться что ли

не верить что верил в неверие во сто вер
когда римом мерил мир что твой землемер
до ре ми фа соль ля си порази
аз есмь они суть досыта ты еси
балаболка белая злодейка зима
на апрель взгромоздившаяся горем ума...
(«Траффик. Молитва», 2016)

Уже давным-давно в противовес «громкой» лирике шестидесятников появилась «тихая» лирика, за ней, часто шепотливой (хотя и не всегда, Н. Рубцов писал на «вслух»), но еще звучащей, — пришли стихи беззвучные внешне, но разборчивые на уровне внутреннего голоса. Они и впрямь не очень-то читаются на аудитории. Раньше, зная, что произведение придется декламировать со сцены, автор рассчитывал на определенный интонационный прием, на эффект, на масштаб. Сегодня поэты понимают, что их стихотворения из громкоговорителей на стадионах звучать не будут, поэтому можно или нужно писать иначе, можно открывать и сокровенное, стыдное. Можно представить происходящее и иначе: автор отчаялся докричаться до мира и — смирился, что останется не услышанным. Горше только, когда нет вообще возможности высказаться. В этом контексте понятна мысль А. Цветкова, о том, что человек всегда запрет сам у себя внутри:

... но ничего кроме имени-отчества
у человека увы
он гражданин своего одиночества
строго внутри головы
(«Контрпример», 2016)

Поэтизированный поток мыслей нередко производит впечатление искреннего, ведь в нем мысль — первая, иногда случайная, еще не оформленная в афоризм. Автор даже не пытается ее рифмовать: мало кто может мыслить стихами. Заметим, сама форма внутреннего монолога пришла из прозы, а потому так на нее похожа. Впрочем, техническая иррациональность такой поэзии необязательна. Каждый молчит о своем, а стало быть, по-своему. В ком-то невысказанность грохочет, отчего слова как будто бьются друг об друга, в ком-то внутренний голос тих. «Каждый пишет, как он дышит». Ольга Зондберг в своих стихах делится мыслями, как будто только что пришедшими в голову:

хочется
трогать руками
отдельные мысли,
составлять из них
композиции,
перекладывать
в чистые емкости,
минуя слова.
но для начала,
не откладывая,
переселиться туда,
откуда они

происходят
и куда,
сколько помню,
завлекают.

(По перв. стр., 2016)

При этом авторы сами ощущают «рыбью немоту», «молчание леса», «бесформенность слова», иначе — вынужденную невысказанность (или не выплаканность?). Безмолвность, тишина, шепот — самые часто встречаемые слова в современной лирике. Например, свердловский поэт А. Вавилов, сам описывающий свое творчество как «поэтику сюрреализма», одну из последних книг назвал «Внутри молчания» (2015 г.). В каждом стихотворении сборника эта тема так или иначе фигурирует.

Суммируя все сказанное, можно так сказать: если в XIX веке знаменитое тютчевское «Молчи, скрывайся и таи И чувства, и мечты свои... Мысль изреченная есть ложь» воспринималось не иначе как философская экзотика, то в наши дни это тютчевское высказывание стало императивом. Неизреченное, что есть в современной лирике, — отражение самой сути или изнанки человеческого сознания. И все это трагично, и это окрашивает нынешнюю поэзию в трагические тона. Немой крик — всегда более жуткий, как горе без слез — самое безнадежное. Известно, что молчание для поэта — смерть, и потому понятны метафорические высказывания Н. Азаровой — «живые пишут плохие стихи» (2007 г.) [2] или И. Ермаковой «хорошо быть мертвым поэтом» (2016 г.) [5].

Молчание, пусть и условное, болезненно. Это, думается, хорошо выразила Линор Горалик. Ее стихи стоят на грани молчания и немного крика. Она по-своему пытается оглушить своим внутренним миром, своим неизреченным:

И такое скажешь себе из собственной немоты,
что душа как выскочит, как пошатнется в веру, —
словно рядом визжат: «Изыди!» — а ты
мечешься, не находишь двери.

И от ужаса все встает в положенные пазы,
но молчит от боли.

Так ребенок падает под образа,
потому что толкнули.

(По перв. стр., 2007)

Подводя итоги, можно сказать, что если для поэтов XIX века выразить невыразимое не казалось чем-то невыполнимым, то художники слова XXI века смотрят на проблему двояко. С одной стороны, передать свои мысли бумаге, нигде не сфальшивив, кажется им делом невозможным. Но «внимать пенью таинственно-волшебных дум» и молчать поэт не может по определению. Поэтому наши стихотворцы, часто сами себе противореча, мечутся между смирением с безмолвием и — попытками его прервать. Стенография мысленного процесса кажется им выходом из нерешаемого уравнения, поэтому стихотворения, формально и содержательно выдержанные в поэтике внутреннего монолога так актуальны для поэтов — наших современников. Это дает основания говорить о тенденции пере-

хода разговорной лирики в так называемую неразговорную. Или как минимум о периферийном этапе этого перехода.

Приходится повторить, современная поэзия корпускулярная более, чем когда-либо, и бесспорной классификации не поддается. Более бесспорен и доказуем указанный «распад корпоративных связей между поэтическими сообществами» [4]. Критики надеются, что «туман со временем рассеется», но пока мало оснований в это верить. И еще грустное замечание: судя по всему, количеству публикуемых в журналах, антологиях, в Интернете авторов, интерес к сочинительству превышает спрос. При таком огромном материале, с каждым днем все возрастающим, трудно рассчитывать даже на время, которое все расставляет на места. Неминуемо многие таланты критиками и коллегами — поэтами будут упущены, впрочем, как было во все времена. Но надо верить, что чьи-то имена в историю обязательно вписываются и впишутся несмываемыми чернилами.

© Мескин В.А., Зинурова Е.С., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Абдуллаев Е.* Десятилетие поэзии — или прозы? // Вопросы литературы. 2013. № 2. С. 216—241.
- [2] *Азарова Н.* Соло равенства / Предисловие Вл. Новикова. М.: Новое литературное обозрение, Серия «Новая поэзия», 2011. 275 с.
- [3] *Баевский В.С.* История русской поэзии. 1730—1980. Компендиум. Изд. 2-е, исп. и доп. 1994. 304 с.
- [4] *Бак Д.* Революция в одной отдельно взятой поэзии, или Бесплотность ожиданий // Арion. 2002, № 2 [Электронный источник: <http://magazines.russ.ru/arion/2002/2/bak.html>]/
- [5] *Ермакова И.* Маятник // Новый мир. 2016. №1. С. 55—57.
- [6] *Зинурова Е.С.* Русская поэзия рубежа XX—XXI веков: векторы развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2016. № 2. С. 69—77.
- [7] *Козлов В.* Жанровое мышление современной поэзии // Вопросы литературы. 2008. № 5. С. 137—159.
- [8] *Козлов В.* «Не надо держать достойную аудиторию на голодном пайке» / Разговор с Игорем Шайтановым // Prosodia. 2015. № 2. С. 153—164.
- [9] *Костюков Л.* Интонации нового века // Новый мир. 2010. № 4. С. 177—185.
- [10] *Кузьмин Д.* Вопли обывателей / Дмитрий Кузьмин о критике новейшей поэзии // Критическая масса. 2005, №3/3 — 4 [Электронный источник: <http://magazines.russ.ru/km/2005/3/ku9.html>].
- [11] *Поэзия: учебник* / Н.М. Азарова, К.М. Корчагин, Д.В. Кузьмин, В.А. Плунгян и др. М.: ОГИ, 2016. 886 с.
- [12] *Сидоров Е.* Поэзия как диагноз // Знамя. 2007. № 12. С. 174—191.
- [13] *Степанов Е.* Современная поэзия: тенденции начала XXI века // Дети Ра. 2008. № 9(47). С. 113—122.
- [14] *Чупринин С.* О лакунах в современной поэзии // Prosodia. 2015. № 2. С. 37—43.
- [15] *Шайтанов И.* И все — таки — двадцать первый // Вопросы литературы. 2011. № 4. С. 9—44.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18 сентября 2016.

Дата принятия к печати: 20 ноября 2016.

Для цитирования:

Мескин В.А., Зинурова Е.С. (2017). Лирика «внутреннего голоса» в современной российской поэзии // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2017. Т. 22. № 1. С. 36—46.

Сведения об авторах:

Мескин Владимир Алексеевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Российского университета дружбы народов.

Контактная информация: e-mail: vameskin@yandex.ru

Зинурова Екатерина Сергеевна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Российского университета дружбы народов.

Контактная информация: e-mail: katya.zinurova@gmail.com

LYRICS OF “THE INNER VOICE” IN THE MODERN LITERATURE

V.A. Meskin, E.S. Zinurova

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The authors analyze the Russian modern poetry and note the substantial changes in the poetics — the genre instability, new trends of the sound arrangement, and the obvious changes in certain lexical and semantic ranks. The hypothesis of lyrics monologization occupies an important place in the article. It implies a reduction of colloquial style of speech, a tangible transition of lyrics to the nonverbal level. In particular, the authors conclude that that author's identity in the modern poetry changes, and consequently the problems, which poets set themselves, change too. The author's reasoning and conclusions are based on analytical publications of the recent years and accessing the works of famous and little — known modern poets.

Key words: modern poetry, Russian literature, genre, poetics, lyrics, postmodernism

REFERENCES

- [1] Abdullayev E. Desyatiletie poezii — ili prozy? [A decade of poetry — or prose?]. *Voprosy literatury [Literature questions]*. 2013. № 2. P. 216—241.
- [2] Azarova N. Solo ravenstva / Predislovie V. Novikova [Equality solo / Preface of V. Novikov]. M.: *Novoe literaturnoe obozrenie [The New Literary Review]*, *Seria “Novaya poeziya” [Series “New poetry”]*, 2011. 275 p.
- [3] Baevsky V.S. Istoriya russkoy poezii. 1730—1980 [The history of Russian poetry 1730—1980]. Kompendium [Compendium]. Ed. 2 revised and updated 1994. 304 p.
- [4] Bak D. Revolutsiya v odnoy otdelno vzyatoy poezii, ili besplotnost ozhidaniy [The revolution in one particular poetry, or the unavailing expectations]. *Arion [Arion]*. 2002. № 2.
- [5] Ermakova I. Mayatnik [A pendulum]. *Novuy mir [The New world]*. 2016. № 1. P. 55—57.
- [6] Zinurova E. Russkaya poeziya rubezha XX—XXI vekov: vektory razvitiya [The Russian modern poetry XX—XXI century: vectors of development]. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie i*

- zhurnalistika [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russian series Studies in literature. Journalism]*. 2016. № 2. P. 69—77.
- [7] Kozlov V. Zhanrovoe myshlenie sovremennoy poezii [Genre intellection in the modern poetry]. *Voprosy literatury [Literature questions]*. 2008. № 5. P. 137—159.
- [8] Kozlov V. «Ne nado derzhat dostoynyuyu auditoriyu na holodnom payke». Razgovor s Igorem Shaytanovym [Don't keep a decent audience on a starvation diet. Conversation with Igor Shaitanov]. *Prosodia*. 2015. № 2. P. 153—164.
- [9] Kostjukov L. Intonacii novogo veka [The intonation of the new century]. *Novuy mir [The New world]*. 2010. № 4. P. 177—185.
- [10] Kuzmin D. Vopli obyvateley / Dmitriy Kuzmin o kritike noveyshey poezii [Screams of philistines / Dmitry Kuzmin about the modern poetry criticism]. *Kriticheskaya massa [Critical mass]*. 2005. № 3/3 — 4.
- [11] Poeziya. Uchebnik [Poetry. Textbook]. N.M. Azarova, K.M. Korchagin, D.V. Kuzmin, V.A. Plungian etc. M.: OGI, 2016. 886 p.
- [12] Sidorov E. Poeziya kak diaгноз [Poetry as diagnosis]. *Znamya [Banner]*. 2007. № 12. P. 174—191.
- [13] Stepanov E. Sovremennaya poeziya: tendentsii nachala XXI veka [The modern poetry: Trends at the beginning of the XXI century]. *Deti Ra [Children of Ra]*. 2008. № 9(47). P. 113—122.
- [14] Chuprinin S. O lacunah v sovremennoy poezii [On gaps in the modern poetry]. *Prosodia*. 2015. № 2. P. 37—43.
- [15] Shaytanov I. I vse — taki dvadchat pervyy [And after all the twenty — first]. *Voprosy literatury [Literature questions]*. 2011. № 4. P. 9—44.

Article history:

Received: 23 May 2016.

Revised: 14 June 2016.

Accepted: 28 June 2016.

For citation:

Meskin V.A., Zinurova E.S. (2017). Lyrics of “The inner voice” in the modern literature. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2017, 22 (1), 36—46.

Bio Note:

Meskin Vladimir Alekseevich, Doctor of Philology, Professor of Department of Russian and Foreign literature, Philological faculty, PFUR

Contacts: e-mail: vameskin@yandex.ru

Zinurova Ekaterina Alexandrovna, Phd student, Department of Russian and Foreign literature, Philological faculty, PFUR

Contact: e-mail: katya.zinurova@gmail.com



УДК 821.161.1

82-3

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-1-47-54

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА 2000—2010-Х ГОДОВ

Я.В. Солдаткина

Московский педагогический государственный университет
ул. Малая Пироговская, д. 1, Москва, Россия, 119991

Цель представляемой статьи — выявить основные принципы создания современной исторической прозы и определить причины ее популярности. В ходе проведенного исследования были отмечены такие особенности современной русской исторической прозы, как отказ от реалистического изображения исторических событий и исторических деятелей, перенос фокуса повествования в сферу частного бытия, усиление занимательного элемента. Писатели уделяют большее внимание воссозданию исторического колорита, отражению сознания эпохи, исследуя не исторические закономерности, но мировоззрение и поведенческие характеристики социума. Принципиально иными качествами отличается историософская проза В. Аксенова и Е. Водолазкина: они возвращают в историческую прозу ценностную вертикаль, философские и социальные категории. В целом, современная историческая проза отражает ведущие художественные тенденции литературного процесса 2000-2010-х годов: диалог с массовой культурой и поиски новой повествовательной стилистики.

Ключевые слова: современная историческая проза, историческое сознание, авантюрный роман, историософский роман, художественный документализм

Основными оценочными характеристиками современного литературного процесса, как правило, становятся понятия «кризис», «трансформация», подчеркивающие глобальные перемены в художественном сознании и читательском восприятии, в формах бытования литературы, в изменении как семантико-стилистической структуры литературы, так и ее места и роли в социокультурной парадигме. Наступление массовой культуры, период господства постмодернистского дискурса, бизнес-регуляторы издательского процесса, потеря интереса к чтению и к книге как носителю нравственно-эстетических ценностей не могли не повлечь за собой серьезные перемены в литературной технике, повлияли на жанрово-тематические и стилистические особенности литературы XXI века.

Данная тенденция проявляется и в трансформации исторической прозы как эстетического феномена. Те формы исторического повествования и исторического сознания, которые сложились в русской словесности XIX—XX веков, подверглись существенному пересмотру и фактически оказались на периферии литературного процесса. Но при разрушении канонов художественного историческо-

го повествования мы можем отметить тот колоссальный интерес к историческому нарративу, который характерен для отечественной культуры конца нулевых—начала 2010-х годов. Расцвет исторического дискурса в отечественной прозе обусловлен общей социокультурной ситуацией «открытия истории»: общественной установкой на переосмысление советских и постсоветских исторических концепций, активной полемикой о советском и дореволюционном прошлом, запросами на создание «единой концепции истории» — непротиворечивого описания отечественного исторического процесса. «Новое прочтение» в социуме получают категории соборности и индивидуализма, патриотизма, духовных традиций. Определенная экзистенциальная неуверенность общества в настоящем и будущем провоцирует обращение к прошлому, которое становится проекцией коллективных страхов, попыток обжить историческую среду, отработать исторические травмы, чтобы тем или иным образом примириться с действительностью.

С культурологической точки зрения новые художественные поиски путей воплощения исторического сознания и принципов создания исторического нарратива коррелируют со сменой приоритетов в самой исторической науке. От истории героев и истории общественных формаций современная историография развивается в сторону исследования частной жизни, «маленького человека», рассматриваемого на конкретном историческом срезе: в специальную научную отрасль во второй половине XX века выделяется «история повседневности», комплексная историческая дисциплина, изучающая «стиль жизни», быт, нравы, поведенческие парадигмы различных исторических эпох [6]. Обыденность как альтернатива исторической событийности представляется нам созвучной современной реабилитации частного сознания, ценности личного опыта, личного пространства и личного бытия, стремящегося абстрагироваться от масштабных исторических проявлений. Синхронный срез современной отечественной прозы позволяет нам утверждать, что практически во всех значимых направлениях фиксируется обращение к тем или иным аспектам исторического повествования. Историческая тематика оказывается тем общим трендом, который объединяет «женскую прозу» с «пацанской», «художественный документализм» с авантюрным повествованием.

Рассмотрим наиболее интересные и показательные примеры обращения к исторической проблематике и преобразования исторического повествования. Поиски новой реалистической эстетики предлагают читателю различные варианты трансформации исторической темы. Обращение к форме «альтернативной истории» [2] используется в романе А. М. Терехова «Каменный мост» (2009), в центре которого — псевдодокументальное современное расследование реальной трагической смерти Нины Уманской, произошедшей на Большом Каменном мосту в 1943 году, и судеб ее друзей из компании «золотой молодежи» сталинской эпохи. Отдавая дань популярной детективной эстетике, герой-повествователь прокручивает различные версии происшествий (от реалистических до фантастических), тщательно воссоздавая как раз «исторический колорит», уже упоминаемую нами историю повседневности, поскольку избегает уже ставших стереотип-

ными к концу нулевых тем сталинских репрессий и Великой Отечественной войны. Жизнь и смерть юной Нины оказывается для автора ключом к экзистенциальным размышлениям об ужасе и неизбежности смерти, о собственной участи, символически представленной в романе фигуркой солдата — «безликого оловянного лыжника в масхалате» [7. С. 7], то ли подлинного артефакта советской эпохи, то ли удачной современной подделки, осколка на рынке бытия.

Собственное авторское видение истории, вариант ее художественной интерпретации представляет в романе «Мысленный волк» (2014) А.Н. Варламов (о художественном мире романа подробнее см. [5]). С одной стороны, в тексте присутствуют такие приметы исторического повествования, как описание глобальных исторических событий (Первая мировая война) и их влияние на судьбы общества и вымышленных романских персонажей. К тому же Варламов формулирует четкую историософскую концепцию, исходя из которой Первая мировая и последующие революционные события воспринимаются как экспансия Мысленного Волка — дьявола, символа, олицетворяющего собой западные, чуждые России веяния, искушающего и едва совсем не погубившего страну.

С другой стороны, на «альтернативность» варламовского исторического нарратива указывает практически полное отсутствие реальных исторических персонажей, необходимых для классического исторического романа. Вернее, узнаваемые для образованного читателя фигуры писателей Пришвина, Розанова, Александра Грина, а главное, Григория Распутина как будто спрятаны под масками, что позволяет Варламову, во многом игнорируя историческую объективность, заниматься реабилитацией Распутина, сделав его, разудалого и вдохновенного божьего человека-плясуна, центром противостояния Мысленному Волку. Финал романа также выведен из сферы исторического — он посвящен трагическому падению и возвращению к жизни главной героини Ульяны Комиссаровой, т.е. частный сюжет борьбы с Мысленным Волком оказывается приоритетным по сравнению с сюжетом историческим.

Для творчества Л.А. Юзефовича характерно сочетание принципиально противоположных повествовательных стратегий. Близость к авантюрному типу героев демонстрируют персонажи его исторического романа «Журавли и карлики» (2008—2009), действие которого разворачивается в нескольких временных пластах (Русь и Европа XVII века, революция 1917 года и события 1993 года, конец 2010-х годов). Историческая концепция, обязательный атрибут исторической романистики, у Юзефовича носит метафорический характер: история понимается как непрекращающаяся война известных еще с античных времен журавлей и карликов, сражающихся под разными ликами в любую эпоху. Нивелируя исторический прогресс, Юзефович актуализирует поэтику авантюрно-плутовского романа, делая главным героем времени и страны прохиндея-самозванца, чуждого любому социуму, теряющего свое подлинное лицо за масками, но неизбежно осужденного на гибель.

Последний по времени издания исторический текст Юзефовича «Зимняя дорога» (2015) с подзаголовком «Генерал А.Н. Пепеляев и анархист И.Я. Строд в Якутии. 1922—1923. Документальный роман», получивший литературную премию

«Большая книга» за 2016 год, ориентирован на стилистику художественного документализма: автором привлечен огромный архивный материал (следственные дела героев, их письма, книги и т.д.), дополненный воспоминаниями о Сибири знаменитых русских ссыльных XIX—XX веков, газетными статьями, энциклопедическими подробностями о сибирском климате, рельефе, фауне. Подчеркнуто отстраненный тон повествования крайне редко дополняется авторским комментарием. При этом совершенно очевидно, что для Юзефовича Пепеляев и Строд со своим личным противостоянием в ледяной Сибири — еще один эпизод титанической борьбы журавлей и карликов, которые, при всей разности идеологий, прекрасно понимают и уважают друг друга. Даже погибают они синхронно — в жерновах большого террора во второй половине 1930-х годов. По сравнению с этими гигантами, которые жили высшими соображениями, все прочие персонажи, да и сами белые и красные армии кажутся преходящими пешками, перемоловшими своих генералов.

Как мы видим, парадокс современной отечественной исторической прозы состоит в том, что авантюрные начала востребованы в произведениях сложных, трагических, анализирующих особенности национального характера в кризисные моменты отечественной истории. Наиболее показателен в этом отношении роман Захара Прилепина «Обитель» (2014). Согласимся с критиком Л. Данилкиным в том, что в этом романе Прилепина «интересует... национальная история, которая здесь представлена в химически чистом, лабораторном варианте. Соловки — и есть Россия, макрокосм в микрокосме; остров как модель страны» [3]. Но центральным персонажем на этом острове-стране становится Артем Горяинов, осмысляемый как типичный для авантюрного романа герой-посторонний, которым, по мысли М. М. Бахтина, «присуща своеобразная особенность и право — быть чужими в этом мире, ни с одним из существующих жизненных положений этого мира они не солидаризируются, ни одно их не устраивает, они видят изнанку и ложь каждого положения» [1. С. 412]. Артем, осужденный за отцеубийство, — принципиально чужой для всех категорий каторжан: и для политических, и для уголовников, и для мучеников, и для палачей, что, с одной стороны, позволяет ему с легкостью сходить с людьми любых категорий, с другой — он никогда и ни с кем не разделяет своей судьбы, последовательно отказываясь как от общей исповеди и отпущения грехов, так и от артельной работы. Эта невключенность формирует у Горяинова специфическую авантюрную ауру, его положение в мире неустойчиво: каждая новая глава оборачивается очередной метаморфозой, швыряя Горяинова то на общие работы, то в театр, то в больницу, то в камеру смертников. Можно сказать, что как раз авантюрностью главного героя во многом и определяются многоступенчатый сюжет и главное качество героя — его «неизменность», отсутствие «пути духовных исканий». Более того, авантюрные черты в «Обители» в какой-то степени объясняют и своеобразие авторского отношения к истории, к поспраанию нравственных категорий, к взаимозаменяемости палачей и жертв: авантюрный дискурс не осознает смерть как драму, не склонен к саморефлексии и чувству вины, для него более значимым оказывается процесс погружения в «живую жизнь», исследования ее нормы и отклонений, что отвечает умонастроению определенной части сегодняшней читательской аудитории.

Упомянем и о той принципиальной роли, которую играет исторический дискурс для современной женской прозы. Поскольку смысловым центром современной русскоязычной женской прозы является семейно-бытовой роман в своих различных вариантах, конструктивным принципом повествования становится соотнесения частного семейного сюжета с сюжетами историческими, трагически влияющими на быт и судьбы героев и героинь. Таким образом, история здесь является только фоном, но фоном практически обязательным для развития действия. Общая культурологическая функция женской прозы по адаптации топики и стилистики «качественной литературы» для массового читателя проявляется и в обращении с историческим материалом: историческое повествование подменяется даже не апологией «частного бытия», но своего рода «обманкой», декорацией истории (романы М. Степновой, Д. Рубиной, Е. Катишонок и др.). При этом отметим, что продуктивность исторического нарратива заставляет отдельные образцы женской прозы относить к массиву исторических повествований. В частности, последний роман Л.Е. Улицкой «Лестница Якова» характеризуется критикой следующим образом: «“Лестница Якова” — роман об истории. Не просто действие происходит в прошлом, как было у Улицкой раньше. Здесь история — главная тема, содержательный и формальный фундамент повествования. “Лестница” натянута между временами» [4]. Действительно, в романе можно выделить документальную основу — подлинные письма деда Улицкой, в которых упоминаются реальные исторические деятели и события, свидетелем (и даже участником) которых он стал. Представлена автором и собственная концепция бытия как лестницы (цепочки) поколений, а науки и культуры — как посланного Богом единого Текста, который человечество должно расшифровать и прочесть. Вероятно, Улицкая ближе всех в женской прозе подходит к тому, чтобы создать некую гендерную модификацию исторической прозы.

Иную модификацию исторического повествования, ориентированную на историософскую прозу XX века (например, роман Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго»), представляет собой «неисторический роман» (согласно подзаголовку) Е.Г. Водолазкина «Лавр» (2012). Самым типологически близким к этому тексту произведением можно считать роман В.П. Аксенова «Вольтерьянцы и вольтерьянки» (2004), в котором, как и у Водолазкина, вымышленные исторические подробности и герои сочетаются с продуманной историософской концепцией и остроумной исторической стилизацией, разрушающей строгое жизнеподобие исторического романа XIX—XX веков, но формирующей, возможно, новый канон начала XXI века. «Лавр» идеально вписывается в схему «истории повседневности», представляя собой подробную историю (местами — с уклоном в агиографию) средневекового врача, принявшего монашество. Воссоздание быта и мировоззрения средневекового человека заменяет в романе отсутствие масштабных исторических событий. Водолазкин, филолог-древник, создает своего рода художественную энциклопедию средневековой культуры: литературы, суеверий и примет, хождений в Иерусалим, ожиданий конца света, уважения к юродивым, святой веры в Бога и Его милость к падшим, в демонов и ангелов.

Историософская модель Водолазкина основывается на христианском понимании истории как личностного становления (или же деградации) на том пути

духовных искушений, которые подстерегают личность в социуме, сотрясаемом различного рода «историческими потрясениями». Обыденное человеческое существование автор предлагает рассмотреть с точки зрения Божественной вечности, где нет поступательного движения, нет «истории» и «времени» в понимании классического исторического повествования, но вся совокупность деяний, чувств, помыслов пребывает в своей свершенности в ожидании Божьего суда и милости. Условный исторический материал необходим Водолазкину для актуализации той ценностной парадигмы, в которой акцент сделан на личном участии человека в воплощении глобального мирового сюжета спасения, а частная судьба рассматривается не только в конкретно-историческом, но и в универсально-вселенском контексте движения от небытия к победе над смертью, от грехопадения к спасению и вечной жизни.

Филигранные по повествовательной технике, развивающие неомодернистские художественные тенденции, «неисторические» романа Аксенова и Водолазкина в определенной степени формируют этико-эстетическую альтернативу массовой культуре и развлекательной беллетристике, они возвращают историческому повествованию одно из его первостепенных качеств — философско-аксиологическую семантику, нравственный императив, что позволяет говорить о реализации историческим романом современного типа нравственно-эстетического потенциала отечественной литературы.

Подводя итоги, мы можем утверждать, что приверженность исторической тематике — один из системных факторов современного литературного процесса, обусловленный как социокультурными, так и собственно литературными причинами. Отказ от канонического исторического романа оборачивается активными формально-стилевыми поисками новых актуальных моделей исторического нарратива. На данный момент возможно обозначить несколько основных направлений трансформации исторического повествования: а) тяготение к авантурным приемам, влияние массовой культуры; б) обращение к теориям «альтернативной истории», создание авторских вариаций исторических событий; в) воссоздание не масштабных исторических событий, но «истории повседневности», интерес к реконструкции частного бытия. В определенной степени эти тенденции обозначают разнонаправленные векторы современного литературного сознания, координаты которого колеблются в пределах от масскульта до так называемой «качественной прозы для интеллектуалов», ориентированной на многоаспектный диалог с литературной традицией и решение задачи обновления художественного языка.

© Солдаткина Я.В., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа (1930—1961 гг.). М., 2012.
- [2] *Гулярян А.Б.* Жанр альтернативной истории как системный индикатор социального дискомфорта // Самиздат [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/f/forum_a_i/doclad1.shtml (дата обращения: 13.10.2016).

- [3] Данилкин Л.А. «Обитель» Захара Прилепина: лагерный ад как модель страны // Афиша. Воздух [Электронный ресурс]. URL: <http://vozduh.afisha.ru/books/obitel-zahara-prilepina-lagernyu-ad-kak-model-strany/> (дата обращения: 13.10.2016).
- [4] Маркарян О.Э. «Лестница Якова». Роман о прошлом // Rara Avis Открытая критика [Электронный ресурс]. URL: http://rara-rara.ru/menu-texts/lestnica_yakova_roman_o_proshlom (дата обращения: 13.10.2016).
- [5] Мескин В.А. «Мысленный волк» Алексея Варламова как опыт символистского романа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2017. № 1.
- [6] Пушкарёва Н.Л. «История повседневности» как направление исторических исследований // Перспективы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280> (дата обращения 13.10.2016).
- [7] Терехов А.М. Каменный мост. М., 2009.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15 октября 2016.

Дата принятия к печати: 20 ноября 2016.

Для цитирования:

Солдаткина Я.В. (2017). Современная русская историческая проза в контексте литературного процесса 2000—2010-х гг. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2017. Т. 22. № 1. С. 47—54.

Сведения об авторе:

Солдаткина Янина Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Московского педагогического государственного университета, доцент.

Контактная информация: e-mail: yav.soldatkina@m.mpgu.edu

CONTEMPORARY RUSSIAN HISTORICAL PROSE IN THE CONTEXT OF THE LITERARY PROCESS OF 2000—2010th

Ya.V. Soldatkina

Moscow Pedagogical State University
Malaya Pirogovskaya, 1, Moscow, Russia, 119991

The purpose of the article is to identify the main principles of creation of the modern historical fiction and to determine the reasons for its popularity. In the course of the current study, the following features of modern Russian historical prose were noted: non-realistic depictions of historical events and historical figures, the shift of the narrative towards the sphere of private life and reinforcing the entertainment element. Writers are paying more attention to recreating the historical flavor, reflecting the consciousness of the era. The historico-philosophical prose of V. Aksenov and E. Vodolazkin is fundamentally different: they bring back to the historical prose its core values, philosophical and social categories, which are equally important for the past eras as well modern times. In general, the modern historical fiction, if analyzed systematically, reflects the leading artistic trends of the literary process of 2000—2010th: a dialogue with mass culture and the search for a new narrative style.

Key words: contemporary historical prose, historical consciousness, an adventurous novel, historiosophical novel, artistic documentalist

REFERENCES

- [1] Bahtin M.M. *Formy vremeni i hronotopa v romane* [Forms of time and chronotope in the novel]. Bahtin M.M. *Sobranie sochinenij*. T.3: *Teorija romana* (1930—1961). M., 2012.
- [2] Gularjan A.B. *Zhanr al'ternativnoj istorii kak sistemnyj indikator social'nogo diskomforta* [The genre of alternative history as a systemic indicator of social discomfort]. Samizdat: URL: http://samlib.ru/f/forum_a_i/doclad1.shtml (accessed 13.10.2016).
- [3] Danilkin L.A. «Obitel'» Zahara Prilepina: lagernyj ad kak model' strany [“Cloister” by Zakhar Prilepin: the hell of the camp as a model for the country]. *Afisha.Vozduh*: URL: <http://vozduh.afisha.ru/books/obitel-zahara-prilepina-lagernyy-ad-kak-model-strany/> (accessed 13.10.2016).
- [4] Markarjan O.Je. «Lestnica Jakova». Roman o proshlom [“Jacob’s Ladder”. A novel about the past]. *Rara Avis Otkrytaja kritika*: URL: http://rara-rara.ru/menu-texts/lestnica_yakova_roman_o_proshlom (accessed 13.10.2016).
- [5] Meskin V.A. «Myslennyj volk» Alekseja Varlamova kak opyt simvolistskogo romana [“The spiritual wolf” by Alexey Varlamov as the experience of the symbolist novel]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Literaturovedenie, zhurnalistika*. 2017. № 1.
- [6] Pushkareva N.L. «Istorija povsednevnosti» kak napravlenie istoricheskikh issledovanij [“The history of everyday life” as the direction of historical research]. *Perspektivy*: URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280> (accessed 13.10.2016).
- [7] Terehov A.M. *Kamennyj most* [Kamenny bridge]. M., 2009.

Article history:

Received: 15 October 2016.

Revised: 30 October 2016.

Accepted: 20 November 2016.

For citation:

Soldatkina Ya.V. (2017). Contemporary Russian historical prose in the context of the literary process of 2000—2010th. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 22 (1), 47—54.

Bio Note:

Soldatkina Yanina Viktorovya, Doktor of Philology, Professor of the Department of Russian Literature of Moscow pedagogical state university.

Contacts: e-mail: yav.soldatkina@m.mpgu.edu



УДК 821.161.1

82-3

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-1-55-65

«МЫСЛЕННЫЙ ВОЛК» АЛЕКСЕЯ ВАРЛАМОВА КАК ОПЫТ СИМВОЛИСТСКОГО РОМАНА

В.А. Мескин

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье анализируется поэтика романа современного прозаика, позиционирующего себя как продолжателя традиций русской классической литературы XIX столетия. Фабула произведения А. Варламова строится на отображении последних лет Российской империи и красного террора, последовавшего после Октябрьского переворота 1917 года, на описании судеб множества характеров, исторических и вымышленных. Анализируя сюжетно-композиционную, мотивную структуру текста, мы приходим к заключению, что автор создал символистское произведение, показал типологическую общность его поэтики с поэтикой русских символистов начала XX века — Ф. Сологуба, В. Брюсова, но прежде всего с поэтикой автора «Петербурга» А. Белого.

Ключевые слова: Алексей Варламов, Андрей Белый, поэтика, реализм, символ, символизм, символистский роман, образ, характер, двоемирие, мотив, мистицизм, сектантство

Новый роман современного писателя привлек внимание исследователей. Строгий критик Л. Латынина дает сдержанно-положительную оценку книге А. Варламова [2], Я. Солдаткина — однозначно положительную оценку [4]. Роман обсуждается в Интернете, он удостоился места в коротком листе почетной премии «Большая книга» — 2015 (1). Хороший язык, заинтересованное «а что же дальше?» держит внимание читателя до последней страницы. Судя по интернет-отзывам, многие из тех, кто имеет невысокое мнения о романе, дочитали его до конца [1].

Повествование охватывает значительный период жизни представленных характеров и, что вряд ли не важнее для автора, закатных лет Российской империи — с 1914 до 1918 года. Динамичные линии судеб даны в тесном переплетении с линией судьбы государства, причем каждая линия сложна, замысловата, чтобы понять их, их сплетения, образно говоря, мало знать геометрию, нужны познания еще и в тригонометрии. Трудно сказать, что такое реализм в искусстве, но мы знаем большое число современных писателей, которых литературоведы и критики называют реалистами, иногда «новыми реалистами» (что не очень удачно: «новым реализмом» в истории российской словесности названо вполне определенное явление в прозе). Писатели, а среди них и А. Варламов, не возражают. Однако филологическое прочтение «Мысленного волка» вряд ли позволит назвать этот роман реалистическим, особенно учитывая своеобразие поэтики второй по-

ловины текста. Да, реалистическая основа романа обширна, местами фотографична. Его достоверность обеспечивается не фоновыми знаниями отечественной истории: это эстетически переработанный материал архивов, личных дневников, подшивок газет. И все-таки роман этот нельзя назвать реалистическим. А каким? Полагаю, еще и символистским (1).

А. Варламов создал текст, широко привлекая приемы, некогда обособившие символистскую прозу как российскую, так и зарубежную. Принято считать, что в отечественной эпической словесности символизм нашел свою вершину в творчестве А. Белого. Нашел, как пишут историки литературы, вершину и завершение (2). Однако читая «Мысленного волка», автор этой статьи (может, это что-то очень субъективное) ощущал какие-то импульсы памяти, вникая в романное пространство текста, отображающего предреволюционную Россию: газетные персонажи, разлад в избах и дворцах, революционеры, сектанты, террор, провокации, интимные парадоксы, предчувствия, вещие сны, оборотни. Импульсы были обусловлены или подсказаны не самой представленной совокупностью явлений, составлявших быт и бытие ушедшей империи (без многих из них нельзя нарисовать Россию накануне взрыва, не обошелся без них и А. Толстой в первой части не символистской трилогии «Хождение по мукам»), а именно возникшими ощущениями, что эти явности предстают в знакомом художественном преломлении. С пониманием того, что составляющие роман сюжетные линии образуют как бы два разных повествовательных плана, своеобразное двоемирие, пришла догадка, что это символистское преломление, что читателю предлагается во многом самому, говоря словами А. Лосева, развернуть свернутое здесь «смысловое содержание» [3. С. 36].

Известно, тексты у символистов имеют два плана содержания: первый представляет текущую жизнь, типические характеры, конфликты, второй, основной, представляет, как говорил один из первых теоретиков символизма, «океан непознаваемого». Соответственно, первый план формируют образы, имеющие конкретно-историческое, логическое объяснение, второй план формируют образы символистские, «для ума недостижимые». Текущая повседневность при таком отображении зрима, но как бы не совсем самостоятельна, подвластна тайным механизмам жизни. При таком отображении подчиненная кому-то или чему-то повседневность предстает вовлеченной в историю-мистику, в которой происходит извечная борьба антонимичных начал. Постепенно пришло предположение, а затем осознание типологической (не реальной, впрямую не наследуемой) общности создания А. Варламова с созданиями символистов, например, Ф. Сологуба, В. Брюсова, но прежде всего ввиду общности тематики и обращения к тому же периоду российской жизни (не совсем к тому же, но близко...) — с прозаическими созданиями А. Белого. В «Серебряном голубе» и в «Петербурге», вышедших из мистических размышлений автора о судьбе России, реальность мистична, мистика реальна. И детективный элемент роднит названные романы с «Мысленным волком».

Но возможен ли сейчас символистский роман? Модернизм в эпоху постмодернизма... Почему нет? Символизм (дебют модернизма) — один из методов искусства — отображения явного и мнимого, к этому методу автор может и неосоз-

нанно обращаться (обнаруживается же не символическое, а именно символистское в искусстве и до собственно символистских манифестаций, скажем, в повести Н. Гоголя «Портрет»). А. Варламов неосознанно и обращается. На письмо автора данной статьи, в котором был вопрос, не поворачивал ли писатель сознательно к символистской манере, поэтике, в частности к опыту создателя «Петербургга», автор «Мысленного волка» ответил явно с искренней толикой удивления, и с однозначным заключением: «Никаких ассоциаций с романом “Петербург” у меня не было». Не было, но объективно «Мысленный волк» в хронологическом плане (менее чем десятилетие спустя), а еще важнее — в тематическом плане предстает не продолжением романа «Петербург», но продолжением начатой А. Белым формально-содержательной художественной линии.

Белый закончил свой роман-симфонию в адажио тональности, отображающей государство в период излета мятежа, Варламов начал свой роман с описания периода возгорания нового мятежа и закончил на трагической ноте повествования о конце великой империи. С первой фразы, с первых страниц романист погружает читателя в атмосферу тревоги, предчувствия катастрофы, затем эти предчувствия как бы уходят, автор рисует размеренную жизнь с ее естественными житейскими противоречиями, но затем это невнятное тревожное ожидание «что-то будет» как бы возвращается, его испытывают все главные персонажи, символы-знамения следуют в тексте один за другим (3).

А. Варламов, как и А. Белый, наделяет своего повествователя, так сказать, не образно-понятийным, а образно-символистским восприятием жизни, происходящей смуты. В смуте пребывают все: и народ-зверь, он же — сектантский стяжатель Духа Святого, и заигрывающая с этим народом, пораженная гордыней интеллигенция, и растерявшаяся церковь, и аморфный имперский Двор, доверившийся чалдону, личности много чувствующей, но мало знающей, и революционеры — русофобы и русофилы. В начале романа воздействие на действительность чего-то темного и сильного как бы завуалировано, затем диктат недоступного разуму *оно* становится все явственнее, финальные страницы — это данные в темных и сумеречных тонах картины торжества содомии, бесовщины. Два мира, два плана смыкаются. Бесы вселяются в людей еще вчера добропорядочных.

Первый план прописан автором, что называется, реалистично, можно сказать, кинематографично — дачная жизнь, военный Петербург-Петроград, проводы на вокзале, дворцовые интриги, фронт и т.д. Есть толика психологизма. Эпоха, когда Россия переступала последнюю черту, дана в иерархии известных лиц до Николая II (из литературной среды представлены или упомянуты Розанов, Мережковский, Гиппиус, Ремизов, Блок, Белый, Бальмонт, Горький, Иванов-Разумник, Брюсов, Гумилёв, Ахматова, Волошин, Ал. Толстой, Вяч. Иванов, Страхов, Куприн, Андреев, другие) и в убедительных художественных характерах, соответственно, в событиях, имевших место и вымышленных. Но при этом в «Мысленном волке» автор как нечто само собой разумеющееся рисует постепенное вторжение мистического, ирреального в реальное: исторически выписанные характеры видят дьявола или его эманацию за окном, стреляют в проклятого из винтовки, их преследуют видения, например, «прекрасные и страшные глаза», живые встречают мертвых, прозревают в толпе тех, кто должен скоро уйти в мир

иной, обращаются к небесам и — получают ответ (и опять на память приходят персонажи символистской прозы, например сологубовские, которые запросто, лишь ступив за калитку, оказывались в другом мире или в другом измерении, не удивляются, встречам с умершими).

Исторические характеры, не тесно связанные с перипетиями сюжета и потому не отягощенные выбором поступка, представлены, как правило, под своими именами. Самый значимый здесь — провидец Григорий Распутин. Варламовский Распутин — характер сложный, трагический. Таким он еще не был представлен в нашей литературе (4). Посвященные ему страницы по-своему поэтичны. Эти страницы, а еще страницы, посвященные авантюристичному герою по имени Круд (о нем чуть ниже), вряд ли не лучшие в романе, они вписываются в романное целое, но и обладают художественной самоценностью. Вопрос, какими силами был одержим этот старец, остается без ответа (как то, какими силами была одержима брюсовская Рената). Характеры, имевшие прототипы, но тесно связанные с сюжетным действием, отношениями с персонажами вымышленными, выступают, естественно, под именами, данными им автором: в писателе и охотнике Павле Матвеевиче Легкобытове, состоящем в маргинальном браке с крестьянкой, легко узнается Михаил Пришвин, в малосимпатичном Р-ве — философ пола Василий Розанов, в бесшабашном, уродливом, обаятельном, бессребренике Круде — писатель-романтик Александр Грин.

А. Варламов оригинально усложняет не всегда, но чаще всего принятую композицию символистского романа, двоимирную: мир амбивалентный посюсторонний — мир тьмы, дьявольщины — потусторонний. Он вводит третье измерение — совершенный (романтичный) мир света, добра. Посланцем этого мира и выступает писатель Круд, имевший, так сказать, спасительные намерения. Он тоже обладает чудодейственными способностями, прозревает сокровенное, он знает, что миров «других» — два, что другой темный мир — это, по его выражению, мир ненависти, «манекенов и черных крыс». Он послан из будущего (единственное светлое обещание на перспективу), впрочем, высказывается в романе и то предположение, что злые силы тоже управляют настоящим из будущего. Конечно, многие мистические (исторические) пророчества персонажей основываются на том, что автор смотрит на прошедшее в двадцатом веке из века двадцать первого.

Персонажи романа ведут социально-философские дискуссии, не слыша друг друга (как в «Скородоже» Сологуба, как в «Петербурге» Белого): большинство поражено неотвязной болезненной мыслью, которую они не могут сформулировать со всей определенностью, но которая не дает им покоя, порождает агрессию, заставляет искать то, чего, возможно, и нет. Здесь, итожит варламовский повествователь, в состоянии «всех против всех» все «взыщут града невидимого» и — все «разоряют дом». И разорят. Определение болезненной мысли-обольстительницы автор находит в речениях Иоанна Златоуста — «мысленный волк». И как в подтекст романа «Петербург» автор заложил вопрос: России ментально ближе Запад или Восток, так в подтекст романа «Мысленный волк» автор заложил вопрос: занес ли в Россию всеразрушающую мысль Запад или она сама собой здесь зародилась, развилась и — разрушила державу? В отличие от повествователя Белого, повествователь Варламова находит ответ: безбожный Запад виноват, мыс-

ленный волк вскормлен всем множеством западноевропейских мыслителей нового времени, начиная с людей «Возрождения», с энциклопедистов «Просвещения» и заканчивая антихристианином Ницше (5).

Ясно, идея «Мысленного волка» зародилась у Варламова во время работы над книгой серии ЖЗЛ «Михаил Пришвин», изданной несколько лет тому назад, или в тесной связи с этой работой. В полной мере вторую книгу поймет только прочитавший первую. В ЖЗЛовских пришвинских и варламовских размышлениях о корнях русского бунта, о причинах Февральской революции и Октябрьского переворота 1917 года, о разгоне большевиками Учредительного собрания в январе 1918 года («караул устал») есть немало подходов к тому незримому и страшному, что действительно можно назвать «мысленным волком». В новом романе подходы воплотились в развернутое драматичное повествование — понятийные размышления претворились в размышления образные.

Символистская проза предполагает обращение к многомерной образности, «включение интуиции», обращение автора к намекам-знамениям, скрытым сравнениям, алогизмам, амбивалентностям, реминисценциям, к поливалентным характеристикам, содержание которых уходит за пределы содержательного пласта романа (6). Без этих импрессионистских начал нельзя создать тот самый второй план, «другую реальность», нечто сущностное, ускользающее от рационального охвата. Символизм и импрессионизм в некоторых контекстах воспринимаются как слова-синонимы. Символизм — метод искусства, импрессионизм — его стиль, его язык.

В описательном импрессионистском стиле (вообще очень свойственном прозаику А. Варламову) написаны многие страницы «Мысленного волка». Здесь преобладает символистская незавершенность, недоговоренность, намек, импрессионистское слово *кажется* (и его модификации) вряд ли не самое частотное, как это было в символистской прозе Серебряного века. Так создается ощущение неустойчивого равновесия, покрова покоя, разрываемого драматичным *вдруг*. Вот экспозиционные, задающие общий настрой, страницы книги. Описывается погожая весна, время оживления природы, лес, река. На берегу подростки. Девочка, она верит, что у некоторых людей есть скрытый «третий глаз», который «прозревает сокровенное». Мальчик, он «как умная собака чуял... недолгую судьбу» своей сверстницы-приятельницы. Пасторальную картину сметает — труп, по реке плывет утопленник. Он еще не раз «всплывет» на страницах романа как знак беды. Дома девочка с удовольствием читает «Антоновские яблоки». Об авторе этой повести с презрением отзывается взрослый, «кряжистый, бородатый», сосед, который ее и пугал, и завораживал, и привлекал. Все эти как бы попутные, штриховые замечания еще «отзовутся» в тексте, как и разбросанные по всему тексту неясные шорохи, таинственные стуки, ощущения преследования, присутствия чего-то или кого-то невидимого.

Один из главных персонажей — Павел Матвеевич Легкобытов, писатель, натуралист, агроном — человек земной, плотский, но испытывающий большой интерес к трансцендентной тематике, к потустороннему — и сакральному, и inferнальному. Он не от дьявола, но дьявол в своей раскладке его использует. Персона маргинальная, рефлекслирующая, его биографический и психологический про-

тотип — М. Пришвин. Скажем так, этот персонаж более Пришвин, чем Легкобытов, от малого — сын купца-пьяницы, до большого — поражен болезненным «подпольем», не входит, а уловками «вползает» в литературу. Его имя и фамилия заимствованы писателем у другого исторического лица — у одиозного руководителя одиозной секты хлыстов «Новый век» Павла Михайловича Легкобытова. Более того, Павел Матвеевич совершает поступки и проступки, которые совершал или мог совершить в жизни Павел Михайлович. При этом пришвинское в Павле Матвеевиче столь выпукло, что всякое отдаление от прототипа имеет значение особой подсветки. Скажем, агроном М. Пришвин специализировался на картофелеводстве. Легкобытов-Пришвин изучал такое растение как чеснок. Известно, чеснок часто упоминается в мифологии, в фольклоре разных народов как растение, тесно связанное с потусторонними силами, чаще с темными (7). Дать более или менее определенную характеристику этому персонажу, пожалуй, невозможно. Он не глуп: в социально-философских спорах с даже более симпатичными персонажами Легкобытов более прозорлив, справедлив.

Как следует из книги «Михаил Пришвин», во многом из исторических лиц автор сотворил и Исидора Щетинкина — характер мистический, выполняющий волю потусторонних темных сил — предатель, провокатор, насильник, погромщик, садист, прошедший путь от монастырского послушника до крупного начальника большевистских застенков. Примечательно, в суждениях и этого монстра, убийцы России, есть толика страшной правды.

Один из самых обаятельных и сложных характеров в романе — это деятельный, не лишенный человеческих недостатков — Василий Христофорович Комиссаров, механик Обуховского завода, представитель среднего класса, обладающий многими положительными качествами и одной, но роковой, слабостью — доверчивостью. Очевидно, по замыслу автора, именно Комиссаров (он и дочь), символизирует ту Россию, которую разрушили бесы, сманили. Сманили, заманили, опорочили, изменили. Он за переустройство жизни на разумных началах, ждет очистительной бури, жертвывая собой, по мере сил, возможностей приближает ее. Буря разразилась, но другая, не очистительная. Комиссаров подозревает, что движим бесовскими наваждениями, но пренебрегает этими сомнениями. В художественном отношении, как справедливо заметила Л. Латынина, это неубедительный характер. С одной стороны, очевидно, причины этой неубедительности, как и нестыковки в его рассуждениях, кроются в той чрезмерной значимости, которой наделил героя автор. С другой стороны, вспомним символистскую прозу начала XX века, к символистским характерам нельзя подходить с мерой типичности/нетипичности.

Роман Варламова по-символистски раскладывается на ряд тем-мотивов, в этом ряду есть мотив провокации, выходящий не только к Комиссарову, но прежде всего к нему. Работая на революционное подполье, Василий Христофорович некогда попросил товарищей проверить его «в настоящем деле». С подпольем механик связан через некоего Дядю Тома (в финале откроется, что Дядя Тома и истовый сектант Фома — одно и то же лицо). Последний встречается с Комиссаровым и, напоминая о той давней просьбе, просит механика убить Легкобытова. Ситуация весьма напоминает ситуацию из «Петербурга» А. Белого (Николай

Аполлонович — Александр Дудкин, впрочем, в трилогии «Творимая легенда» Ф. Сологуба тоже была представлена схожая ситуация), но у А. Варламова интрига сложнее. Легкобытов осужден революционерами за разоблачение сектантов, которые, подрывая основы церкви, подрывали основы государства (8). Те и другие предстают повязанными мистическим фанатизмом одной темной природы. Автор дал Василию отчество — Христофорович, отсылающую к Спасителю, и фамилию, происходящую от «маркированного» слова, печальной памяти слова, которое войдет в активное употребление в будущие десятилетия.

Самый мистический характер в романе — это Уля, дочь механика. И здесь символично «играет» имя: автор нарекает эту светлую героиню именем, которое имела одна из мучеников за Спасителя времен раннего христианства. Мученицей предстоит стать и Уле. Все основные сюжетные события романа так или иначе связаны с судьбой Ульяны, мистико-драматические описания отроковицы автор кладет в начало и конец романа. Варламов продолжает характерную для отечественной классической литературы традицию или линию — отождествления драматичной судьбы России с драматичной судьбой женщины. Символично начало романа — с представления девочки-подростка, рыжей, веснушчатой, изящной, с поэтичного описания ее странной любви, обращенной к ветреному ночному небу, видевшей сны, в которых она восторженно то ли бежит, то ли парит над землей, испытывая страх, что она «споткнется, упадет и никогда больше бежать не сможет». Смертельным падением в переносном (а возможно, и в прямом) смысле завершается роман.

Второй план прописан в романе так же основательно. Иррациональное по-пустороннее обращено прежде всего к Уле. Темное *оно* предопределяет трагическую судьбу девочки, девушки, появление на свет которой было предсказано странным провидцем (Распутиным). Ей, рожденной обезноженной, темные силы ниспосылают исцеление, но взамен отнимут обратившуюся к ним за помощью мать, отдалят от отца, обрекут на одиночество, они будут зримо и незримо ее преследовать, запрещая кому-либо пожаловаться, будут пугать, намекать на то, каким будет ее конец. «Забудь то, что ты там (за окном, перед тем, как встать и пойти — *В.М.*) видела. Ты поняла меня?» — наставляет трехлетнюю девочку перед своим уходом мать. Тьма посмеется над страстным желанием девочки России летать. Зло, окутавшее Улю, представляется как частное проявление большого зла, поразившего страну — крестьян, рабочих, дворян, людей искусства, зла, спровоцировавшего массы на поиски «правильной веры», «последней истины» в среде сектантов, в среде революционеров, в этих сходящихся крайностях. Это сходство представлено в романе убедительно: и те, и другие, по сути, предлагают одно — «броситься в чан кипящий» (эта фраза — своеобразный рефрен романа), умереть, чтобы возродиться, как обещают проповедники, «к новой жизни».

Предфинал романа образуют зарисовки «чана кипящего», в который бросаются и толпы бесчинствующих босяков, юродствующих во Христе, и мещане, и некогда утонченные светские женщины. Уля, которую не смели тронуть ни чистые, ни похотливые, ни одержимые, ни бесшабашные, распята недочеловеком-дьяволом Щетинкиным, а затем отдана им солдатам на поругание. Финал мрачно-символичен, полон недомолвок, каждый читатель прочитает («развернет», по

словам А. Лосева) его по-своему: крест из «полунощных всполохов» на небе, убожавшийся его волк на земле, старая женщина «в грязно-розовой накидке» (возможно, невесть откуда явившаяся мать) куда-то уводящая Улю, готовую то ли взлететь, то ли спрыгнуть с крыши высокого здания то ли на землю, то ли в пасть чудовища.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Возможно, здесь правильное говорить о стилизации. Символизм — порождение своего времени, он вырос на почве усиления недоверия к возможностям рационалистического миропостижения, о чем убедительно писала З. Минц («Генезис и история символизма»), А. Пайман («История русского символизма»), другие ученые, он вырос на основе особого, как указывал А. Белый, миропонимания («Символизм как миропонимание»).
- (2) Относительно недавно Д. Быков достаточно убедительно представил «Доктора Живаго» Б. Пастернака как символистский роман, утверждая, что, по его мнению, непонимание этого факта повлекло за собой и непонимание поэтики, в частности, иронические высказывания исследователей по поводу сюжета, построенного на череде невероятных встреч, совпадений, и его недооценку в целом. Но именно это, череда неожиданных встреч, совпадений движет сюжет «Мысленного волка».
- (3) Тревожные ожидания мыслящих людей начала XX века убедительно описал Н. Бердяев. Его строки из книги «Самопознание» — «...русскими душами овладели предчувствия надвигающихся катастроф. Поэты видели не только грядущие зори, но и что-то страшное, надвигающееся на Россию и мир (А. Блок, А. Белый)» — давно стали хрестоматийными. В качестве примера философ указал на символистов, им, мистикам, эти ожидания были более свойственны, чем другим интеллектуалам.
- (4) Подробнее такого трагического Григория Распутина А. Варламов представил в своей книге о нем в серии ЖЗЛ. В этой серии он рассказал и о некоторых других героях «Мысленного волка». В самом начале 1990-х годов в Останкинской телестудии прошла показанная по ТВ встреча с Анастасией Цветаевой, сестрой Марины Цветаевой, и подругой ее юности бывшей фрейлиной последней российской императрицы, каким-то чудом пережившей годы советской власти. Разговор зашел и о Распутине. Почтенные дамы одновременно и восторженно заявили: «Григорий Ефимович был человеком благородным, трагической судьбы». Для массового сознания, незадолго до этого ошеломленного Распутиным В. Пиккуля — «нечистая сила» — это было шокирующее откровение.
- (5) Вероятно, взгляды автора, доктора наук, профессора А. Варламова, не во всем совпадают с взглядами повествователя, чье мнение сложилось в недрах оппозиционного Петру I боярства, отстаивавшего политику изоляционизма и лишь обновлялось в последующие эпохи. О возможных катастрофических военно-технических и гуманитарных последствиях этой политики для России писали и пишут историки: не было бы империи, а возможно, и России. Та часть романа (начало третьей главы), где повествователь высказывается со всей определенностью как-то выпадает из целого, эта часть напоминает то ли памфлет, то ли сатирическое пародирование славянофильских воззрений. Из них следует, что Запад, а это и Леонардо да Винчи, и Адам Смит, и Вольтер, и Кант, и Гегель, и Шиллер, и Гете, и все, кто был в их кругах, немало навредили «окутанной молитвами России». Вот не знать бы их! По разумению повествователя, запад покорился мысленному волку и стал мысленным волком. Отгородись Русь от «гуманной» (естественно, в кавычках) заграницы, глядишь — и мужик не был бы зверем (коим предстает он на страницах романа и в дневниках романного персонажа — чудовищем страшнее того, что отображали, например, А. Чехов, И. Бунин). Думается, за эти страницы есть основание обидеться на повествователя русскому человеку. Обидно: галл, да германец вроде как сильнее россиянина. «Нельзя русскому человеку без Бога», а что, не русскому можно? Обидно: тем же галлам, германцам, да и всем прочим, можно было давать читать «талантливого Ницше, страшную

правду о человеке сказавшего», а русскому человеку — нельзя, — сажать в каталажку каждого прочитавшего. И еще. Замысел фантастической материализации мысленного волка в России в лице Ницше (Нитца), где он и был убит русскими мужиками, понятен, но, думается, не очень вписывается в структуру романа: символизму свойственно импрессионистическое мистическое, в гораздо меньшей степени, хотя и родственное, экспрессивное фантастическое.

- (6) Понятно, наличие образов-символов не обращает текст в символистский, таких образов можно найти немало вряд ли не в каждом реалистическом романе. Скажем, сломанное крыльцо в романе «Обломов» И. Гароваа, Павел Власов во главе революционной демонстрации в романе М. Горького «Мать» — все это яркие символы. Вероятно, целесообразно подразделять символистские и символические образы.
- (7) Романый Легкобытов — не злодей, но создан так, что вряд ли вызовет симпатию у читателя. Возникает вопрос, зачем же автор, так представил характер, отчетливым прототипом которого послужил известный русский советский прозаик, при чем тот, о котором тот же автор недавно писал в серии книг о *замечательных людях*? Возможно, имеет под собой основание такое предположение. М. Пришвин — несомненно, яркий пленэрист, художник, умевший живописать природу (пришвинское умение писать о людях, пришвинский гуманизм, пришвинская философия — вокруг этих тем идут основательные полемики), но и А. Варламов умеет живописать природу. В книге «Михаил Пришвин» он отдает должное живописцу-натуралисту, возможно, своему учителю в этом деле. Вникая в биографию М. Пришвина (список привлекаемых материалов огромен), в его человеческие качества, поступки, а более — в зигзаги убеждений, взглядов, А. Варламов вряд ли мог сохранить к нему изначальную симпатию. Верноподданный советской власти писатель, по сути оправдывавший даже ГУЛАГ, он был другой в своих дневниковых записях. Компромисс, чтобы выжить, можно понять, но Пришвину важно было оправдаться перед собой и перед будущими читателями дневника за свой конформизм. И чем чаще Варламов убеждает читателя в искренности своего героя (а убеждать приходится часто), тем менее убедительно это звучит, а осуждать не позволял жанр... Возможно, выход своим амбивалентным чувствам в отношении художника-натуралиста А. Варламов дает в «Мысленном волке», его Легкобытов ищет истину, поэтичен, но при этом эгоистичен, сластолюбив, самолюбив, высокомерен, жесток, подобострастен (впрочем, зачатки этих качеств можно обнаружить в герое книги ЖЗЛ). Пасынка варламовский охотник Легкобытов использует как болотную собаку, при пожаре спасает свои записки, забыв про трехлетнего сына и т.д.
- (8) Одним из прототипов Дяди Тома мог быть революционер В. Бонч-Бруевич, курировавший работу большевиков среди сектантов. О том, что революционеры и сектанты имеют много общего, размышлял в своих дневниковых записях М. Пришвин. Косвенно об этом писал религиозный философ С. Аскольдов, например, в статье «Религиозный смысл русской революции», открывающей сборник «Из глубины». Коснулся этой проблематики и Н. Бердяев в сборнике «Духовные основы русской революции». Научно-историческое исследование связей сектантства и революционной социал-демократии представляет собой книга А. Эткинды «Хлыст».

© Мескин В.А., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Варламов А.Н.* Мысленный волк. М., 2014.
- [2] *Латынина Л.* Кто управляет историей? Заметки о романе Алексея Варламова «Мысленный волк» // Новый мир. 2014. № 9.
- [3] *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976.
- [4] *Солдаткина Я.* Творческое наследие А.П. Платонова и семантико-эстетические поиски в современной русской прозе (А.Н. Варламов «Мысленный волк», А.В. Иванов «Ненастье») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2016. № 1.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 5 октября 2016.

Дата принятия к печати: 20 ноября 2016.

Для цитирования:

Мескин В.А. (2017). «Мысленный волк» Алексея Варламова как опыт символистского романа // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2017. Т. 22. № 1. С. 55—65.

Сведения об авторе:

Мескин Владимир Алексеевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Российского университета дружбы народов.

Контактная информация: e-mail: vameskin@yandex.ru

“MYSLENNYI VOLK” (“MENTAL WOLF”) BY ALEXEY VARLAMOV AS A SYMBOLIST NOVEL

V.A. Meskin

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The author of the article analyzes poetics of the novel by Alexey Varlamov — a contemporary author, a successor of the traditions of Russian Classic literature of the XIX century. The plot covers the last years of the Russian Empire and the Red Terror that followed the Great October Socialist Revolution of 1917. The novel depicts life and fate of many historical and fictional characters. Analyzing the plot, the composition, the motifs of the novel, the author of the article reveals typological parallels between its poetics and the poetics of Russian Symbolism of the early twentieth century, novels written by Fedor Sologub, Valery Bryusov, and Andrey Bely and his novel «Petersburg». The author concludes the novel written by Alexey Varlamov is an example of symbolism prose.

Key words: Alexey Varlamov, Andrey Bely, poetics, realism, symbolism, symbol, symbolist novel, character, two-worldness, motif, mysticism, sectarianism

REFERENCES

- [1] Varlamov A.N. *Myslennyj volk (Mental wolf)*. M., 2014.
- [2] Latynina L. Kto upravlyaet istoriey? Zametki o romane Aleksey Varlamova “Myslennyj volk” // *Novyy mir*. 2014. № 9.
- [3] Losev A.F. *The Problem of the symbol and realistic art*. M., 1976.
- [4] Soldatkina Ya. *Tvorcheskoe nasledie A.P. Platonova i semantiko-esteticheskie poiski v sovremennoy russkoy proze (A.N. Varlamov «Myslennyj volk», A.V. Ivanov «Nenast'e»)* // *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika*. 2016. № 1.

Article history:

Received: 5 October 2016.

Revised: 25 October 2016.

Accepted: 20 November 2016.

For citation:

Meskin V.A. (2017). «Myslennyj volk» (“Mental wolf”) by Alexey Varlamov as a symbolist novel. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2017, 22 (1), 55–65.

Bio Note:

Meskin Vladimir Alekseevich, Doctor of Philology, Professor of Department of Russian and Foreign literature, Philological faculty, PFUR

Contacts: e-mail: vameskin@yandex.ru



УДК 821.161.1

82-1/29

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-1-66-75

БОЯН И «ПОЭТ ПОЛКА ИГОРЕВА» В ОДНОИМЕННОМ ЦИКЛЕ СОНЕТОВ ВЛАДИМИРА ПАЛЬЧИКОВА

О.И. Федотов

Московский институт открытого образования
Авиационный пер., 6, Москва, Россия, 125167

А.О. Шелемова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Россия, 117198

Гениальный памятник древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» со времени его открытия до наших дней многоголосым эхом отозвался в отечественной поэзии. К каким только формам ни прибегали его интерпретаторы! Одной из самых неожиданных форм оказались сонеты и различные его ассоциации (циклы, венки сонетов и т.п.). Правда, возникновение «Слова о полку Игореве» (конец XII века) и изобретение сонета (начало XIII века) были практически синхронны.

В статье анализируется цикл сонетов Владимира Пальчикова «Поэт полка Игорева». Рассматриваются образы легендарного Бояна в его соотношении с безымянным автором великой поэмы, князя Игоря, его брата Всеволода, Изяслава Васильковича, Ярославны и великого киевского князя Святослава. Особое внимание соавторы уделяют конфессиональной позиции легендарного автора, в творении которого ортодоксальный христианский пафос, по их мнению, значимо отсутствует, а также перспективам дальнейших поэтических интерпретаций «Слова о полку Игореве».

Ключевые слова: Владимир Пальчиков, цикл сонетов, «Поэт полка Игорева», христианство и язычество

Художественная литература как самый универсальный, синтетический вид искусства, с естественным, однако, перевесом временного фактора в хронотопе, воспроизводит в основном настоящее и прошлое, изредка заглядывая в будущее. Экскурсы в прошлое, что особенно примечательно, в глубокую древность, характерны для исключительно мобильного поэтического творчества: «Я не была здесь лет семьсот, но ничего не изменилось» (Анна Ахматова); «Какое, милые, у нас тысячелетие на дворе?» (Борис Пастернак); «Из прошлого в настоящее самолетом четыре часа!» (Роберт Рождественский) — подобных перелетов, как на машине времени, можно набрать целую антологию.

Охотнее всего поэты обращаются к славным событиям отечественной истории, не исключая и тех, которые уже были воспеты их предшественниками. Вне кон-

курении в этом отношении оказался поход Новгород-Северского князя Игоря Святославовича против степных кочевников половцев, состоявшийся в мае 1185 года, но не сам по себе, а в гениальном освещении безымянного автора «Слова о полку Игореве». Поэтические и прозаические переводы древнего памятника исчисляются сотнями; к ним можно добавить произведения, написанные «по мотивам» или использующие его отдельные образы, ставшие достоянием нашей общенациональной культуры.

К каким только формам ни прибегали поэты, тщетно пытаясь повторить творческий подвиг автора «Слова», поставившего перед собой задачу воспеть патриотический, но стратегически опрометчивый поход князя Игоря «по былинам сего времени, а не по замыслению Бояна», и с блеском выдержавшего соревнование с легендарным певцом.

В ряду самых необычных, неожиданных стиховых форм в имитациях древнерусского шедевра можно назвать сонеты (1) и даже сонетные венки [7], хотя никакой экзотики здесь, в сущности нет, поскольку хронологически «Слово о полку Игореве» и первые опыты итальянского сонета практически совпадают.

Вряд ли уместно выстраивать здесь широкий контекст сонетов, так или иначе связанных со «Словом». Обратимся непосредственно к циклу сонетов известного поэта Владимира Пальчикова (Элистинского) «Поэт полка Игорева», опубликованного в его стихотворном сборнике 2011 года со странноватым каламбурным названием «Чело веков — человек» [6]. Наша задача — проанализировать четыре сонета, раскрывающих образ Бояна, оценить их стилистику и стиховой строй в их взаимодействии, привлекая по мере надобности другие сонеты цикла.

Нет особой нужды представлять этого виртуоза-сонетиста как мастера поэтического слова. Вместо этого достаточно привести один из его сонетов-палиндромов (текст которых состоит из стихов, с одинаковым успехом прочитываемых слева направо и справа налево) в качестве своеобразной визитной карточки. Прочитать и адекватно понять этот текст без комментариев довольно сложно, но ведь на то он и палиндром, выполненный к тому же далеко не в лапидарной форме сонета. Сам М.Л. Гаспаров (не только выдающийся стиховед, но и прекрасно владевший всеми версификационными формами поэт) не мог скрыть своего восхищения: «Я читал современные палиндромы, присматривался к ним с лингвистической точки зрения..., но представить себе, что на таком сопротивляющемся материале возможны сонеты я не мог. Восхищенно поздравляю Вас...» [6. С. 2]. А вот и сам сонет-палиндром:

НОВЫЙ НОСТРАДАМУС

Терас (2) и не гном, он Генисарет (3),
(Милосерд) явил. И в ядре Солим (4).
Тек самум. И нимб-минимум. Аскет,
мил, усоп, а дни Инда посулим.

Мирит и пасет с теса Питирим.
Те ранимы: пал в лапы минарет.
Тех и ссорит Ям (5), вмят и росс, и хетт.
Миазмат и тут, тут и там заим.

Аудио в торг. — В грот воиду! — а...
а у шеи — меч. С чем Иешуа (6)
мира псов убеги? К Гебу (7) воспарим.

— Радикал ли? — Да, кадиллак и «Дар» (8). —
Радуница (9) рас. Сарацин удар...
— Мирз (10) у берега да Гада (11) герб узрим.
[б. С. 246]

Упомянутый сборник Владимира Пальчикова представляет собой выборку его «избранных сонетов», написанных с 1960 по 2010 годы. Избранный нами для рассмотрения цикл состоит из десяти сонетов. Вступительный сонет именуется «Вход», далее идет двойчатка «Боян» (1. «О, Боян, старинный соловей!..» и «2. А Боян, так тот и лихолетью...»), за ней следуют индивидуальный сонет «Игорь Святославич», еще одна двойчатка «Всеволод Святославич» (1. «Не от татарских сеч и нищеты...» и 2. «Тур свирепый, Всеволод, стоишь...») и в заключение еще четыре индивидуальных сонета «Изяслав Василькович», «Достойные молвы», «Ярославна» и «Великий Святослав».

В сонете-вступлении лирический герой, не отделяющий себя от поэта как биографической личности, предъявляет свои концептуальные установки. Не мистик и не спирит, он вступает в творческий диалог с духом автора «Слова о полку» и вслед за ним «влечет свою бескрылую строку/Туда, где *он* над землями парит». Понятное дело, речь идет о Бояне — если не первом звене, то уж точно самом авторитетном посреднике в длинной цепи русских поэтов, включая и безымянного создателя «Слова», передающих друг другу как эстафету беззаветную любовь к родине:

Своим искусством учишь ты меня
Воссоздавать былые времена,
Но — по былинам времени сего.

Я у тебя — у старого — учусь
Любить Россию новую, как Русь
Любить лишь ты мог: более всего». [б. С. 46]

Логическим продолжением этого лирического зачина служат два сонета, непосредственно посвященных загадочному образу легендарного барда, не только упоминаемого, но и цитируемого в «Слове» (13). Поэт на этот раз трактует образ Бояна не от себя лично, а как бы перевоплотившись в того, кто начал свое творение словами «Не лъпо ли ны бяшетъ, братие, начати старыми словесы трудных повѣстий о пълку Игореве...» и т.д. Отсюда обилие парафраз из первоисточника: и сравнение Бояна со «старинным соловьем», и «мгла» земли неизвестной, куда Игорь повел своих ратников, и «холмы», за которыми они «скрылися» (Ср: дважды повторенный в «Слове» горестный возглас «О Руская землѣ! Уже за шеломянемь еси!»), и «сникшие в жалости и горе» травы, и колоритное сравнение игры Бояна на гусях с десятью соколами, преследующими стадо лебедей и почти дословная цитата: «То персты на струны налетали.// И, припомнив схватки

ножевые,/ Содрогались струны, как живые,/ Сами князьям славу рокотали» [6. С. 47—48].

К сожалению, в этом глубинном погружении в художественный мир «Слова о полку Игореве» не обошлось без распространенного заблуждения относительно ортодоксально-христианского пафоса, которым будто бы был поглощен его автор. Отсюда загадочные «золотые верхние уборы» (скорее всего, имеются в виду все-таки головные уборы — шелома), льющие «свет, как *Божии соборы*»; отсюда не менее странное утверждение, что «за дальние угорья» русских витязей уводит не князь Игорь, а «По хоругви скачущий *Егорий*». Хоругви в тексте «Слова» упоминаются, но как боевые, а не религиозные стяги, а Георгий Победоносец — не иначе как значимо отсутствует. Наконец, «лихолетью/ Славу пел искусно», разумеется не Боян, а как раз его преемник.

Можно отметить и еще некоторые неточности. Например, ни в «Слове», ни в других источниках ничего не сказано о том, был ли Боян «*тоже*» «знаком» «и с бронзою, и с медью», т.е., видимо, с бронзовым оружием и медными трубами славословия. Автор очевидным образом допускает, что он был сродни поэтам-баталистам, с равным профессионализмом владевшим поэтическим словом и бранным делом. В строке «Лютость пел и *прадедю* и *дедю*» Пальчиков изобретает своеобразные архаизированные неологизмы для того, чтобы получить эффектную рифму: «В даль былого памятью влеком./ И вставал Мстислав перед полком/ И *колол* касожского Редедю». Но глагол «колол» никак не может соперничать с исконно-летописным вариантом «зарезал».

Еще более форсированную христианскую трактовку, никак «Словом о полку Игореве» не мотивированную, получает центральный образ древнего памятника Игорь Святославич:

Только тень, зловеща и густа
Ополченья русские накрыла —
Черный зрак затменного Ярила
Стал и оком Ярого Христа.

«Нет на вас, безумные, креста!» —
Глазом этим небо говорило.
Честь же князю разум затворила,
Отворила твердые уста.

Перед высшим, боговым тем взором
Молвит он, что было бы позором
Так вернуться к матери-земле.

«Луце будем, братие, потяты!..»
И клубясь как факелы, во мгле
Выше стяги красные подъяты. [6. С. 49]

Получается, что языческий ужас, обуявший князя Игоря, наверняка знавшего, как доказал А.Н. Робинсон [7], свое родовое проклятье (за истекшее к тому времени столетие едва ли не все его родичи, тринадцать черниговских князей, уми-

рали во временной близости от двенадцати солнечных затмений), в мгновение ока обернулся христианским прозрением («зрак» и «око» перестали быть синонимами и стали антонимами). Но тут же нейтральный «глаз» парадоксальным образом обрел голос, увещевая безумцев вспомнить о «кресте», значимо отсутствующем у них на шее и, между прочим, в тексте «Слова о полку».

Если «Ярый Христос» безмолвно «говорит» своим «боговым взором», то князь, наоборот, готовит предупреждению свыше достойный ответ. Пальчиков подчеркивает его весомость необыкновенно выразительной аллитерацией: «Честь же князю разум *затворила*,/ *Отворила твердые уста*». Заключительный терцет сонета открывается имитацией древнерусской максимы «Луце будем, братие, потяты!..» и завершается ярким, но несколько декоративным сонетным замком: «И, клубясь, как факелы, во мгле/ Выше стяги красные подъяты» [7. С. 49]. Во мгле мудрено разглядеть красный цвет стягов, если даже они и сравниваются с клубящимися факелами. Одно из двух: или это просто факелы, пламенно пронзающие мглу, или неразличимые в темноте стяги...

Не один, а два сонета посвящены брату Игоря Всеволоду, как бы в подтверждение убеждению некоторых медиевистов, полагавших, что главная стратегическая роль принадлежала все-таки ему. Автор «Слова» как поэт-соратник Игоря полка, конечно же, тоже откровенно любит «буй-туром» и его курянами, «сведомыми кьметями», вскормленными с конца копий. Впрочем, Пальчиков, возможно имея в виду гипотезу, согласно которой создатель древнерусского шедевра был знаком с античной мифологией и даже с самим «Омиром», последовательно расширяет интертекстуальные аллюзии. В стихах «О нет, не славы ради, не тщеты/ От копий ныне Полю всколоситься» неожиданно срабатывают аллюзии древнегреческого мифа о Золотом Руне: царь Эет поручает Язону засеять поле зубами дракона, которые тут же проросли и дали всходы; нива заколосилась копьями, прежде чем показали вооруженные ими железные воины, с которыми пришлось сражаться предводителю аргонатов. Следуя характерной стилистике «Слова», Пальчиков густо выстраивает шипящие при изображении действий мощного ратоборца в бою: «*Тыщи тыщ — оружие из ртища — / На тебя насакаивают, ты ж/ Лишь коня на них поворотишь — / Прочь текут поганые роища*». Однако концовка второго сонета странным образом дегероизирует Всеволода:

Но и сам ты — легкая добыча:
Блеск величья ум твой ослепил,
Да и как воистину твой бычий

Норов ты усовестишь и пыл...
Если даже свычай и обычай
Ты желанной Глебовны забыл! [6. С. 51]

Такой поворот применительно к идейному пафосу древнего памятника алогичен: в тщеславии и «бычем норове» буй-тур замечен не был, не похож он на западно-европейского рыцаря, да и культ Прекрасной Дамы в русском средневековье как-то не привился.

Свойственный автору «Слова» лиризм Пальчикову удалось передать в сонете «Изяслав Василькович» посредством проникновенного цитирования, тонкой

стилизации и превосходной игры слов в рифме, подчеркивающей горькое сожаление по поводу безвременной гибели удалого князя: «Только жаль: бесславно *из брони/ Он жемчужну душу обронил*» [6. С. 52].

В дополнение к трем первым сонетам образ Бояна представлен еще в одном сонете, озаглавленном «Достойные молвы». Речь в нем идет о плененных русских витязях-«львах» (прямо скажем, несколько неожиданное животное в богатой художественной фауне «Слова»), которые имеют обыкновение «благородно», подобно князю Святославу, идти на врага в открытую, «на вы». Далее Боян получает право высказаться прямо от себя, без посредников:

Но о вас, достойнейших молвы,
Пел Боян, искуснейший зело:
«Плохо телу быть без головы,
Голове без тела — тяжело...»

Однако тут же Боянова присказка актуализируется и подхватывается «молвой»: «Вот и ныне... Всякого спроси,/ Всякий скажет: “Матушке Руси/ Плохо жить без Игоря одной”», что вызывает у лирического героя аналогичную рефлексию: «Всяк готов безумного простить:/ Ох и тяжко бедному грустить/ Вдалеке от матери родной!»

Концептуальные тезисы этого сонета тоже небыстречны. С одной стороны, сказать о плененных князьях «достойнейшие молвы» — значит одарить их сомнительным комплиментом, ибо «молва» сама по себе отмечена традиционно негативной коннотацией. С другой стороны, на фоне Боянова афоризма размышление о том, что «Матушке Руси/ Плохо жить без Игоря одной», заставляет допустить образный параллелизм «Матушка Русь = Ярославна» и заодно превозмочь знаменитое уравнение Блока: «О Русь моя! Жена моя...» Но тогда «Золотое слово» изрекал бы не Святослав, а князь Игорь...

В сонете «Ярославна» Пальчиков неукоснительно следует за оригинальным текстом и проявляет завидную осведомленность в области древнерусской гидронимии. Как известно, жена плененного князя «рано кычеть на Дунаве», но обращается за поддержкой к Днепру Славутичу. На какой реке она на самом деле находилась и протекала ли она мимо вежей Кобяка, где томился в неволе ее лада, со всей определенностью сказать сложно. Однако в медиевистике давно уже стало общим местом то, что «дунаем» называли всякую реку вообще, а Днепр Славутич противопоставлялся Дону Великому как своя река чужой. Поэтому она и обращается к своему «другу» Днепру, «доброй реке», с просьбой «прилелеять» к ней издалека «очей ее усладу».

Наконец, опять-таки в полном соответствии с идейным замыслом «Слова о полку Игореве» Пальчиков заключает свой цикл сонетом «Великий Святослав». Речь Киевского князя, укоряющего перечисляемых им поименно князей за междоусобные распри, ослабляющие Русь, звучит как своеобразный финальный аккорд, выражающий идейный пафос произведения. В зачине Святославова обращения таинственный образ Девы-Обиды, типологически, а может быть и генетически восходящий к аналогичной аллегории Гомера (подробный его анализ см. [10. С. 210—216; 9. С. 216—221]), сопрягается с созданным по его модели и

созвучным ему образом Беды. Вкупе они «омрачили Киев златоглавый» и побудили его владетельного князя «изронить» свое «злато слово слезами смешено». Его сонетная версия по необходимости лаконична, но хронологически очерчена в соответствии с одной из научных версий, допускающей смешение речи князя с авторским нарративом. Как полагал Н. К. Гудзий, фрагмент от «Се у Римъ кричать...» до «Туга и тоска сыну Глебову...» по логике вещей должен быть отнесен к авторской речи, так как Святослав в ту пору не мог знать об участии Владимира Глебовича [2. С. 29].

К каким же выводам подводит нас анализ сонетного цикла Владимира Пальчикова?

Незаурядный мастер сонета поставил перед собой творческую задачу исключительной сложности. Ему надо было добиться гармонического равновесия и в версификации, в языковом и образном антураже и, что сложнее всего, решить ряд специфических проблем научно-исследовательского порядка.

Заголовок цикла «Поэт полка Игорева» недвусмысленно намекает на то, какие проблемы прежде всего занимали автора. Конечно же, не научным, а чисто художественным способом он попытался приобщиться к неразгаданной тайне творца уникального произведения. В отличие от Никитина, Пальчиков не склонен отождествлять его с не менее загадочным Бояном. Он видит преемственную связь между ними, допуская, что оба поэта сочетали поэтический дар с воинским призванием, а автор «Слова» к тому же был участником воспетого им Игорева похода.

В их общем ряду, метафорическом «полку Игореве», числит себя и автор одноименного цикла. Вернее, он стремится перевоплотиться в неведомого творца и вместе с ним, последовав примеру Бояна, воспарить «сизым орлом под облакы», чтобы адекватно воспринять давно отшумевшую эпоху, сориентироваться в художественном мире великой поэмы и мысленно проследить все последующие события русской истории вплоть до современности. В целом, это ему удалось.

Избранная Пальчиковым творческая стратегия, однако, не безупречна. Статья конгениальным автору «Слова» едва ли возможно. Поэтому промахи в моделировании художественного мира его творения неизбежны. Если даже переводить его текст на современный русский язык, не говоря уж об иностранных, как считал Иван Бунин, кощунственно, то гораздо разумнее не состязаться с автором «Слова» на его территории, а создавать оригинальные произведения на основе его знаковых образов. Так поступали многие взыскательные мастера: тот же Бунин в стихотворениях «Ковыль», 1895, и «Князь Всеслав», 1916, Александр Блок в стихотворениях «Зачатый в ночь, я в ночь рожден...», 1907, «Новая Америка», 1913) и отчасти в цикле «На поле Куликовом», 1908, Максимилиан Волошин в сонете «Гроза», 1907, или — уже ближе к нашему времени — Виктор Соснора, создавший одноименную стилизацию «Слово о полку Игореве» с подзаголовком (по мотивам), 1959.

Приобретений на этом пути оказывалось больше, чем потерь. Сравнительный анализ произведений Владимира Пальчикова и Виктора Сосноры дал бы более аргументированные суждения об их художественных достоинствах и соответствии первоисточнику, но это было бы уже другое, самостоятельное исследование.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Например, замечательный сонет Максимилиана Волошина «Гроза», 1907. См.: [1. С. 122].
- (2) Терас (лат.) — устрашение; здесь: чудовище; ср. террор.
- (3) Генисарет — озеро в Палестине.
- (4) Солим — Иерусалим.
- (5) Ям (Яма) (др.-инд. миф.) — бог подземного царства (смерти).
- (6) Иешуа — Иисус Христос
- (7) Геб — Геб (др.-ег. миф.) — бог земли.
- (8) «Дар» — роман В.Набокова.
- (9) Радуница — родительская суббота, правосл. праздник поминовения.
- (10) Мирза (тат.-монг.) — крупный феодал, глава рода или орды.
- (11) Змий, которого на иконах поражает Георгий Победоносец.
- (12) Медиевисты выделяют в «Слове о полку Игореве» несколько цитат из Бояна: «Ни хытру, ни горазду...», «Тяжко ти головы...», «Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше...», «Тогда при Олзѣ Гориславичи...», «Уже бо, братие, невеселая година въстала...», «На Немизѣ снопы стелють головами...», «Не буря соколы занесе чресь поля широкая...» [3. С. 149]. По мнению же писателя Л.А. Никитина, практически вся поэма или же большая ее часть представляет собой переработку не дошедшего до нас сочинения Бояна [4; 5].
- (13) Медиевисты выделяют в «Слове о полку Игореве» несколько цитат из Бояна: «Ни хытру, ни горазду...», «Тяжко ти головы...», «Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше...», «Тогда при Олзѣ Гориславичи...», «Уже бо, братие, невеселая година въстала...», «На Немизѣ снопы стелють головами...», «Не буря соколы занесе чресь поля широкая...» [3. С. 149]. По мнению же писателя Л.А. Никитина, практически вся поэма или же большая ее часть представляет собой переработку не дошедшего до нас сочинения Бояна [4; 5].

© Федотов О.И., Шелемова А.О., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Волошин Максимилиан*. Стихотворения и поэмы. СПб., 1995. 702 с.
- [2] *Гудзий Н.К.* О составе «золотого слова» Святослава в «Слове о полку Игореве» // *Вестник МГУ*. 1947. С. 19—32.
- [3] *Дмитриев Л.А.* Боян // *Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. Т. 1.* СПб., 1995. С. 147—153.
- [4] *Никитин А.Л.* Испытание «Словом» // *Новый мир*. 1984. № 5. С. 182—206.
- [5] *Никитин А.Л.* Наследие Бояна в «Слове о полку Игореве»: Сон Святослава // *Слово*. Сб., 1978. С. 112—133.
- [6] *Пальчиков Владимир*. Чело веков — человек. Избранные сонеты 1960—2010. М., 2011. 303 с.
- [7] *Робинсон А.Н.* Солнечная символика в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Памятники литературы и искусства XI—XVII вв. М., 1978. С. 7—587.
- [8] *Сумаруков Г.* Читая «Слово о полку Игореве». М., 2000.
- [9] *Федотов О.* Сонет. М., 2011. 610 с.
- [10] *Федотов О.И., Шелемова А.О.* «Слово о полку Игореве» и сонет Максимилиана Волошина «Гроза»: диалог в интертексте // *Шостыя республіканскія Колеснікаускія чытанні: матэрыялы рэсп. навук. канф., прысвеч. 85-годдзю з дня нарадж. У.А. Калесніка*. Брэст, 26 кастр. 2007 г. Брэст, 2008. С. 210—216.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 октября 2016.

Дата принятия к печати: 20 ноября 2016.

Для цитирования:

Федотов О.И., Шелемова А.О. (2017). Боян и «Поэт полка Игорева» в одноименном цикле сонетов Владимира Пальчикова // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2017. Т. 22. № 1. С. 66—75.

Сведения об авторах:

Федотов Олег Иванович, доктор филологических наук, профессор кафедры филологического образования Московского института открытого образования, член Союза писателей СССР, председатель Международного научно-творческого семинара «Школа Сонета». *Контактная информация*: e-mail: o_fedotov@list.ru

Шелемова Антонина Олеговна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы РУДН, профессор. *Контактная информация*: e-mail: a.shelemova@rambler.ru

BOYAN AND «THE POET OF THE REGIMENT OF IGOR» IN THE SAME CYCLE OF SONNETS BY VLADIMIR PALCHIKOV

O.I. Fedotov

Moscow institute of open education
Aviatsionny Lane, 6, Moscow, Russia, 125167

A.O. Shelemova

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 6, Russia, 117198

In article the cycle of sonnets of Vladimir Palchikov “The poet of the Igor’s regiment” is analyzed. Images legendary Boyana in his correlation with the anonymous author of the great poem, the prince Igor, his brother Vsevolod, Izyaslav Vasilkovich, Yaroslavna and the grand Kiev duke Svyatoslav are considered.

The genius author of the poem “The word about of the Igor’s regiment” from the time of its discovery had a multiple resound in Russian poetry. Its interpreters invented so many various forms. One of the most unexpected were sonnets and its variations (cycles of sonnets, and others). Though it’s a truth that “The word about Igor’s regiment” and sonnets appeared almost simultaneously at the end of XIIth century.

The article sonnet cycle of V. Palchikov is being analyzed. The images of legendary Boyan are being revised, as well as Knight Igor, his brother Vsevolod, Izyaslavl’ Vasilkovich and Yaroslavna, Kiev Great Knight Svyatoslav. Especial attention is payed to the confessional position of the legendary author.

Key words: Vladimir Palchikov, cycle of sonnets, “Poet of the Igor’s regiment”

REFERENCES

- [1] Voloshin Maximilian. *Stichotvoreniya i poemy*. Sankt-Peterburg, 1995 [Voloshin Maksimilian. *Poems.*] SPb., 1995. 702 p.
- [2] Dmitriyev L.A. Bojan [Dmitriev L.A. Bojan]. Encyklopedija “Slova j polku Igoreva”: v 5 t. T. 1. SPb., 1995. S. 147–153 [*Encyclopedia of “Tale of Igor’s Campaign”*: In 5 t. T. 1. SPb., 1995. Page 147–153].
- [3] Gudzij N.K. O sostave «zolotogo slova» Sv’atoslava v «Slove o polku Igoreve» [Gudzij N.K. About structure of “the gold word” of Svyatoslav in “Tale of Igor’s Campaign”]. *Vestnik MGU*. M., 1947. S. 19–32. [The Bulletin of MSU. M., 1947. P. 19–32].
- [4] Nikitin A.L. Ispytaniye “Slovom” [Test by “Word”]. “*Novyj mir*. 1984. № 5. S. 182–206 [“*New world*. 1984. No. 5. Page 182–206].
- [5] Nikitin A.L. Naslediye Bojana v “Slove j polku Igoreve”: son Svjatoslava [Nikitin A.L. Heritage of Bojan in “Tale of Igor’s Campaign”: Svyatoslav’s dream.] *Slovo: Sbornik*, 1978. S. 112–133 [*Word. Sat.*, 1978. Page 112–133].
- [6] Palchikov Vladimir. Chelo vekov chelovekov. Izbrannyje sonety 1960–2010. M., 2011. 303 s. [Palchikov Vladimir. A forehead of centuries — chelovek. Chosen sonnets of 1960–2010. M., 2011]. 303 p.
- [7] Robinson A.N. Solnechnaja simbolika v “Slove o polku Igoreve” [Robinson A.N. Solar symbolics in “Tale of Igor’s Campaign”]. “*Slovo o polku Igoreve*”: *Pam’atniki literatury i iskusstva XI–XVII vekov*. M., 1978 [“*Tale of Igor’s Campaign*”: *Monuments of literature and art of the XI–XVII centuries*. M., 1978]. P. 7–587.
- [8] Sumarukov Georgij. Chitaja «Slovo o polku Igoreve». M., 2000. 12 c. [Sumarukov Georgij. Reading “*Tale of Igor’s Campaign*”. M., 2000. 12 p.]
- [9] Fedotov Oleg. Sonet. M., 2011. 610 s. [Fedotov Oleg. Sonnet. M., 2011. 610 p.]
- [10] Fedotov O. I., Shelemova A.O. “Slovo o polku Igoreve” i sonet Maksimiliana Voloshina “Groza”: dialog v intertekste. [Fedotov O.I., Shelemova A.O. “Tale of Igor’s Campaign” and Maksimilian Voloshin’s sonnet “Thunder-storm”: dialogue in an intertekst]. *Shestyje respublikanskiya Kolesnikauskiya chytanni: materiyaly resp. navuk. kanf., prysvech. 85-godzyu z dnja naradzha. U.A. Kalesnika. Brest, 26 kastr. 2007 Brest 2008*. Page 210–216. 702 p.

Article history:

Received: 10 October 2016.

Revised: 21 October 2016.

Accepted: 20 November 2016.

For citation:

Fedotov O.I. Shelemova A.O. (2017). Boyan and the “The poet of the regiment of Igor” by Vladimir Palchikov. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2017, 22 (1), 66–75.

Bio Note:

Fedotov Oleg Ivanovich, Doctor of Philology, Professor of Moscow Open Education Institute.

Contacts: e-mail: o_fedotov@list.ru

Shelemova Antonina Olegovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Russian and Foreign literature, Philological faculty, PFUR.

Contacts: e-mail: a.shelemova@rambler.ru



УДК 821.161.1

821.21

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-1-76-83

ДИХОТОМИЯ «ГОРОД И ДЕРЕВНЯ» В РАССКАЗАХ В.М. ШУКШИНА И ПХАНИШВАРНАТХА РЕНУ

С.К. Тхакур

Центр русских исследований
Университет им. Джавахарлала Неру
Дели, Индия, 110067

В данной статье проводится сравнительный анализ дихотомии «город и деревня» в рассказах известного русского писателя В.М. Шукшина и индийского писателя Пханишварнатха Рену. Учитывая типологические сходства между Россией и Индией во второй половине XX века, автор рассматривает аналогичные и своеобразные черты в изображении проблемы города и деревни в рассказах Шукшина и Рену.

Ключевые слова: дихотомия, город, деревня, типологические сходства

Любое всестороннее, хронологическое и аналитическое исследование художественной литературы одной страны немислимо без изучения развития мировой литературы в тот же период. Сравнительное изучение аналогичных процессов, происходящих в разных национальных литературах, «позволяет глубже подойти к познанию сложного единства мирового исторического процесса, к осмыслению некоторых закономерностей общественного и художественного развития» [5. С. 120]. В связи с этим советский компаративист И.Г. Неупокоева замечает, что такое сравнительное изучение «дает возможность более широкой постановки ряда важнейших вопросов истории и теории литературы, рассмотрение которых на материале отдельных национальных или региональных литератур не может привести к плодотворным результатам» [5. С. 120]. Сравнительное изучение рассказов двух известных деревенских писателей В.М. Шукшина и Пханишварнатха Рену дает возможность проследить дихотомию «город и деревня» в литературах русской и хинди.

Основной целью данной научной статьи является сравнительное изучение дихотомии «город и деревня» в рассказах Василия Шукшина и Пханишварнатха Рену и рассмотрение данной темы во взаимообусловленности социально-культурным контекстом. Интересно отметить, что между шукшинской Россией и Индией Рену в 40–60-е годы XX века было много общего. Общественно-политические положение России и Индии носило сходные черты. Перед Россией после Второй мировой войны в 1945 г. и Индией после обретения своей независимости от Британского колониализма в 1947 г. встали проблемы, связанные с социальным переустройством общества.

В 1950—1960-е годы обе страны уделяли большое внимание городу, развитию промышленности и научно-техническому прогрессу. В результате деревня стала отсталой и город продвинулся намного вперед в технологическом отношении. Деревни, деревенские люди и крестьяне были обделены вниманием общества. Индустриализация стала причиной массового выезда или миграции из деревни в город. Деревни стали пустеть, и молодые деревенские люди стремились в город. С ростом урбанизации во второй половине XX века появились такие мировые проблемы, как миграция крестьян в города, социальные конфликты городских и деревенских жителей, которые нашли свое отражение в рассказах В.М. Шукшина и Пханишварнатха Рену. Вот почему творчество этих двух писателей отражает во многом сходную тематику и проблематику, несмотря на то, что между этими двумя писателями не было прямого контакта.

Дихотомия «город и деревня» в рассказах В.М. Шукшина

Рассмотрим такие рассказы писателя, в которых проявляется социальный конфликт между городом и деревней. Мы выбираем два рассказа в качестве примера, а именно «Жена мужа в Париж провожала» и «Выбираю деревню на жительство».

Раскол между культурами городских и сельских жителей очень удачно передается Шукшиным в рассказе «Жена мужа в Париж провожала». Герой рассказа Колька «обаятельный парень, сероглазый, чуть скуластый, с льянным чубариком-чубчиком. Хоть невысок ростом, но какой-то очень надежный, крепкий сибирячок» [8. С. 200]. Однако вот этот «крепкий сибирячок» кончает жизнь самоубийством. Неудачная семейная жизнь заставила его пойти на этот крайний шаг.

Конфликт не новый. Разве не бывает несчастных браков? Но когда мы стараемся выяснить причину этого семейного разлада, то узнаем, что в данном случае она не совсем обыкновенная. Трагедия заключается в разнице между городской и деревенской культурами. Колька живет в Москве. Он живет в городе, так как его жена не хочет переехать в деревню. Он несчастен, потому что его постоянно охватывает тоска по деревне, по крестьянской работе. Колька мечтает о возвращении к прошлой жизни, к деревенскому быту. На городской выставке, например, «Колька любил смотреть сельхозмашины, подолгу простаивал перед тракторами, сеялками, косилками... Мысли от машин перескакивали на родную деревню, и начинала болеть душа» [8. С. 205]. Он мечтает: «Мне бы вот такой маленький трактор, маленький комбайник и десять гектаров земли...» [8. С. 205].

Если бы не маленькая дочь, он бы давно бросил Москву и переехал бы в деревню. Да и мать не разрешила бы ему вернуться в деревню одному. Она бы сказала: «Это большой грех — оставить дите родное...» [8. С. 205]. Она стала бы плакать и просить его вернуться. А в городе он не может жить.

Не исполнилась его мечта об окончании десятилетки в вечерней школе. Его жена, портниха, очень любит деньги, и Колька вынужден работать грузчиком в торговой сети. С грузчиками и торгашами он начал пить. Он понимает, что «то, как он живет, — это не жизнь, это что-то очень нелепое, постыдное, мерзкое.... Руки отвыкли от работы, душа высыхает — бесплодно тратится на мелкие, мстительные, едкие чувства.... Что же дальше? Дальше — плохо. И чтобы не вглядываться в это отвратительное «дальше», он начинал думать о своей деревне, о ма-

тери, о реке... Думал на работе, думал дома, думал днем, думал ночами. И ничего не мог придумать, только травил душу, и хотелось выпить...» [8. С. 205].

Назло жене он по субботам во дворе устраивает концерты: выносит трехрядку с малиновым мехом, поет, танцует и т.д. Он делает все нарочно, чтобы разозлить жену; Валюша, его жена, ненавидит мужа за эти концерты.

Решение конфликта Кольки напоминает нам об одной истории, которую М. Горький рассказывал в своей статье о С. Есенине, написанной в 1927 г. В этой статье М. Горький сравнивает судьбу Есенина с судьбой одного польского мальчика, крестьянина, который «каким-то случаем, попал в Краков и запутался в нем. Он долго кружился по улицам города и все не мог выбраться на простор поля, привычный ему. А когда наконец почувствовал, что город не хочет выпустить его, встал на колени, помолился и прыгнул с моста в Вислу, надеясь, что уж река вынесет его на желанный простор» [2. С. 302].

Гибель Кольки — результат конфликта между городской и деревенской культурами. В данном рассказе этот конфликт между двумя культурами очень острый, носит оттенок драматизма и кончается трагически.

Хронотоп рассказов Шукшина отражает одну из важнейших проблем советской истории и литературы: проблему противоречия между городом и деревней. Проза Шукшина изображает время значительных демографических изменений после Второй мировой войны, когда многие сельские жители начали мигрировать из деревни в растущие города. В хронотопе, как отмечает М.М. Бахтин, «пространство интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории» [1. С. 235]. Для Шукшина и его героев расстояние от города до деревни является пространством, которое углубляет классовое различие, разницу в культуре, языке, мировоззрении и уровне жизни города и деревни [11. С. 45].

«Выбираю деревню на жительство» еще один рассказ, где деревня противопоставлена городу. В этом рассказе Шукшин откровенно выражает неодобрение городского уклада жизни. Главный герой рассказа Николай Григорьевич скоро понял, что в городе можно жить припеваючи, не надрываясь, можно найти тепленькое местечко и жить тихо, мирно. Представляя своего героя, приехавшего в город из деревни в начале 1930-х гг., Шукшин пишет: «Он сперва тосковал в городе, потом присмотрелся и понял: если немного смекалки, хитрости и если особенно не залупаться, то и не обязательно эти котлованы рыть, можно прожить легче» [8. С. 330].

Он работал кладовщиком всю жизнь, и даже в суровые годы войны он не чувствовал нужды, таскал всего потихоньку да понемногу, чтобы ни в чем не чувствовать недостатка. Как пишет автор, он воровал со складов «столько, сколько требовалось, чтобы не испытывать ни в чем недостатка» [8. С. 330]. Совесть Николая Григорьевича не тревожила. В воровстве его не обвинишь, но и человеком, нужным обществу, он не стал. Жил всю жизнь для себя, в стороне от всего. Не стал он человеком в городе, но и деревенским его уже не назовешь, оказался он везде лишним.

Однако у этого героя на склоне лет появилась одна странность, «которую он сам себе не сумел бы объяснить, наверно, если б даже захотел. Но он и не хотел объяснять и особенно не вдумывался, а подчинялся этой прихоти» [8. С. 331], и

эта странность у него проявляется в том, что в течение последних пяти-шести лет каждую субботу после работы он ездит на вокзал, вступает в разговоры с ожидающими сельскими людьми и дотошно расспрашивает их о деревне.

Он уверяет, что хочет на старости лет пожить спокойно, вдали от городского шума. Каждый деревенский житель старается расхвалить свою деревню, старается доказать, что у него в деревне прекраснее, лучше, чем у других, что люди там честнее и лучше. Они с радостью рассказывают Николаю разные истории, где раскрывается удивительное человеческое бескорыстие.

Сравнивая городской образ жизни с деревенским, все деревенские жители единодушно выражают неодобрение того, что в городе много хамят, злятся, оскорбляют. Николай Григорьевич соглашается со всеми и кричит: «Ведь почему и уехать-то хочу!.. Вот потому и хочу-то — терпенья больше нет никакого... Душу всю выворачивает такая жизнь!» [8. С. 337].

Как пишет Шукшин, герою был ясно, что жизнь в городе «... это не жизнь, пропади она пропадом такая жизнь, и двухкомнатная секция, лучше купить избу в деревне и дожить спокойно свои дни, дожить их достойно, по-человечески» [8. С. 337]. Его поведение на вокзале кажется странным. Николай Григорьевич и сам не мог бы себе объяснить, зачем ему это нужно, ведь он не собирается покидать благоустроенную городскую квартиру, городское удобство и ехать в деревню. Ничего подобного он в голове не держал, но не ходить на вокзал он уже не мог теперь — это стало потребностью.

Хотя ни автор, ни герой не объясняют причину этой прихоти, но очевидно, что герой тоскует по прошлому, по деревне, по тем человеческим ценностям, которые он утратил за время своего пребывания в городе. Его деревенские собеседники на вокзале понимают его и соглашаются, что «сколько по городам ни околачивайся, а если ты деревенский, то рано или поздно в деревню снова потянет» [8. С. 332]. Конечно, отказаться от городской жизни Николай уже не может, так как он уже привык к ней, и поэтому деревню он никогда не вернется. Но в то же время ощущается, что деревня тянет его и оторваться от нее он не может. В связи с этим критик Н. Лейдерман замечает, что «герой Шукшина — на распутье. Он уже знает, как он не хочет жить, но он еще не знает, как надо жить» [4. С. 53]. Не только герой писателя, но и сам Шукшин также находился на распутье. «Так у меня вышло к сорока годам, что я — ни городской до конца, ни деревенский уже. Ужасно неудобное положение. Это даже — не между стульев, а скорее так: одна нога на берегу, другая в лодке. И не плыть нельзя, и плыть вроде как страшновато...» [7. С. 36].

Дихотомия «город и деревня» в рассказах Пханишварнатха Рену

Проблема столкновения города и деревни занимает особое место в рассказах индийского писателя Рену. Здесь мы проанализируем рассказы писателя, которые наиболее ярко отражают конфликт города и деревни. Для анализа мы выбираем такие рассказы, как «Выгхатан ке кшан» («Момент распада») и Уччатан («Под корень»).

Из-за быстрой урбанизации и промышленного развития индийские села в настоящее время борются за выживание. Село превращается в город или город при-

ближается к селу? Рену использует этот мотив в рассказах «Выгхатан ке кшан» («Момент распада») и «Уччатан» («Под корень»), в которых он мастерски изображает эту проблему. Как ясно из названия рассказа «Момент распада», автор в данном рассказе показывает распад деревни, происходящий из-за урбанизации и индустриализации.

В рассказе «Момент распада» повествуется о сельской девушке Видже, которой очень трудно порвать связь со своей родиной и уехать в город Патну. В рассказе изображается семья, живущая во дворце. Рамешвар Чаудхари является членом законодательного собрания в Патне, он единственный владелец дворца. Он живет со своей семьей в городе, и ему некогда бывать в деревне. Старший брат давно умер. Недавно умерла и сноха. Дочке уже 17 лет, и он мечтает выдать ее замуж за достойного человека.

Рамешвар, поддавшись общему желанию, зовет Виджю в город, где и выдает ее замуж за горожанина. Теперь Виджя ощущает себя птицей в «золотой клетке», но просит хотя бы раз отпустить ее в деревню повидаться с подругой Чурмунией. Образы Виджи, ее мужа и подруги Чурмунии иллюстрируют в рассказе сложные отношения между городом и деревней.

В начале рассказа Виджя приезжает в деревню спустя семь-восемь лет после отъезда. Она сильно разочарована. Деревня опустошается и распадается, молодые люди стремятся уехать в город. Никто, кроме ее маленькой подруги Чурмунии, не испытывает такую сердечную боль. Виджя думает, что хотя она не была здесь и приехала в деревню после долгих лет, но все-таки она очень любит свою деревню, гордится своим деревенским происхождением и не хочет уезжать в город. Ей страшно даже подумать о предстоящем переезде. У нее только одно желание — провести жизнь на родине, в деревне, в родительском доме.

Маленькая Чурмуния понимает Виджю и советует ей не выходить замуж за городского. Услышав ее просьбу, Виджя смеется и хочет знать причину. Чурмуния отвечает, что горожанин не понимает деревенского жителя и никогда не позволит ей поехать в деревню: «В случае, когда деревенский мужик покидает свою родину и уезжает в город, разве позволит он своей жене поехать в деревню?» [10. С. 456].

Тем временем дядя выдал замуж Виджю за горожанина. Однако семейные отношения не наладились. Причина семейного разлада заключается в разнице между городской и деревенской культурами. Разлука с деревней, с подругой стала причиной тоски по прошлой деревенской жизни. Она заболела и просила только об одном — поехать в деревню, чтобы перед смертью повидаться с подругой. Но муж Виджи не позволяет ей поехать в деревню. Будучи городским человеком, он не понимает свою жену. Он подозревает, что у его жены есть любовник. Рассказ заканчивается трагично — Виджя сходит с ума.

Один из наиболее популярных рассказов писателя «Уччатан» («Под корень») также изображает проблему города и деревни. В этом рассказе Рену прекрасно и реалистически изображает бедность индийского крестьянина, особенно его беспомощное и безвыходное положение перед землевладельцем. Герой рассказа Рамвилас в городе водит велорикшу. Он приехал в город, чтобы расплатиться с хозяином-землевладельцем. Работу в деревне получить трудно, если она и появляется, то зарплата мизерная, к тому же угнетают жадные ростовщики.

Вернулся он в деревню через два года, заработав кое-какие деньги. Он выпла- тил весь долг землевладельцу. В деревне к разбогатевшему односельчанину стали относиться иначе. Всем деревенским мужикам было любопытно, как он в течение всего двух лет сумел заработать такую большую сумму денег, которую крестьянин с трудом зарабатывает за десять лет. Все слушают его городские фантазии и рас- сказы. Многие молодые люди, услышав его рассказы, решили отправиться по его стопам. Один из них просит Рамвиласа: «Брат Рамвилас, на этот раз я тоже поеду с вами... Я тоже! Я тоже!! Я тоже!!! В деревне целый год мы пашем землю всего за сто восемь рупий, а в городе только за месяц можно заработать двести?» [10. С. 394].

Однако по мере приближения времени отъезда в город он ощущает, что он не может жить без своей любимой жены и матери. Он осознает, что покинуть дерев- ню не может. Несмотря на то, что в деревне трудно зарабатывать деньги, он по- нимает, что среди своих родных и сельских друзей он более счастлив. Кроме того, в городе деньги достаются с огромным трудом, приходится ради них растрчивать силу, энергию, жертвовать здоровьем. В финале герой оставляет мысль переехать в город, он выбирает деревню на жительство. Он размышляет: «Что есть в городе? Столько крови надо пролить чтобы зарабатывать деньги. Лучше у нас в деревне» [10. С. 397]. Индийский писатель Рену рассматривает город не только как символ капитализма и индустриализации, но и очаг пустой и искусственной жизни [6. С. 72].

Интересно отметить, что если в некоторых рассказах Шукшина сельские мо- лодые стремятся в город, то герой Рену выступает совсем по-другому. Он не хочет покидать свою родину, деревню и поехать город ради роскошной жизни. Земли у него нет, деньги тоже зарабатывать ему трудно, но все-таки он твердо решил не уезжать в город. Душевный покой дороже материального благополучия. Герои рассказов Рену хотят жить насыщенной духовной жизнью в деревне, а в городе они задыхаются и ощущают себя опустошенными.

Рассказы Шукшина и Рену — летописи жизни советской и индийской дерев- ни второй половины XX века. Неслучайно Шукшин назвал первый свой сборник рассказов «Деревенские жители». Это название оправдывается тем глубоким ин- тересом, который Шукшин проявляет к духовному миру деревенского жителя. Во многих рассказах Шукшина и Рену отражается глубокая любовь к деревне, тоска по ней. Эта тоска, несомненно, выражает и личные переживания Шукши- на и Рену. Именно поэтому и рассказы обоих писателей характеризуются большой художественной и жизненной силой и правдивостью. Проблема столкновения города и деревни постоянно волновала обоих писателей, к ней они снова и сно- ва возвращались в своих рассказах.

© Тхакур С.К., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975.

- [2] Горький М. Собрание сочинений. Том XVIII. М.: Художественная литература, 1963.
- [3] Емельянов Л.И. Василий Шукшин: Очерк творчества. Ленинград: Художественная литература, 1983.
- [4] Лейдерман Н.Л. Движение времени и законы жанра. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1982.
- [5] Неупокоева И.Г. Проблема литературных связей и взаимодействия // Вопросы литературы. 1959. № 9. С. 113—128.
- [6] Шефалика. Рену ка катха сансар «Художественный мир Рену». Нью Дели: Радхакришна, 1996. (На языке хинди)
- [7] Шукшин В.М. Вопросы самому себе / сост. Л. Н. Федосеева-Шукшина. М.: Молодая Гвардия, 1981.
- [8] Шукшин В.М. Рассказы. Повести / сост. В. Егорова. Рига: Лиесма, 1983.
- [9] Чернышев В.А. Пханишварнатх Рену: Бытописатель индийской деревни. М.: Наука, 1990.
- [10] Явар Б. Рену Рачнавали-1 Собрание сочинений Рену. Т. I. НьюДели: Раджкамал, 1995. (На языке хинди)
- [11] Givens J. Prodigal son: Vasilii Shukshin in Soviet Russian Culture. USA: Northwestern University Press, 2000.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18 октября 2016.

Дата принятия к печати: 20 ноября 2016.

Для цитирования:

Тхакур С.К. (2017). «Дихотомия город и деревня» в рассказах В.М. Шукшина и Пханишварнатха Рену // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2017. Т. 22. № 1. С. 76—83.

Сведения об авторе:

Тхакур Субхаш Кумар, аспирант Центра русских исследований Университета им. Джавахарлала Неру (Дели, Индия)

Контактная информация: e-mail: subhash91jnu@gmail.com

THE DICHOTOMY OF “CITY AND VILLAGE” IN STORIES OF V.M SHUKSHIN AND PHANISHWARNATH RENU

S.K. Thakur

Centre of Russian Studies
Jawaharlal Nehru University
Delhi, India, 110067

The article presents a comparative analysis of the dichotomy of “City and Village” in stories of the famous Russian writer V. M. Shukshin and Indian writer Phanishwarnath Renu. Considering typological similarities between India and Russia in the second half of the XX century, the present paper examines similar and distinctive features in depiction of the problem of city and village in two stories each of Shukshin and Renu.

Key words: dichotomy, city, village, typological similarities

REFERENCES

- [1] Bakhtin M.M. *Formy vremeni i khronotopa v romane [Forms of time and of the chronotope in the novel]*. *Voprosy literatury i estetiki [Questions of literature and aesthetics]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1975.
- [2] Gorky M. *Sobranie sochinenii, Tom XVIII [Collected works, Vol. XVIII]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1963.
- [3] Yemel'yanov L.I. *Vasily Shukshin: Ocherk tvorchestva [Vasily Shukshin: Essay on oeuvre]* Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1983.
- [4] Leyderman N.L. *Dvizheniye vremeni i zakony zhanra [The movement of time and the laws of genre]*. Sverdlovsk: Ural Book Publ., 1982.
- [5] Neupokoyeva I.G. *Problema literaturnykh svyazey i vzaimodeystviya [The problem of literary communication and interaction]*. *Voprosy literatury [Questions of literature]*. 1959. № 9. Pp. 113–128.
- [6] Shefalika. *Renu ka katkha sansar [The artistic world of Renu]*. New Delhi. Radkhakrishna Publ., 1996. (In Hindi)
- [7] Shukshin V.M. *Voprosy samomu sebe [Questions to oneself]*. Ed. L. N. Fedoseyeva-Shukshina. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1981.
- [8] Shukshin V.M. *Rasskazy. Povesti [Stories. Novellas]*. Ed. V. Yegorova. Riyega: Liyesma, 1983.
- [9] Chernyshev V.A. *Phanishwarnath Renu: Bytopisatel' indiyskoy derevni [Phanishwarnath Renu: Chronicler of Indian village]*. Moscow: Nauka, 1990.
- [10] Yayavar B. *Renu Rachnavali-1 [Collected works. Vol. 1]*. New Delhi: Rajkamal Publ., 1995. (In Hindi)
- [11] Givens J. *Prodigal son: Vasilii Shukshin in Soviet Russian Culture*. USA: Northwestern University Press, 2000.

Article history:

Received: 18 October 2016.

Revised: 5 November 2016.

Accepted: 20 November 2016.

For citation:

Thakur S.K. (2017). The dichotomy of “City and Village” in stories of V.M. Shukshin and Phanishwarnath Renu. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2017, 22 (1), 76–83.

Bio Note:

Thakur Subhash Kumar, Phd student of The Center of Russian studies of the Jawaharlal Nehru University, India.

Contacts: e-mail: subhash91jnu@gmail.com



УДК 821

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-1-84-91

«МЫ УМИРАЕМ ЗДЕСЬ»: СОВЕТСКАЯ РОССИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ АЙН РЭНД

М.О. Сергеева, Р.А. Савастенко

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2, Москва, Россия, 117198

В статье рассмотрены первые произведения известной американской писательницы А. Рэнд: киносценарий «Красная пешка» и роман «Мы живые», которые заложили основу философской концепции автора, сформированной на особенности ее восприятия коммунистической идеологии. Анализируются особенности описания СССР как тоталитарной системы, рассматриваются художественные примеры влияния диктатуры на свободных творческих людей. Рассматриваются элементы автобиографичности данных произведений и их влияние на дальнейшее творчество автора, а также изучается отношение А. Рэнд к Советской России. Анализ ранних произведений А. Рэнд позволяет рассмотреть события одного из самых противоречивых периодов отечественной истории через призму литературного творчества одной из первых волн советской эмиграции.

Ключевые слова: Айн Рэнд, тоталитаризм, диктатура, Советский Союз, образ-символ, русская эмигрантская проза

Введение

Айн Рэнд (настоящее имя Алиса Зиновьевна Розенбаум) — известная американская писательница и философ. Она родилась в Санкт-Петербурге в 1905 году, в 1926 году эмигрировала в Америку, где спустя несколько лет снискала огромную популярность. В 1991 году библиотека конгресса США провела опрос среди читателей с целью выяснить, какие книги оказали наибольшее влияние на американцев. На втором месте оказалась книга А. Рэнд «Атлант расправил плечи». На первом — Библия [8. С. 243]. Исследованием творчества А. Рэнд занимается Ayn Rand Institute, Ирва., Калифорния, на родине она до последнего времени оставалась неизвестной. На данный момент научных работ, посвященных ее философским и литературным произведениям, на русском языке почти нет.

Изучение проблемы

Практически во всех своих произведениях А. Рэнд поднимает проблему свободного человека, противостоящего диктатуре. Наиболее ярко эта идея реализована в ее первых литературных трудах: киносценарии «Красная пешка» и романе «Красная пешка». Главная тема этих произведений — попытка героев противостоять тоталитарному режиму в Советской России. Как отмечал идейный после-

дователь А. Рэнд Л. Пейкофф, «однозначное отвержение мисс Рэнд диктатуры включает в себя целую философскую систему, в том числе взгляд на природу реальности и требования человеческого рассудка» [5. С. 206].

Первым литературным опытом А. Рэнд можно назвать киносценарий «Красная пешка» (1932). В основе произведения — идея зла, которое несут диктатура и тоталитаризм. По сути, это была первая попытка А. Рэнд привлечь внимание общественности к обстановке в Советском союзе. Сценарий купила киностудия Universal Studios за 1500 долларов, он так и не был экранизирован, позднее этот киносценарий был включен в сборник рассказов «Муж, которого я купила» [1. С. 29]. В «Красной пешке» А. Рэнд определяет сущность коммунизма — требование отказаться от собственной независимости и счастья, стремление разрушить индивидуальное человеческое счастье и превратить каждого в шестеренку, часть идеально работающего механизма. По сути, коммунизм представляется как система, противоречащая моральным ценностям человечества. Помимо этого, в «Красной пешке» поднимается тема сходства коммунизма и религии, основанных на идее подчинения человека «чему-то высшему» и отождествляющих «благотель с самоотверженным трудом» [5. С. 207].

Спустя два года, в 1934 году, свет увидел роман «Мы живые», описывавший мир российской интеллигенции после революции 1917 года. Это был первый роман, отрицающий идеи коллективизма. В этом произведении А. Рэнд наиболее полно показала разрушительное действие, которое оказывает тоталитарный режим на свободного человека. Как отмечала автор романа, ее основной задачей было «вывести Россию за рамки своей системы ценностей» [1. С. 82]. Существует легенда, что А. Рэнд, перед отъездом в США дала обещание рассказать миру о том, что «Россия — это огромное кладбище» [10. С. 62] и «мы умираем здесь» [1. С. 70]. Следует отметить, что изначально роман назывался «Спертый воздух: роман о красной России» [2. С. 149] и, как признавалась А. Рэнд, был наиболее близок к автобиографии [1. С. 75]. Однако позднее, непосредственно перед публикацией книги А. Рэнд изменила название на «Мы живые», дабы усилить основную идею «умирания» персонажей, подчеркнуть и усилить протест против давления на человека, которое не совместимо с жизнью [8. С. 246].

Несмотря на то, что перед публикацией название романа было изменено, красной нитью сквозь повествование проходит идея «спертого воздуха», затхлости, застоя: «в Петрограде воняло карболкой» [6. С. 9], «штукатурка осыпалась, оставляя черные пятна, отчего стены казались прокаженными» [6. С. 20], «вонь висела в воздухе, как предупреждение и зловещее напоминание» [6. С. 22], «плакаты размножились словно яркая городская плесень» [6. С. 23]. Петроград, в романе мертв: «старые здания взирали на площадь мертвыми глазами закрытых магазинов» [6. С. 22], «старые вывески были мраморными некрологами людям, исчезнувшим давным-давно» [6. С. 23], «тень растущего безымянного страха висела над городом» [6. С. 11]. Вместе с тем А. Рэнд называет его «городом, где так много возможно» [6. С. 51].

Сюжетная линия главной героини Киры Аргуновой во многом повторяет историю самой А. Рэнд. Действие романа начинается в 1922 году, когда семья Аргуновых возвращается из Крыма в Петроград. Отец главной героини, Александр

Дмитриевич Аргунов увез семью из Санкт-Петербурга после национализации текстильной фабрики и большей части его имущества. Также поступил и его прототип, еврейский фармацевт, владелец крупной аптеки Зиновий Розенбаум. В описании аристократичного и эгоистичного Лео Коваленского виден образ реального человека, в которого в юности была влюблена А. Рэнд, — Льва Беркмана [1. С. 39]. Роман «Мы живые» несет в себе очень много личного, однако А. Рэнд пытается быть объективной, отделить эмоции от исторической канвы повествования. С одной стороны, она яростно утверждает, что «диктатура — то есть страна, попирающая права собственных граждан — находится вне закона и не имеет права претендовать на какие-либо права» и называет СССР «наизлейшим агрессором» и «кровавейшим палачом за всю историю человечества» [11. С. 54]. С другой стороны, она описывает коммуниста Андрея Таганова как сильного, открытого, искреннего, благородного и красивого человека. Н. Г. Юзефович, анализируя роман «Мы живые», отмечает, что тоталитаризм «представлен не как национально-специфический, но универсальный феномен» [8. С. 243]. Позднее А. Рэнд заявляла, что цель романа — не критика советской власти как таковой, но демонстрация того, как тоталитарное государство подавляет личность: «Мы живые» — это не рассказ о Советской России в 1925 году. Это история о Диктатуре, о любой диктатуре, вне зависимости от того, где это происходит, в СССР, в нацистской Германии или где-то еще» [9. С. 32].

Еще одна ключевая идея романа, которая подчеркивает разрушительное влияние тоталитарного режима на общество, — противопоставление «живого», свободного и мыслящего человека, и «мертвого», серого партийного функционала. Для главной героини Киры Аргуновой жизнь — это «сокровище», которое «ценно само по себе», и в ней «скрыто нечто, что надо обязательно понять и оценить» [6. С. 357]. Вместе с тем в глазах партийных функционеров человек — «кирпичик, бесполезный сам по себе, пока он намертво не скреплен раствором с другими кирпичами, такими же, как и он сам» [6. С. 42], это «миллионы глупых, съезжившихся, безразличных душ, у которых нет собственных мыслей, собственных мечтаний, собственных желаний, которые едят, спят и беспомощно твердят слова, вбитые в их мозг другими» [6. С. 86]. Главной героине указывают, что «общество — это огромное целое», на что она обличительно отвечает: «Если ты напишешь целую вереницу нулей, они так нулями и останутся!» [6. С. 33]. Описывая быт советского человека, А. Рэнд подчеркивает: «все некачественные отечественные изделия назывались “советскими”: были “советские” спички, которые нельзя было зажечь, “советские” платки, которые рвались, как только их надевали, “советские” ботинки с картонными подметками» [6. С. 193].

Антитеза «живой-мертвый», которая пронизывает весь роман, во многом перекликается с представлением о России как о царстве смерти, которое мы можем встретить в «Котловане» Платонова, в «Мертвых Душах» Гоголя, в «Человеке в футляре» Чехова. Как отмечает культуролог и литературовед М. Эпштейн, герои, которые остались в живых, изо всех сил пытаются спасти себя и близких. Происходящее Эпштейн определяет как «танатализацию общества», которое проявляется в его «милитаризации, культе силы и оружия, умножении всяких запре-

тов, росте цензуры, в страхе перед всем живым, ярким, самостоятельным, в ненависти к свободе и стремлении все уравнивать и стабилизировать» [7].

На протяжении всего романа шаг за шагом А. Рэнд показывает, как тоталитарное государство ломает и уничтожает человека. Автор обличает лицемерие общества, его давление и губительное воздействие. Обращает внимание на то, что отсутствие свободы выбора ломает человека, а тоталитаризм разрушает экономику [8. С. 247]. В начале романа семья Аргуновых едет из Крыма в Петроград, чтобы «начать жизнь сначала» [6. С. 12]. Однако совсем скоро эта жизнь превращается в выживание, в настоящую войну всех против всех. «Это — война. Это — война, — твердит главная героиня в самые тяжелые минуты. — Война не опасна до тех пор, пока ты не сдашься... И чем труднее, тем счастливее ты должна быть оттого, что ты можешь все это выдержать» [6. С. 206]. Партийные собрания большевиков А. Рэнд сравнивает с армией, «которая с напряжением и вниманием ждет приказов от своих командиров» [6. С. 313]. Выживание превратилось в огромную проблему. Жизнь стала не неотъемлемым правом каждого человека, но привилегией, которой распоряжаются партийные функционеры. Бюрократия заняла лидирующие позиции в новом мире: «Новый советский паспорт был больше чем паспорт — это было разрешение на жизнь. Он назывался трудовой книжкой, так как труд и жизнь считались синонимами» [6. С. 36]. Лишившись партийного билета, возлюбленный Киры, аристократ, сын белого генерала, Лео Коваленский попал в замкнутый круг безработицы: в профсоюз принимали только работающих, а на работу можно было устроиться только членам профсоюзов. Люди, выпадавшие из партийного круга, превращались в отщепенцев, обреченных на смерть от голода и туберкулеза. Жизнь обесценивалась, человек рассматривался не как личность, а как существо, занимающее определенное место в партийной цепочке. Попав в такую ситуацию, каждый человек оказывается перед сложным выбором: что делать дальше? Идеальный последователь А. Рэнд Леонард Пейкофф вывел три варианта развития ситуации: бегство, смерть, приятие. В первом случае герой может попытаться покинуть страну, как Кира Аргунова. Для таких людей идея о побеге превращалась в «молчаливую такую рану, засевшую глубоко в каждом из них» [6. С. 173]. Во втором — покончить жизнь самоубийством, как Андрей Таганов, поскольку конфликт между внутренними коммунистическими идеалами и реальной человеческой пошлостью и подлостью, рожденной в тоталитарной системе, оказывается непреодолим. В третьем — приспособиться к системе, как Лео Коваленский [4. С. 230]. Впрочем, последний вариант может быть формой внутренней эмиграции, когда человек не может решиться на реальный побег, но притупляет рассудок алкоголем или наркотиками.

Жизнь в Советском Союзе, по мнению А. Рэнд, — это участь побежденных и угнетенных, безропотное существование толпы «бескровных лиц и засаленных тулупов» [6. С. 9]. Это тюрьма: «Вы живете здесь, в Советской России. Можете ненавидеть ее, можете задыхаться здесь, но не пытайтесь отсюда бежать» [6. С. 126]. А. Рэнд во многом предсказала «железный занавес», отгородивший страну от всего мира, почувствовала, что «занавес» опускался с обеих сторон: «красное знамя с триумфом поднялось под звуки “Интернационала” и позвякивание клю-

чей — это двери других стран закрылись перед Россией» [6. С. 12]. И за этими закрытыми дверями герои остаются наедине с «примусом» и «вошью». Эти два образа постоянно встречаются на страницах романа. В.А. Кухаренко, исследуя особенности интерпретации текстов, отмечал, что в таких ситуациях художественная деталь становится полноценным символом, отображающим явление. Повторение детали в тексте «узаконивает, упрочивает случайную связь, аналогичность ряда ситуаций закрепляет за деталью роль постоянного репрезентанта явления» [3. С. 46]. Эту связь можно проследить между явлением — революцией и деталью — примусом. Примус в романе — «первое благо революции», «первое знамение новой жизни, первый властелин свободной страны» [6. С. 133], который «правит людьми» [6. С. 381]. Примус и печка-буржуйка всегда сопровождаются описанием грязи, сажи, чада от сырых дров, что укрепляет ощущение, что революция — это «бытовуха», нечто неуклюжее, вредящее и раздражающее. Герои с горечью признают: «Мы построили затхлую кухню с одной старой печкой! Мы поставили на огонь чайник и стали готовить варево из крови, пепла и стали» [6. С. 381]. Второй образ, который неустанно сопровождает описание революции, — вошь. Прибывая на вокзал Петрограда, в свою новую, советскую жизнь, семья Аргуновых видит два плаката по сторонам от входа: «Один изображал громадного рабочего, чьи гигантские сапоги крушили игрушечные дворцы... Второй плакат знакомил с огромной белой вошью на черном фоне» [6. С. 12]. Бывший революционер, красноармеец, признает, что «победу над нами одержала вошь» и они «народили извивающихся ничтожеств» [6. С. 381].

А. Вильгоцкий в книге «Кто такая Айн Рэнд?» отмечает, что А. Рэнд всеми силами старалась сбежать из Советского Союза в США, а впоследствии, когда ей это удалось, сделала все возможное, чтобы не возвращаться на родину. Это желание она в полной мере выразила во всепоглощающем стремлении Киры Аргуновой уехать за границу, которое в конце концов погубило героиню. Однако в интервью одному журналу А. Рэнд подчеркивала, что роман «Мы живые» не является политическим протестом против конкретного государства, личностным отношением: «когда я приехала сюда из Советской России, политика интересовала меня только по одной причине — чтобы дожить до того дня, когда мне уже не нужно будет интересоваться политикой. Я хотела иметь такое общество, где я могла бы жить собственными заботами и добиваться целей, зная, что правительство не вмешается и не уничтожит эти цели, зная, что моя жизнь, моя работа, мое будущее не зависят от милостей государства или прихотей диктатора» [11. С. 55].

Заключение

А. Рэнд была первым писателем в США, обратившим внимание читательской аудитории на «красную угрозу». По сути, «Красная пешка» и «Мы живые» представляют собой попытку анализа событий, происходивших после революций 1917 года. Эти художественные произведения издавались сразу на английском языке, что принципиально отличает их от произведений эмигрантской прозы, вышедших изначально на русском языке и написанных для русскоговорящей аудитории. Стоит отметить, что роман «Мы живые» был негативно воспринят

публикой. Критики попросту отказывались верить в реальность описываемых событий. Яркий пример того, как восприняли книгу в Америке, — рецензия в газете «Cincinnati Times-Star»: «Эта история легко читается, но в нее с трудом верится. Она не является заслуживающим доверия свидетельством, касающимся российского эксперимента» [1. С. 82]. В XX веке именно в России в результате революции 1917 года возникла альтернатива капиталистическому миру, которая была так привлекательна и притягательна. Коммунистическая идея из утопии превращалась в реальность. С напряжением простые люди и интеллектуальные элиты следили за советской Россией и за исходом борьбы между двумя системами мироустройства, в то время как А. Рэнд с прозорливостью, свойственной истине талантливым художникам, видела дальше других и пыталась предостеречь США и весь мир от угроз, которые таила в себе коммунистическая диктатура.

Образ Советского Союза в романе «Мы живые», равно как и в рассказе «Красная пешка», — это обобщенный пример разрушительного влияния тоталитарной системы. Нельзя сказать, что А. Рэнд презирала СССР, но можно с полной уверенностью утверждать, что эти два произведения послужили основой для ее будущей философской системы, воспевающей свободного разумного человека. Как признавала сама А. Рэнд, ее первый роман должен был служить предупреждением США и всему миру, жестокой и страшной иллюстрацией, демонстрирующей, что диктатура и тоталитаризм рождают «царство ничтожеств», где высшая ценность — продуктовые карточки, а людьми правит не любовь, не наука, не закон, а лишь «примус». И финал для любой свободной и мыслящей личности в такой системе всегда трагичен.

© Сергеева М.О., Савастенко Р.А., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Вильгоцкий А.* Кто такая Айн Рэнд? М.: АСТ, 2015. 352 с.
- [2] *Григоровская А.В.* Первый американский роман о Советской России: «Живое» и «Мертвое» в романе А. Рэнд «Мы живые» // *Политическая лингвистика*. 2016. № 55. С. 144—150.
- [3] *Кухаренко В.А.* Интерпретация текста. Л.: Просвещение, 1978. 328 с.
- [4] *Пейкофф Л.* Объективизм: философия Айн Рэнд / пер. с англ. М.: Астрель: Полиграфиздат, 2012. 576 с.
- [5] *Рэнд А.* Муж, которого я купила. М.: Астрель, 2012. 319 с.
- [6] *Рэнд А.* Мы живые / пер. с англ. 6-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2016. 474 с.
- [7] *Эпштейн М.* Мертвая рука. Месть или победа? // *Сноб*. URL: [https://snob.ru/profile/27356/blog/115055#comment_841206] (дата обращения: 17.10.2016).
- [8] *Юзефович Н.Г.* Субстрат «идеология коллективизма» в произведениях А. Рэнд // *Политическая лингвистика*. № 4. М., 2012. С. 242—248.
- [9] *Heller A.C.* Ayn Rand and the world she made. New York: Doubleday, 2010. 567 p.
- [10] *Peikoff L.* Introduction to the 60th Anniversary Edition // *We the Living* / Ayn Rand. N.Y. A Signet Book, 1995. 503 p.
- [11] *Toffler A.* Playboy Interview: Ayn Rand // *Playboy Magazine*. March vol. 11, no. 3. 1964. 96 p.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 25 октября 2016.

Дата принятия к печати: 20 ноября 2016.

Для цитирования:

Сергеева М.О., Савастенко Р.А. (2017). «Мы умираем здесь»: Советская Россия в творчестве Айн Рэнд // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2017. Т. 22. № 1. С. 84—91.

Сведения об авторах:

Сергеева Мария Олеговна, аспирант кафедры массовых коммуникаций филологического факультета Российского университета дружбы народов.

Контактная информация: e-mail: matreshka_galery@inbox.ru

Савастенко Роман Андреевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций филологического факультета Российского университета дружбы народов, доцент.

Контактная информация: e-mail: savastenko_ra@rudn.university

«WE DIE HERE»: SOVIET RUSSIA IN CREATION OF AYN RAND

M.O. Sergeeva, R.A. Savastenko

Peoples' friendship university of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 119198

The first works by A. Rand, a famous American writer, are discussed in the article: a screenplay “Red Pawn” and a novel “We are living” which formed the author’s philosophic concept based on her peculiar vision of Communist Ideology. Some peculiar features of describing the USSR as a totalitarian system are being analyzed; some particular examples of the dictatorship influence on free artistic people are being discussed. Also, the autobiographic elements of these works and their influence on the author’s further creations as well as Ayn Rand’s attitude towards Soviet Russia are studied in the article. The analysis of Ayn Rand’s early works allows us to see the events of one of the most controversial period of Russian history through the prism of literary creativity of the first wave of Soviet emigration.

Key words: Ayn Rand, totalitarianism, dictatorship, The Soviet Union, image-symbol, Russian emigrant prose

REFERENCES

- [1] Vilgotsky A. Kto takaya Ayn Rand?.[Who is Ayn Rand?]. M.: AST, 2015. 352 p.
- [2] Grigogorovskaya A.V. Perviy amerikanskiy roman o Sovetskoy Rossii “Zhivoye” i “Mertvoye” v romane A. Rand “My zhiviyе” [The first American novel about Soviet Russia: “The living” and “The dead in Ayn Rand Novel “We the living”]. *Politicheskaya lingvistika [Political linguistics]*. 2016. № 55. P. 144—150.
- [3] Kuharenko V.A. Interpretatsiya teksta [The interpretation of the text]. L.: Prosvesheniye, 1978. 328 p.
- [4] Peikoff L. Introduction to the 60th Anniversary Edition. We the Living. Ayn Rand. N.Y. A Signet Book, 1995. 503 p.
- [5] Rand A. Muzh kotorogo ya kupila [My husband, whom I bought]. M.: Astrel’, 2012. 319 p.
- [6] Rand A. My zhiviyе [We the living]. M.: Alpinapublisher, 2016. 474 p.

- [7] Apshtain M. Mertvaya ruka. Mest' ili pobeda? [The dead hand. Revenge or victory?]. Snob. Available at: https://snob.ru/profile/27356/blog/115055#comment_841206 (accessed: 17.10.2016).
- [8] Usefovich N.G. Substrat ideologia kollektivizma v proizvedeniyah A. Rand [Substrate ideology of collectivism in the works of A. Rand]. *Politicheskaya lingvistika [Political linguistics]*. № 4. M., 2012. P. 242–248.
- [9] Heller A.C. Ayn Rand and the world she made. New York: Doubleday, 2010. 567 p.
- [10] Peikoff L. Obyektivizm: filosofiya Ayn Rand [Objectivism: the philosophy of Ayn Rand]. M.: Astrel': Poligrafizdat, 2012. 576 p.
- [11] Toffler A. Playboy Interview: Ayn Rand. Playboy Magazine. March vol. 11, no. 3. 1964. 96 p.

Article history:

Received: 25 октября 2016.

Revised: 10 ноября 2016.

Accepted: 20 ноября 2016.

For citation:

Sergeeva M.O., Savastenko R.A. (2017). “We die here”: Soviet Russia in creation of Ayn Rand. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2017, 22 (1), 84–91.

Bio Note:

Sergeeva Maria Olegovna, Phd student of the Department of mass communications, Faculty of philology, PFUR

Contacts: e-mail: matreshka_galery@inbox.ru

Savastenko Roman Andreevich, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of mass communications, Faculty of philology, PFUR

Contacts: e-mail: savastenko_ra@rudn.university



УДК 821

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-1-92-98

АКТУАЛИЗЦИЯ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ СЛОВА ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА

Р.И. Утепова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби
пр. аль-Фараби, 71, Алматы, Казахстан

В статье выявляется отличительная черта поэзии Олжаса Сулейменова — актуализация внутренней формы слова в поэтическом тексте. В научный оборот вводятся ранее неизвестные произведения автора, имеющие существенное значение для изучения специфики формирования и реализации творческого замысла Олжаса Сулейменова.

Ключевые слова: поэтика, этимологические истоки, билингвизм

Отличительная черта поэзии О. Сулейменова — ярко выраженная лингвистическая направленность, которую отмечали Л. Аннинский, Л. Мартынов, В.В. Владимиров, Е. Сидоров и др., и которая выражается в разнообразных приемах авторской этимологизации. Л. Аннинский называет это «филологической мистификацией» [1. С. 32], Е. Сидоров — «изошренной игрой в семантику и созвучия», «этимологическими упражнениями» [6. С. 15].

А вот что говорит по этому поводу сам О. Сулейменов: «Вспомним Пушкина, который сказал: объясните значение слов, и вы избавите мир от половины его заблуждений. Язык есть объективное хранилище знаний о наших встречах, о взаимодействии этносов на историческом пути. Особенно меня интересуют взаимоотношения тюрко-славянских культурных миров» [10. С. 8].

Главные причины авторской этимологизации в поэзии — активизация образных средств, стремление к преодолению автоматизма речи, поиск «незамутненного смысла». Однако в поэтическом языке О. Сулейменова не менее значительным фактором обращения к этимологизации, по-видимому, явилось его двуязычие. Повышенное внимание к слову как характерная черта двуязычных индивидов отмечалась еще Л.В. Щербой: «соприкосновение одного языка с другим на почве сравнений, — как одна и та же мысль в разных языках по-разному выражена, — естественным образом останавливает на средствах выражения и делает человека внимательным к тонким нюансам мысли и чувства. Это делает его, естественно, более восприимчивым к анализу и восприятию слова, произносимого и читаемого» [11. С. 60].

Этимологизация в поэзии Сулейменова не сводится только к художественно-эстетическому использованию подлинной этимологии, восстановлению утраченных связей между словами. Наделение безобразного слова внутренней формой

производится посредством поэтической, или ложной этимологии, паронимической аттракции.

Понятие «внутренняя форма слова», или «ближайшее этимологическое значение», введенное в свое время А.А. Потебней, было переосмыслено Г.О. Винокуром применительно к языку как произведению искусства: «Смысл литературно-художественного произведения представляет собой известное соотношение между прямым значением слов, которыми оно написано, и самим содержанием» [4. С. 55].

Актуализации внутренней формы слова в поэтическом тексте способствует авторская этимологизация, включающая подлинную этимологию, поэтическую, или мнимую, ложную этимологию, а также паронимическую аттракцию. «Существует как бы целая шкала этимологизаций: от прямой и непосредственной, до... связывания очень далеких и даже не очень похожих слов» [2. С. 15].

Термин «ложная этимология» представлен в Словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой как «новое осмысление заимствованного или исконного слова, основанное на ошибочном понимании этимологического состава» [3. С. 102].

Наиболее удачным применительно к художественному слову, видимо, можно считать термин «поэтическая этимология», введенный Г.О. Винокуром и зафиксированный в Поэтическом словаре А. Квятковского. По Квятковскому, поэтическая этимология — «это вид двойного или тройного параллелизма, когда поэт подбирает к первому члену сопоставления фонетически близкие слова, подчеркивая тем самым единство звуковой структуры стиха [6. С. 201].

В числе описываемых нами художественно-поэтических приемов существует и намеренная этимологизация, когда автор, не претендуя на подлинность этимологии, тем или иным способом эту этимологизацию подчеркивает, в отличие от паронимической аттракции, основанной именно на контекстуально-ассоциативных связях близкозвучных слов.

Таким образом, авторская этимологизация Сулейменова, выраженная в восстановлении подлинной этимологии, в поэтической этимологии, паронимической аттракции, предстает как один из способов отражения картины мира поэта. Интересной в связи с этим представляется точка зрения некоторых ученых на связь этимологизации с мировидением носителей языка. Как считает Т.В. Цивьян, противопоставление научной и народной этимологии как истинной и ложной относительно. Если с точки зрения интереса к языковой истории и теории, максимальной исторической и хронологической глубины ценной является именно научная этимология, то с точки зрения мировидения предпочтительной может стать народная этимология, которая стремится к прояснению внутренней формы «темных» слов и удовлетворяется ближайшими семантическими сопоставлениями. Пока носитель традиции может объяснить происхождение лексемы, он поддерживает функционирование своей модели мира. Недаром сейчас народная этимология все шире включается на равных правах в лингвистические исследования широкого плана, предполагающие не только описание семантики или истории языка, но реконструкцию языкового сознания, характера языка, что, в конце концов, выводит и в другие области знания, связанные с представлениями человека о мире.

Интерес к этимологическим истокам характерен для Сулейменова с самого начала его творческого пути. Это выразилось в некоторых стихотворениях в прозе, которые вошли в один из ранних сборников поэта «Солнечные ночи».

В несколько наивной форме автор пытается осмыслить свое имя Олжас: «Поздравляю тебя с тишиной, мой Рыжий»; делает попытку найти тот неуловимый корень, который объединяет племена и народы, проявляясь в разных словах:

Из Китая берет начало мутная река Или,
Она протекает Тянь-Шань и входит в Балхаш.
Илим — приток Ангары.
Из Германии в желтый Дунай несет воду Иллер.
Подпирает тяжелую Миссисипи — Иллинойс.
В Австрии — река Илль
По донецким степям — Иловля.
У Печоры — Ильмень, Илыч.
На Аляске — Ил.
Во Франции — две реки Иль. [8. С. 63].

Древнее забытое имя Земли.
Илиада — не от этого ли корня?
Ильхан — земельный хан.
Ил — осадок на дне рек и морей.
Лес — желтый продукт половодья.
Ли — китайская мера дорог.
Лье — французская мера дорог.
Миля — похоже?
По-казахски ель — земля.
А в самом слове — Земля разве не слышится корень —
иль?
Реки мутные от глины несут на поле из глубоких
веков
загадочный корень — Иль... [8. С. 15].

Молодого поэта волнует вопрос: нет ли древней связи между этими словами разных языков? И этот интерес к Корню станет определяющим в последующие годы, хотя и не выражаясь так явно.

Рассмотрим некоторые примеры, связанные с восстановлением утраченных языковых связей, т.е. с подлинной этимологией.

Благодаря актуализации внутренней формы в рамках поэтического произведения эти этимологические связи реставрируются неожиданным образом:

Все несвободнее свобода,
она сегодня нарасхват —
кинозвезда,
словечко, мода,
цветастый задник для эстрад,
жизнь превращается в живот [8. С. 73].

В этом отрывке из стихотворения «Рассуждения кенийского поэта: ямбом о верлибре» (1970), обличающем опoшление жизни, характерной является фраза:

«жизнь превращается в живот», противопоставлены этимологически близкие слова — отвлеченное существительное «жизнь» и конкретное «живот». В авторском употреблении лексемы «жизнь» совмещается, по-видимому, несколько значений: «существование; реальная действительность» и — самое главное — «деятельность человека», иначе не было бы самого противопоставления.

Современное значение слова «живот» — «часть тела; желудок» — является результатом тех изменений, которые произошли в этом слове, ранее заключавшем в себе несколько смыслов: «существование, органическая жизнь; земная жизнь; состояние человека от рождения до смерти; характер жизни; живое существо; отдельная часть тела (желудок)» [9. С. 44]. Синкретичное по семантике древнее слово потеряло со временем все значения, кроме последнего, конкретного — «часть тела, желудок». Слово «живот» включало и значения, связанные с формой духовной жизни, однако уже в XI веке для выражения этих значений стало употребляться заимствованное из болгарского языка новообразование *жизнь*, которое «начало катализирующий процесс совмещения с однозначными словами и стало литературным словом русского языка» [4. С. 222]. В результате в современном русском языке мы имеем абстрактное слово «жизнь» и конкретное, со сниженной семантикой «живот», этимологическая связь между которыми осознается не всеми носителями языка. Повторяя историю слова «живот» применительно к лексеме «жизнь», Сулейменов показывает процесс деградации человека, опошление его жизни, постепенное сведение деятельности в высшем понимании этого слова как жизни духовной к ничемному существованию, удовлетворению чисто физиологических потребностей.

«Жизнь превращается в живот» — емкий образ, вбирающий в себя смысл предыдущих строк.

Довольно интересным аспектом исследования поэтического языка Сулейменова в данном направлении является билингвизм. Образность, ассоциативная основа родного языка позволяют поэту находить возможности для этимологизирования и актуализации внутренней формы казахского слова. Тема родного города — Алма-Аты — одна из любимых в его творчестве:

1. Альп-Ата.
Твой ледник обжигаете бел,
Твои реки щекочут
Лавинные горы.
Не прощай, Альп-Ата,
Если кто-то пропел
Раньше нас твое имя,
Моя белогорлая. [8. С. 15].

2. «Колумбийцы! Шумим, ребята!
Запевайте свой гимн —
«Алма-матер!»
Ударение — не самое главное
Я кощунствую —
«Альма-Ата!» [8. С. 78].

3. В Алма-Тау
В жестоком молчании масиво тел
Кольхалось, как море [6. С. 85].

4. ...Все не так.
Все не так, Булбул.
Альма-Тау сожженный брошу.
В самый нищий уйду аул.
Два клочка запашу под просо... [8. С. 52].

Поэтическая этимология позволяет автору интерпретировать название города по-своему. Сулейменов изменяет начальную часть названия: Альп в переводе на казахский язык означает «исполин», Ата — «дед, отец». Любимый город, окруженный горами, сверкающие вершины пика Абая, быстрые горные реки — суть образного содержания переосмысленного названия.

Поэтическое Альма-Ата объясняется контекстуальным сближением с «альма-матер».

Изменение Алма-Ата в сулейменовское Альма-Тау связано с казахским вариантом названия города: «Алматы» (алмать). В отличие от народной этимологии, которая расшифровывает название Алма-Ата как «отец яблок», подлинная этимология связана с казахской огласовкой «Алматы» — «яблочный, яблоневоый», где *ты* — аффикс принадлежности. Сулейменов предлагает свою этимологическую версию, воспроизводя возможный первоначальный облик топонима — Альма-Тау, буквально «яблоневоая гора». В таком случае конечное — *ты* (*-тә*) может быть следствием фонетического стяжения слова, редукции конечного звука: *тау* — *тә*.

Но не исключено, что такое преобразование явилось результатом контаминации названия города и горного хребта: Алма-Ата — Алатау. Возможно, автором были использованы оба приема, позволяющие максимально оживить внутреннюю форму слова. Примечательно, что этот «древний» вариант названия города функционирует в контекстах, связанных с далеким историческим прошлым.

Однако указанные преобразования доступны восприятию не каждого русского читателя, так как отражают авторское осмысление казахских слов.

Трансформации слова могут быть понятны человеку, знакомому с реалиями — городом Алма-Ата и горным хребтом Алатау. Оказиональное образование Альп-Ата требует специального комментария. Как видим, образы не находят и контекстуальной поддержки, поэтому их семантический объем понятен только двукратному читателю.

© Утепова Р.И., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Аннинский Л. Пройдя сквозь дебри // Вместе с Олжасом. RDW-Vaumbach, Германия, 1996. С. 121—129.
- [2] Аннинский Л. Меж свободой и волей // Родина. 2004. Вып. № 2. С. 23—25.
- [3] Ахундов М.Д. Концепции пространства и времени: истоки, эволюции, перспективы. М.: Наука, 1982. 222 с.

- [4] *Атаходжаев А.А.* Роль тюрко-согдийского билингвизма в истории цивилизации Центральной Азии: Материалы II Международной научной конференции «Язык и культура» // Вопросы филологии. 17—21 сент. 2003. С. 577.
- [5] *Виноградов В.В.* О языке художественной литературы. М., 1980. 360 с.
- [6] *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. М.: Высшая школа., 1989. 406 с.
- [7] *Гумилёв Л.Н.* Древние тюрки. М.: Наука, 1967. 504 с.
- [8] *Сулейменов О.* Эссе. Публицистика. Стихи. Поэмы. Алма-Ата: Жалын, 1990.
- [9] Сулейменов. Интервью газете «Правда». 27.01.1989.
- [10] *Каратаев М.К.* Дым отечества: Об Олжасе Сулейменове // От домбры до книги. Статьи. М.: Сов. писатель, 1969. С. 391—397.
- [11] *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 29 сентября 2016.

Дата принятия к печати: 20 ноября 2016.

Для цитирования:

Утепова Р.И. (2017). Актуализация внутренней формы слова Олжаса Сулейменова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 22. № 1. С. 92—98.

Сведения об авторе:

Утепова Роуза Имангалиевна, преподаватель кафедры русского языка и литературы факультета филологии, литературоведения и мировых языков Казахского национального университета им. аль-Фараби

Контактная информация: e-mail: roza_uteпова69@mail.ru

ACTUALIZATION OF THE INNER FORM OF OLZHAS SULEOMENIV' WORLD"

R.I. Uteпова

The article reveals a distinctive feature of the poetry of Olzhasa Suleimenova. Their content is reduced to the actualization of the inner form of the word in a poetic text. The scientific revolution introduced previously known works of the author, which are essential for the study of the specifics of the formation and implementation of a creative plan Olzhas Suleimenov.

Key words: poetics, etymological origins, bilingualism

REFERENCES

- [1] Anninsky L. Proidi skvoz' debri [Passing through the jungle]. Vmeste s Olzhasom [Together with Olzhas]. RDW-Baumbach, Germany, 1996. Pp. 121—129.
- [2] Anninsky L. Mezhdru svobodoi i rodinnoi [Between freedom and will]. Rodina [Homeland]. М.: Publishing house of the magazine "Rodina", 2004. Vyp. № 2. Pp. 23—25.
- [3] Akhundov M.D. Kontseptsiiyi vremeni i prostranstva: proiskhozhdeniye, evolyutsiya, perspektivy [Concepts of time and space: the origins, evolution, prospects]. М.: Nauka, 1982. 222 pp.

- [4] Atakhodzhaev A.A. Rol' tyurko-sogdianskogo bilingvizma v istorii tsivilizatsii Srednei Azii [The role of the Turkic-Sogdian bilingualism in the history of civilization of Central Asia]. *Materialy mezhdunarodnoi konferentsii Yazyk i Kul'tura* [Proceedings of the II International Conference "Language and Culture"]. Philology. 17—21 September. 2003. P. 577.
- [5] Vinogradov V.V. O yazyke literatury [On the language of literature]. M., 1980. 360 pp.
- [6] Veselovsky A.N. Istoricheskaya poetika [Historical poetika]. M.: Vysshaya shkola, 1989. 406 pp.
- [7] Gumilyov L.N. Drevniye tyurki [Ancient turks]. M.: Science, 1967. 504 p.
- [8] Suleimenov O. Esse. Publitsistika. Poemy. Stikhi [Essay. Reading. Poems.Lyrics]. Alma-Ata: Zhalyn, 1990.
- [9] Suleimenov O. Interviu gazete "Pravda" [Interviews at "Pravda" newspaper]. 27.01.1989.
- [10] Karatayev M.K. Dym otechestva: ob Olzhase Suleimenove [The smoke of the fatherland: On Olzhas Suleimenov]. Ot domry k knige. Statyi [From dombra to book. Articles]. M.: Soviet writer, 1969. Pp. 391—397.
- [11] Sczerba L.V. Yazykovaya Sistema i rechevaya deyatel'nost' [Language system and speech activity]. L., 1974.

Article history:

Received: 29 September 2016

Revised: 15 October 2016

Accepted: 20 November 2016

For citation:

Utepova R.I. (2017). Actualization of the inner form of Olzhas Sulimenov's world. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 22 (1), 92—98.

Bio Note:

Utepova Rauza Imangaliyevna, Associate Professor of the Department of Russian language and literature, Kazakh national university named by al-Faraby, Kazakhstan.

Contacts: e-mail: roza_utepova69@mail.ru



УДК 316.77.001.12/18

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-1-99-114

ПОЛИТИКА — СМК — ПОЛИТИКИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА

Л.Н. Федотова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается политическая коммуникация как актуализация интересов различных социальных групп на разных информационных площадках, где реализуются задачи политических структур по презентации своих социальных программ и привлечения сторонников. Анализируются возможности этих площадок с преимущественным вниманием к масс-медиа, а также реакции на эту деятельность со стороны населения, в частности, по данным социологических исследований, в том числе по результатам выборов-2016 в США.

Ключевые слова: СМК, политические силы, теледебаты, политическая реклама, предвыборная гонка в США 2016 г.

Если телевидение за меня,
хотел бы я знать, кто будет против?
Курт Воннегут

В ходе исторического развития человеческое общество доросло до понимания того, что стратегия и тактика социального развития должны определяться в режиме диалога всех сил, составляющих социальное взаимодействие. Необходимость в этом появилась тогда, когда правительство, созданное «по воле бога», стало заменяться правительством, созданным «по воле людей» [6. С. 337]. Именно поэтому политические партии и движения, реализующие в своей деятельности социальные интересы разных слоев, групп, предлагающие обществу конкретную тактику социального развития, нуждаются в электорате, в получении мандата на эти мероприятия из рук населения всей страны; именно поэтому общество нуждается в конкуренции этих программ. Конечно, никто не отменял роль личности в истории: любая программа имеет персонифицированный характер; общество выбирает ее в «пакете» с личностями как гаранты их осуществления.

Одну составляющую в этом процессе представляют собой партии: они соперничают между собой за влияние на массы, чтобы там сформировался их электорат, который бы «обеспечил им в ходе выборов контроль в органах власти» [2. С. 169]. Вторая составляющая — сами массы. Такая «расстановка сил» объясняет специальные усилия политических партий и движений по созданию стабильных коммуникационных каналов для общения с массами.

Для начала представим все виды деятельности политической партии. Прежде всего это сама *политика* — разработка и осуществление определенной социополитической программы. Это главное в структуре деятельности. С точки зрения социальных интересов всего социума именно программа, сама политика, сами сценарии социально-политического развития должны быть во главе угла. Далее мы должны обозначить мероприятия политического субъекта по обеспечению стабильности своей структуры, т.е. «партийные» виды работы внутри ее. И лишь затем — деятельность по связям с общественностью, выходы на медиа, выстраивание этих отношений, политическую рекламу и т.д. Независимо от индивидуальных усилий политического субъекта по информированию общества о своей деятельности, она оказывается прозрачной благодаря функционированию прессы в системе современной демократии, а именно роли СМК (СМИ, массмедиа, медиа). В этом процессе происходит своеобразное удвоение политического контента: сначала политическая деятельность, а затем ее отражение в каналах коммуникации. Напор такого контента происходит во всех трех видах коммуникации социума: в межличностной, специальной и массовой. Данная ситуация влечет за собой *все большую политизированность общества*: увеличение роли политической коммуникации. В этом существует все возрастающая потребность. Не только потому, что для легимитизации власти, да и права самих партий участвовать в процедурах выборов (мы знаем, что в ряде стран существует фильтр для маломощных партий по участию в выборах) нужна поддержка широких масс. Но и потому, что в случае победы партии на выборах она будет формировать реальную повестку дня, которая потребует выполнения определенной программы (в области образования, здравоохранения, культуры, экономики и т.д.). И эти широкие массы будут реальными субъектами социальной жизни.

Именно поэтому политические структуры, партии, лидеры становятся все более активными создателями и носителями новости. В этом смысле очень показательными были предвыборные схватки претендентов на президентский пост США между Х. Клинтон и Д. Трампом (2016 г.). У американских аналитиков находим такую информацию: «Г-н Трамп показал способность обеспечить себе постоянное внимание телевидения в виде новостей, он был настоящим ньюсмейкером, на основании чего многие политические производители рекламы начали сомневаться в силе политической рекламы». «Дональд Трамп — телевизионное явление», — сказал Фред Дэвис, стратег республиканцев. — То, что он говорит, настолько возмутительно, что такое никто не мог бы вложить в платную рекламу» [13].

Вышеобозначенные тенденции заставляют политические структуры активизировать деятельность по связям с общественностью, поскольку их образ в глазах общественности становится весьма значимым для принятия электоратом решения о передаче мандата на власть определенным политическим лидерам и силам. Какие возможности имеются у политиков для этого? Очевидно, что это работа по публичному представлению своей программы; создание «новости» силами структур по связям с общественностью; создание информационного потока от политических субъектов к СМК; создание такого потока в интернет и преиму-

щественно в социальные сети; производство рекламных сообщений для мультиплицирования их СМК на платной основе.

Как мы видим, в основном это тексты для наиболее массового информационного пространства: СМК и Интернета. Аналитики, подводящие итоги предвыборных схваток претендентов на пост президента США между Х. Клинтон и Д. Трампом (2016 г.), отмечают, что Трамп потратил на традиционную рекламу 16% — это первое место среди его трат на предвыборную борьбу; 14% реализовал в цифровом пространстве, что единодушно отмечается аналитиками как некая новация (не как факт [10. С. 15], а как объем). А ведь аналитики при этом искали корни необычайного успеха этого новоиспеченного политика — без политического андеграунда и сразу в президенты.

Представительная демократия ставит в более выгодное положение тех, кто «благодаря своей профессии усвоил ораторское мастерство, приобрел навыки составления текстов, по сравнению с профессионалами другого типа» [2. С. 260].

В какой роли должны выступать медиа в политическом процессе? Обеспечивать прямой допуск аудитории к политику или выступать в качестве посредника? Разделим проблему на две части: одно дело — собственно реклама, или другие тексты, или мероприятия публичного характера как вклад команды, участвующей в выборах своего клиента, и другое — журналистская деятельность по освещению событий общественной жизни, где этот кандидат является всего лишь одним из «героев».

В последнее время случается, что предвыборная команда навязывает СМК свою стратегию и тактику. Так, иногда пресса обсуждает кампанию с точки зрения качества рекламных телероликов; анализирует поведение участников теледебатов не по роли их содержательных программ, а скорее как телегероев; терминология освещения предвыборной ситуации напоминает спортивный комментарий к гонкам, к своеобразной «игре до победы». Это уже счет к прессе: это случаи явной эрозии ее функционирования [12. Р. 23—29].

Когда пресса берет на себя роль сравнивать политиков, давать им оценки, критиковать их, анализировать программу, она превышает свои полномочия: ей больше подошла бы роль беспристрастного диспетчера, обеспечивающего справедливую и сбалансированную подачу всех политических претендентов. Едва ли с этим согласится сама пресса, но что в информационных каналах должны сосуществовать разные жанры, по-разному отвечающие на этот вопрос, кажется решением проблемы. Когда весь набор политических средств будет воспроизведен в политической кампании, можно будет говорить об идеальном случае предоставления выбора самой аудитории. Справедливости ради стоит отметить, что на практике и журналисты, и публика довольно четко разделяют собственно факт [5. С. 22—34]. и его комментарий. Профессиональной нормой считаются именно разные подходы к описанию действительности — в новостях и аналитических статьях. Эта проблема выходит за рамки политической коммуникации, она важна в целом для деятельности СМК.

Демократическая пресса стремится к равномерному и беспристрастному освещению всех политических точек зрения в новостях. Такая тенденция существу-

ет как декларация. Тем не менее у аудитории существует мнение, что на самом деле, в реальности, это далеко не так. Ответы граждан РФ на вопрос «Случается ли, что при просмотре телепередач, прослушивании радио, чтении газет у вас складывается впечатление, что вам что-то недоговаривают, не дают полной информации о происходящем?» (“Does it ever happen that when you watch TV, listen to the radio and read newspapers you have an impression that you are not given full information about what is happening?”) распределились следующим образом (Левада-центр) [14]:

Ответ	Сентябрь 2012	Октябрь 2015	Октябрь 2016
Очень часто	9	8	11
Довольно часто	46	34	36
Довольно редко	28	34	28
Очень редко	7	15	15
Затруднились ответить	10	9	10

Проинформировать о политике — это уже многое, что может сделать пресса. Даже просто сообщая о политике, пресса обеспечивает первую стадию эффективности: электорат уже может сказать: «Я его знаю». Далее начинает действовать плюрализм: разные источники говорят о разных политиках. Предвыборная ситуация в России накануне думских выборов в 2011 г. давала такие примеры («Медиадиалогия» тогда составила рейтинг зарегистрированных политических партий по упоминаемости на трех федеральных каналах: Первый канал, Россия-1, НТВ в новостных выпусках с 27.09 по 27.10. 2011 г.): Единая Россия имела 275 упоминаний, КПРФ — 109, ЛДПР — 93, Справедливая Россия — 81, Правое дело — 72, Яблоко — 65, Патриоты России — 30 [4. С. 3].

По-видимому, российская пресса избрала тут путь — ориентироваться на реальное представительство партий в парламенте. Это приводит к еще большей консервации текущего положения вещей.

Информационные технологии обогащают эту сферу. Так, популярный сайт YouTube становится одной из наиболее влиятельных сил в американской предвыборной кампании [7. С. 12]: с его помощью пользователи выставляют на всеобщее обозрение оплошности одних кандидатов и укрепляют позиции других, сравнивается то, что они говорили ранее и что говорят сейчас. Это отражает растущее влияние Интернета в целом. В Интернете возникают и новые формы участия граждан в общественно-политической жизни: в последнее время становится все популярнее идея *Liquid Democracy*, и прямая *викидемократия* [11].

Возвращаясь к теме внимания СМК к разным политикам, зададимся вопросом: что в принципе его определяет? Это как характеристики события (масштаб происходящего, экстремальность, политический багаж личности, ее близость к вершинам политической пирамиды, известность, телегеничность, особенности публичного поведения и др.), так и черты средства информации (его политические симпатии; массовый это орган или узкопартийный; природа самого информационного средства — аудио, видео или печать).

Существует соблазн расценить факт наиболее частого освещения субъекта или фракции как проявление политических симпатий, пристрастий или даже партийной принадлежности, однако делать это следует с известной осторожностью, так как факторов, влияющих на такой расклад, реально гораздо больше. Это может быть как редакционная политика, так и усилия политических сил по созданию события, на которое откликнется пресса. В рамках плюралистического демократического общества процесс формирования корпуса ньюсмейкеров в определенной мере происходит по законам массовых явлений, т.е. является стохастическим, вероятностным, зависимым от большого числа факторов. Механизм существования массовой прессы зиждется на принципе, что лица, оказавшиеся в самом низу рейтинга ньюсмейкеров, будут реже появляться на страницах прессы.

Пресса также идет за событийным рядом, организованным самим политиком. Но и ее способность увеличить фактологическую информативность становится признаком качественного издания, если оценки, анализ, комментарии осуществляются при участии социальных субъектов всего политического спектра. Реализации такой задачи является актуальнейшей проблемой в нашем обществе на ближайшую перспективу.

Интерес исследователей к воздействию политического лидера на аудиторию с помощью прессы обострился, когда в эту прессу влилась и электронная — радио и в особенности телевидение, с которым по количественным контактам с аудиторией не может соперничать сегодня ни один вид массовой коммуникации. Здесь заслуживает внимания история теледебатов, она начинается с поединка между Д. Кеннеди и Р. Никсоном в 1960 году. С 1976 года и по сей день дебаты в прямом эфире проходят регулярно. По тому, насколько умело соперники отстаивают позиции в дебатах, свыше двух третей от неопределившихся принимает решение. Теледебаты транслируются в прямом эфире большинством телеканалов и радиостанций страны. На дебаты съезжаются обычно тысячи журналистов со всего мира. За ходом словесной дуэли между Бушем и Керри, например, в 2004 году следило примерно 62,5 млн потенциальных избирателей. В 2012 году первый раунд президентских теледебатов между Б. Обамой и М. Ромни смотрели свыше 50 млн человек.

В 2016 году дуэль между Х. Клинтон и Д. Трампом, как утверждают американские аналитики, сопровождалась неслыханным ажиотажем: «Присутствие г-на Трампа на дебатах вызвало ранее неслыханную их популярность, их просмотр считался обязательным для людей, которые могли в режиме реального времени познакомиться с кандидатом. В результате, рекламные ролики, которые когда-то были простым средством для кандидатов, чтобы информировать и убеждать, оказались менее полезными для этих целей. Реклама стала играть на этом фоне намного менее доминирующую роль, чем она имела в прошлом, отчасти потому, что все больше людей стали получать информацию в ходе дебатов» [15]. Дебаты 2016 г. смотрели уже 100 млн человек.

Сейчас теледебаты существуют во многих странах. Российская же аудитория мало знакома с жанром теледебатов, но она отнюдь не является исключением.

Как мы видим, сегодня ТВ — это очень важная площадка для общения политического лидера с массами, которое реально влияет на исход выборов. Конечно,

многое зависит от самого политического деятеля и от его службы по связям с общественностью. Это касается, в частности, оплаченного размещения готовых текстов; оплата предполагает и право выбирать время и место их размещения. Это относится и к рекламе. Ясно, что в какой-то период общество не могло не осознать, что так лишаются возможностей соревновательности и самой публичности новые, ранее неизвестные публике программы общественного развития и их реальные носители — новые лица на политическом горизонте. Поэтому в странах с развитой демократией осознана и кое-где регламентирована идея предоставления равных стартовых возможностей для внимания СМИ к политикам, а что сверх того — то размещается за плату, на правах рекламы. Но ясно, что и вопрос об объемах затрат кандидата, т.е. собственно финансирования предвыборной деятельности политика, требует определенных лимитов, иначе бы были перекрыты все каналы влияния для финансово маломощных политических структур. Однако даже при этом остается проблема с аудиовизуальными средствами. Печатной продукции претендент может издать столько, сколько ему позволяет финансовая квота. Эфир же в определенной мере общественное достояние, и частоты, на которых вещают станции, распределяются по лицензиям — чисто технически нельзя открыть еще одну эфирную радио- или телестанцию. Остаются возможности только кабельного распространения. Вот почему в случае с радио и телевидением существует проблема предоставления политическим претендентам регулируемых объемов выхода в эфир.

Объемы, регламентируемые государством, не могут быть большими. Ведь речь идет о вмешательстве государства в деятельность институтов со сложившейся структурой отношений со своими потребителями, т.е. аудиторией. В случае с частными СМИ дело осложняется тем, что они, как правило, функционируют как институты бизнеса, ориентированные на прибыль. Значит, практически все замыкается на тематических ориентациях самого издания, на степени качества этого издания (солидное оно или популярное), а в итоге — на тех обязательствах перед обществом, которые это издание считает для себя приоритетными.

Возможность покупки места или времени в СМИ тоже дискуссионна. Одинаковое бесплатное время получают все, но не все имеют одинаковое количество мест в уже существующих структурах власти, не все поддерживаются одинаковыми долями электората. Значит, возможности более поддерживаемых (а значит, и спонсируемых) политических структур и лидеров могут быть реализованы другим путем — за счет «покупного» внимания к себе СМИ. Кроме того, политические силы, находящиеся у власти (и это особенно важно для стран, где есть государственные вещательные организации), имеют особые преимущества, связанные с влиянием на СМИ.

Необходимость ограничений стала очевидной. Каждая страна по-своему решает эту проблему. Например, обществу не безразличны источники финансирования политических выборов. Оказалось, что старая Европа в этом смысле не без греха: в начале 2006 года на всеобщих выборах Лейбористская партия получила от спонсоров десятки миллионов фунтов стерлингов. Недруги уверяют: благодаря этому Тони Блэр победил. Бизнесмен Пател «одолжил» 1,5 млн фунтов (около 2,5 млн долл.) — и вскоре стал... пэром. Двух других благодетелей Блэр тоже

рекомендовал в палату лордов. История имела продолжение. Британскому премьеру пришлось признать, что лейбористы приняли 14 млн фунтов в качестве пожертвований от состоятельных бизнесменов. Члены Палаты лордов отклонили кандидатуры всех бизнесменов, которые одолжили партии большие суммы [3. С. 6]. Но история с «подношениями» важна не только из-за британского премьера. В ней урок и для России с ее молодой многопартийной системой и «спонсорским громадьем».

В нижней палате Госдумы РФ готовится к рассмотрению законопроект, обязывающий печатные СМИ в равной степени освещать деятельность всех парламентских партий: «Единой России», КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России», который предусматривает поправки в закон «О гарантиях равенства парламентских партий при освещении их деятельности государственными общедоступными телеканалами и радиоканалами». Авторы законопроекта предложили обязать редакции печатных изданий ежемесячно выделять площадь для объективного информирования населения о деятельности партий, депутатов региональных законодательных и представительных органов и эта площадь будет контролироваться ЦИК РФ так же, как и эфирное время, затраченное общедоступными телеканалами и радиоканалами. По мнению экспертов, необходимо предоставлять площадку в СМИ и малым непарламентским партиям, которые от государства финансовой поддержки не получают [1].

Если говорить о рекламе, то вопрос с ее выделением в коммуникационном потоке не так прост, как кажется. Что именно считать рекламой? Ясно, что выступление лидера политической партии (или лидера фракции) в Государственной думе — это отнюдь не только содержание его речи: его манера говорить, внешность и поведение способны создать такой «имидж», такой образ, что его нельзя будет подретушировать никакими специальными рекламными средствами. Когда претендент на пост главы государства выступает с популистскими лозунгами, чтобы понравиться электорату, у его критиков сразу появляются аналогии с рекламой: ставятся и зачастую достигаются те цели, которые считаются основными. По словам исследователя политической рекламы О.А. Феофанова, надо, чтобы у потребителя информации возникло ощущение, выражаемое идеями «Я его знаю», «Он хороший», «Он годится».

В политической рекламе специфичен *сам товар* — программные и личностные характеристики человека, претендующего на власть; специфично *действие*, которое требуется от потребителя, — выдать мандат на власть и как минимум оказать доверие политическим шагам человека, идущего к власти. В результате этих усилий создается благоприятный образ социополитического субъекта, которое существует в конкурентном поле. Как мы уже говорили, минимальное, *пороговое* условие для создания образа — наличие программы. Политическая реклама — это практически единственная возможность для кандидата изобразить себя так, как он хочет, предложить аудитории собственную повестку дня, подчеркнуть выгодные с точки зрения кандидата проблемы, выводы и интерпретации фактов. Ведь вся остальная информация о кандидате порождается при усилиях посредников, размещающих, редактирующих, фильтрующих эту информацию для размещения ее в СМК. Поэтому, очевидно, Б. Обама не стал рисковать и за три дня до выбо-

ров, еще будучи претендентом, выкупил получасовое время для рекламы в прайм-тайм на семи крупнейших телеканалах.

Одним из «китов» политической рекламы является *слово*. По своей краткости реклама обречена на броские, запоминающиеся словосочетания-лозунги, максимально концентрирующие в словах цель, суть тех политических изменений, которые составляют программу политика. Воздействующей силой рекламы является также образный *визуальный ряд*. Ведь большая часть рекламы сегодня *канализируется* в средствах информации, где важнейшую роль играет как раз изобразительный ряд (телевидение, наружная реклама). Создание визуальной рекламы по законам искусства (а это, конечно, должно быть искусством: с хорошей режиссурой, высоким качеством съемок) рождает и ее восприятие как произведения искусства: она менее подвержена разложению на дидактические, логические основания.

Тут иногда возникают проблемы, связанные с пределами символизации: есть ли границы ассоциациям, которые мы программируем в визуальной рекламе, чтобы достичь позитивного отношения аудитории к нашему кандидату.

Так, в 1964 году, когда в США возникла опасность прихода к власти ультраправого «ястреба» Б. Голдуотера, рекламисты из штаба Л. Джонсона изготовили телеролик для рекламы своего демократического заказчика. Он назывался «Дейзи» по имени героини, изображенной там.

Маленькая девочка обрывает лепестки ромашки, отсчитывая их: один, два, три... Когда она доходит до десяти, ее прерывает мужской голос, который начинает отсчет в обратном направлении. На слове «ноль» камера застывает на лице ребенка, затем фокусируется на его глазах, в которых как бы отражается возникающий в отдалении ядерный гриб. Он растет, закрывая весь экран.

Фильм был показан по телевидению только один раз, за два месяца до выборов. Реакция зрителей была ошеломляющей; они звонили в Белый Дом и лично президенту Л. Джонсону, рассказывая о том впечатлении, которое на них произвел ролик. Как выяснилось в ходе опросов, особое значение он имел для колебавшихся избирателей. Внушаемый фильмом страх перед ядерной войной оттолкнул большую часть этой категории от Голдуотера. Профессионалы считают этот телеролик одним из лучших в политической рекламе. Однако после обсуждения этого ролика Комиссия по выработке стандартов стратегии и тактики прессы, в частности телевидения, сочла, что неправомерно использовать тексты, у которых велики возможности манипулирования поведением личности на основе сильного эмоционального воздействия. Нужно, чтобы в рекламном ролике появлялись кандидаты, коль скоро реклама подается от их имени. Действительно, почему все лавры борца против ядерной угрозы достаются здесь Л. Джонсону?

Третьей составляющей политической рекламы является сам *образ претендента*, т.е. собственно то, *что* о нем говорится. Тут в ходу рекомендации такого рода: представляйте кандидата активным; способным смотреть далеко вперед, видеть будущее нации; человеком сильным, решительным, способным к действию; демонстрируйте его личность через его поступки; говорите о проблемах, которые в

данный момент кажутся важными избирателю. Задача рекламы в том и состоит, чтобы убедить избирателя, что никем другим эта программа выполнена быть не может, значит, акцент делается прежде всего на личность. Персонализация подчас вытесняет тонкости собственно политики. Зачастую на последней дистанции для избирателя это уже не выбор партии, а выбор человека. Сама процедура соревновательности привносит сюда конкуренцию не между партиями, а между личностями. Это, кстати, приводит со стороны избирателей к частой смене своей партийной ориентации.

Многие из политиков в своей рекламе сравнивают себя со своим соперником или действуют по принципу противопоставления: «Я не тот, я другой». Для рекламы, которая строится по принципу «Не голосуй за моего противника, потому что он плохой», существует даже название — негативная реклама. Иногда работа на контрасте облегчает задачу. Так, в 1960 году политическая реклама Р. Никсона акцентировала контраст между жизнью Никсона — сына простого фермера и Кеннеди — сына посла, богатого и уважаемого государственного деятеля. В 1988 году, когда за голоса избирателей США боролись Дукакис и Буш, команда Буша, отталкиваясь от представления прессой Дукакиса как человека, который держится всегда так, «как будто он аршин проглотил», а «в школе он точно никому списать не давал», перед самыми выборами выпустила два очень «человечных» ролика — «Буш с семьей, со своими многочисленными детьми» и «История Буша-солдата». В истории известны случаи, когда в содержании роликов излишне акцентируется «плохой» образ соперника (1). Конкуренты по политической борьбе не упускают случая сделать себе рекламу на ошибках своего оппонента. Применяется, например, производство таких материалов о своем противнике, которые сплошь состоят из досье ошибок, противоречий в высказываниях политического конкурента, ясно, что это приводит отчасти к достижению цели — дискредитации противника. Опыт показывает, что это тот случай, которому обеспечено внимание прессы.

Политическая реклама по определению (например, исходя из того, что ее размещение дорого стоит) — это краткий жанр, но многократно мультиплицируемый. За счет чего создается здесь краткость? Чем здесь жертвуют? Рациональным в угоду эмоциональному. И тогда возрастают манипулятивные возможности для внедрения в массовое сознание некоторых эмоциональных с сильным повелительным наклоном клише, которые скорее приведут к нужному поведенческому эффекту. Это было и есть, отрицать это трудно. Но если в своей политической деятельности в ходе своей предвыборной кампании политик будет обеспечивать всю амплитуду обращений к согражданам — от выступлений до афористичных слоганов, от развернутой аргументации до эмоциональных призывов, — мы должны будем взглянуть на рекламу (уже в узком смысле этого слова) как на необходимое средство общения политика с массами. Много зависит от аудитории: активная, со сформированным интересом к сфере политики, будет больше потреблять информацию источников, где будут доминировать более аргументированные, с представлением разных точек зрения тексты; и наоборот, лица с малым уровнем образования предпочитают тексты, где аргументируется одна точка зрения.

Для эффективного существования рекламы в политической коммуникации следует делать ее притягательной для всех субъектов массового социального поля, делать ее востребованной и политически активным электоратом, а, кроме того, отчетливо видеть ограниченность ее воздействия как таковой. Преувеличивать ее роль — это вредить самим рекламистам: в обществе растет осознание манипулируемого действия, что чаще приводит к отторжению такой политической коммуникации. А ведь в ней заинтересованы не только профессионалы-рекламисты, но и собственно политики, субъекты общественного диалога.

Политическая коммуникация как форма общения включает двух субъектов, взаимно заинтересованных в контакте. С развитием системы образования и средств массовой информации все больше избирателей ведут себя как независимые личности.

Говоря о факторах, влияющих на поведение, в частности электоральное, надо упомянуть о концепции *публичных арен* [9] С. Хилгартнера и Ч. Боска. Предполагается, что общественное внимание в этом процессе является дефицитным ресурсом, распределяемым посредством конкуренции публичных арен, которые различаются по пропускной способности: это исполнительная и законодательная ветви власти, суды, телефильмы, кино, СМИ, социальные сети, группы социального действия, научные сообщества, религиозные организации, профессиональные общества и частные фонды и т.д. Именно в этих институтах происходят обсуждение, отбор, определение, формулировка, драматизация, оформление и представление общественности проблем. Члены общества ограничены и размерами *лишнего сострадания*, которое они могут найти у себя в отношении вещей, находящихся за пределами их обычных непосредственных забот.

Включенность современного человека в массовые информационные потоки заставляет политиков учитывать и информацию об опросах общественного мнения. Последняя на сегодня является неременным атрибутом политической коммуникации. В свое время еще И. Кант говорил о важности учета мнений: «Свобода публичного использования собственного разума должна быть гарантирована на все времена, и только это принесет человечеству просвещение». Сегодня специализированная деятельность по сбору информации об отношениях, мнениях, вкусах, оценках, приоритетах решений социальных проблем, информированности членов общества о персоналиях в сфере политики стала одним из признаков демократического общества.

История изучения общественного мнения начиналась с использования этих опросов именно в политической сфере (1824 г., США). Осознание необходимости обратной связи со своим электоратом в виде опросов общественного мнения стало чертой менталитета современного политика. Их используют для того, чтобы знать, как действовать. Нас опросы интересуют с той точки зрения, что общественность узнает о результатах опросов из прессы, и эта информация может как влиять на отношение населения к разным политическим силам, так и играть определенную роль при решении людей голосовать за тех или иных представителей политического спектра страны.

Значит, прогнозирование результатов выборов и использование этих прогнозов в ходе предвыборной борьбы становится очень важными. В какой мере надежен

этот социологический инструмент изучения мнений населения? Самая распространенная точка зрения на возможности прогноза звучит так: центры сообщают лишь те сведения, которые характеризуют состояние массового сознания на сегодня. Далее начинают действовать многочисленные факторы социополитического и социопсихологического порядка. Если их число превышает аналитические возможности данного профессионального коллектива, неизбежно несовпадение его данных с будущим раскладом общественного мнения, продемонстрированного обществом на выборах. А такое иногда случается.

Существуют методические и методологические объяснения таких случаев. Но независимо от характера прогноза, будучи опубликованными, результаты социологических опросов начинают жить самостоятельной жизнью: их может принять в расчет как та, так и другая заинтересованная сторона. Их может принять в расчет и электорат, опросы могут влиять на его поведение, массовому сознанию свойственно ориентироваться на распространенные в обществе модели поведения и сознания.

Внимание СМК к опросам общественного мнения в последней трети XX века достигло такой концентрации, что перешло в новое качество. С конца 1970-х — начала 1980-х годов родился даже новый вид журналистики, так называемая точная журналистика (*precision journalism*). Публикацию опросов общественного мнения СМК стали считать такой же важной своей функцией, как и сообщение оперативной информации обо всем происшедшем.

Профессионалам-социологам давно стало ясно, что, давая полученным результатам путевку в жизнь, непременно нужно рассказать и о *градуснике*, об аппарате, с помощью которого эти цифры получались, т.е. максимально воспроизвести ту организацию общения с опрашиваемыми, которая предшествовала опросу. Есть минимум — это десять заповедей, четкий набор характеристик, который является как бы визитной карточкой опроса и который пресса должна воспроизводить. Его еще в 1948 году предложила американская ассоциация исследователей общественного мнения. В публикациях должны быть такие сведения: цель опроса; кем и для кого исследование проводилось; выбранная для опроса совокупность; размер и природа этой совокупности; время опроса; способ общения с опрашиваемыми (лично, по телефону, по почте); использованные контрольные методы; фразировка вопросов; абсолютные величины, принимаемые в представленных результатах за 100%; распределение ответов [8. С. 25—28]. Как видим, распределение ответов на вопрос в ходе зондажа последнее: скажите мне, какими были первые девять условий, и я сам догадаюсь, какими будут ответы. Это хоть и преувеличение, но не очень сильное.

И все же объяснять, что же стоит за скупыми цифрами отчетов, приходится. Ведь опросы только для того и существуют, чтобы быть представленными широкой публике: с их помощью общество рефлексивует, узнает о себе больше, чтобы вынести неосознаваемые большинством болезни на поверхность сознания, чтобы привлечь к ним внимание, чтобы решить их, наконец. Общество в этом смысле должно созреть для опросов, как и институты — чтобы проводить их. У социологов даже есть понятие: готовность социологического поля.

Самый большой вопрос для исследователей общественного мнения — это сравнение результатов выборов и предвыборный расклад мнений избирателей, продемонстрированный в опросах накануне. Для прессы важно знать: публикации с результатами опросов — это прогноз или диагноз?

Давайте взглянем на эту проблему с другой стороны. Умение спрогнозировать реакцию населения на что-то означает, что можно предусмотреть все факторы, влияющие на человеческое поведение, с учетом течения времени. Не означало ли бы это, что есть некая кнопка — набор этих факторов, нажав которую мы добились бы, чтобы население действовало в нужном нам направлении? К счастью, поведение масс — явление более многофакторное. И в этом сложность для социологов. Поэтому самое большее, что исследователь общественного мнения может сказать: я готов выдать свой диагноз за прогноз, но только если все переменные, участвующие в этом процессе, останутся без изменений. И это честная позиция. Действительно, когда врач ставит диагноз, прогностическая сила в нем имеется. Но перевод диагноза врача в прогноз начинается со слова «если». Когда речь идет о более сложном случае — состоянии массового сознания в динамике, количество таких условий возрастает.

Как правило, тактика социологов тут одна: дается картина этого состояния на данный момент (естественно, что чем ближе ко дню выборов, тем лучше) — это результаты собственно опроса, общения с людьми, попавшими в выборку социолога. Это наиболее корректная и наименее уязвимая для исследователя позиция: демонстрируется «слепок».

Далее специалист вступает в зону риска: он может предположить, что все, кто затруднился ответить на его вопрос о решении в день выборов голосовать так или иначе, распределятся, тем не менее, по своим политическим симпатиям пропорционально тем, кто с этим определился. Это может тоже публиковаться, но это уже расчетная информация, т.е. *прогноз* — это производное от диагноза, который получают в ходе опроса социологи, и математических операций по взвешиванию некоторых из условий (статистика прошлых голосований, объемы отказавшихся принять участие в опросах и в выборах, объемы высказавших свое мнение с определенной степенью уверенности и др.

Мировая практика изучения общественного мнения показала, что, как образно заметил один из исследователей общественного мнения, задействовать все факторы, работающие на изменение намерений индивида, значило бы уподобиться предсказанию «сколько мух попадет на липучку на основе таких переменных, как количество мух, оказавшихся поблизости, скорость ветра, размер бумаги, ее запах, плотность и т.д.». Социолог заранее снимает шляпу перед сложностью поведения «человека социального». И тут нет ничего обидного для этого человека, как, впрочем, и социолога.

Еще раз: эта сфера получения данных весьма сложна. Это результат общения двух участвующих в этом акте сторон. *Обоснованность результатов* — это производная от престижа самой организации; давности ее присутствия в этом профессиональном пространстве; регулярности выхода ее в профессиональную и массовую периодику с объяснениями своей методики, сравнениями с результатами

организаций такого же направления; открытости ее для научных и непрофессиональных дискуссий, для общественных экспертиз. Саморефлексия социологов по этим проблемам является скорее признаком их профессионального сознания, чем безапелляционность суждений на этот счет. Но за пределами науки и нравственности остается практика, когда социологи, невзирая на свой профессиональный долг, используют наводящие вопросы, чтобы получить нужные им (или их заказчикам) результаты.

Эту статью я начала писать, когда только-только закончился предвыборный марафон Клинтон—Трампа и начались активные поиски виноватых. Больше всех досталось социологам, которые плохо сработали и не дали точного прогноза, и, конечно, прессе — этому зеркалу, которое отражало происходящее.

Социологи на самом деле сработали *идеально*. В рамках всей страны они обещали победу Клинтон, и да — *она получила на 2,9 млн голосов больше, чем Трамп* [16]. Главное — нужно понять (и принять) социологический закон: *полученные результаты репрезентативны для всей генеральной совокупности, но не для отдельной региональной совокупности* (для США — отдельного штата).

Дальше началось то, что впрямую к социологии отношения не имеет. Начала действовать организационная практика «выборов через выборщиков» — в рамках каждого штата (чем больше население штата, тем больше выборщиков) сам факт преимущества одного из кандидатов, независимо от абсолютной цифры, означает, что все выборщики переходят на сторону этого кандидата. Так появились эти цифры числа выборщиков — 290 у Трампа и 232 у Х. Клинтон. Могли ли быть получены результаты опросов по штатам? Если бы они ставили задачу быть репрезентативными, то стоимость общенационального опроса нужно было умножить на 50 (по количеству штатов — исходя из того, что репрезентативную картину дает минимальное число опрошенных при минимальной величине ошибки, а это, как правило, 1500—2000 человек). Опросы по штатам проходили [16], но вопрос в количестве опрошенных — если оно уменьшалось, то величина ошибки могла полностью «съесть» разницу во мнениях. В ряде штатов разница между проголосовавшими за Трампа и Клинтон была настолько маленькой, что политические активисты потребовали пересчета голосов.

Мы рассмотрели особенности политической коммуникации в современном обществе, которая в огромной степени зависит от использования СМК. С этой точки зрения СМК являются и плацдармом для выполнения основных функций политических институтов, и форумом для актуализации социальных интересов контрагента политических структур — общественного мнения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Практика, прямо скажем, уходящая в глубь веков. У Шекспира находим: «Ватага шелудивых рифмоплетов ославит нас в куплетах площадных». См.: Шекспир В. Антоний и Клеопатра // Полн. собр. соч. М.: Искусство, 1957—60 гг. Т. 7. С. 248.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Ежов С.* Дума о печати: Парламентские партии ощущают недостаток внимания со стороны газет // *Новые Известия*. 2015. 9 апр.
- [2] *Кола Д.* Политическая социология. М.: Весь мир, 2001.
- [3] *Лантева Е.* Финансовая пирамида Тони Блэра // *Независимая газета*. 2006. 3 апр.
- [4] *Мазаева Д.* Агитация для собак и унитазов. Чем ближе выборы — тем больше жалоб от партий на притеснения // *Независимая газета*. 2011. 28 окт.
- [5] *Рихтер А.* Факт и мнение: взгляд западного правосудия // *Законодательство и практика СМИ*. 1998. № 9—10.
- [6] *Сорокин П.* Человек, цивилизация, общество. М., 1992.
- [7] *Спиллиус А.* Кандидатам на пост президента предстоит пройти испытание сайтом YouTube // *Коммерсантъ*. 2007. 15 марта.
- [8] *Федотова Л. Н.* «Первая» и «вторая» жизнь опросов // *Журналист на выборах. Опыт, проблемы, решения*. М., 1996.
- [9] *Хилгартнер С., Боск Ч. Л.* Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // *Социальная реальность*. 2008. № 2.
- [10] Цвет сетевого бомонда. Интернет-дневники становятся средством рекламы и политической борьбы // *РБК daily*. 2007. 31 янв.
- [11] *Эйдман И.* Реальность виртуальной власти. Электронная демократия: угрозы и перспективы // *Время новостей*. 2010. 12 нояб.
- [12] *Boot W.* Campaign'88: TV overdoses on the inside dope // *Columbia Journalism Review*. 1989. January-February.
- [13] http://www.nytimes.com/2016/01/08/us/politics/ad-wars-of-2016-campaign-erupt-in-a-changing-tv-arena.html?_r=0 (Дата доступа — 15.10.2016).
- [14] http://www.levada.ru/2016/11/18/doverie-smi-i-tsenzura/?utm_source=mailpress&utm_medium=email_link&utm_content=twentyten_weekly_119854&utm_campaign=2016-11-19T13:00:07+00:00 (Дата доступа — 5.02.2016).
- [15] http://www.nytimes.com/2016/01/08/us/politics/ad-wars-of-2016-campaign-erupt-in-a-changing-tv-arena.html?_r=0 (Дата доступа — 15.10.2016).
- [16] См. сайты Real Clear Politics и FiveThirtyEight.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 16 октября 2016.

Дата принятия к печати: 20 ноября 2016.

Для цитирования:

Федотова Л. Н. (2017). Политика — СМК — Политики: Социологическая парадигма // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2017. Т. 22. № 1. С. 99—114.

Сведения об авторе:

Федотова Лариса Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и истории журналистики филологического факультета Российского университета дружбы народов, профессор.

Контактная информация: e-mail: fedotova117437@mail.ru

POLITICS — MEDIA-POLITICIANS: A SOCIOLOGICAL PARADIGM

L.N. Fedotova

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article deals with political communication as the actualization of the interests of different social groups in the different information platforms which are realized the problem of political structures to present their social programs and attract supporters. The possibilities of these areas with a primary focus on the media, as well as the reaction of these activities on the part of the population, in particular, according to sociological research, including the results of the elections in the US — 2016.

Key words: Media, political forces, debates, political advertising, the election race in the United States in 2016

REFERENCES

- [1] Ezhov S. Duma o pechati: Parlamentskie partii oshhushhajut nedostatok vnimanija so strany gazet [Thought about printing: Parliamentary parties feel the lack of attention on the part of newspapers]. *Novye Izvestija* [New News]. 2015. 9 apr. [April 9].
- [2] Kola D. Politicheskaja sociologija [Political Sociology]. M.: Ves' mir [The whole world]. 2001. 169. 260 pp.
- [3] Lapteva E. Finansovaja piramida Toni Bljera [Financial pyramid of Tony Blair]. *Nezavisimaja gazeta* [Independent newspaper]. 2006. 3 apr. [April 3].
- [4] Mazaeva D. Agitacija dlja sobak i unitazov. Chem blizhe vybory — tem bol'she zhalob ot partij na pritesnenija [Campaigning for dogs and toilets. The closer the election — the more complaints from parties in the oppression]. *Nezavisimaja gazeta* [Independent newspaper]. 2011. 28 okt. [March 28].
- [5] Rihter A. Fakt i mnenie: vzgljad zapadnogo pravosudija [Fact and Opinion: Western view of justice]. *Zakonodatel'stvo i praktika SMI* [Legislation and practice of mass media]. 1998. № 9–10.
- [6] Sorokin P. Chelovek, civilizacija, obshhestvo [Man, civilization, society]. M., 1992. 337 p.
- [7] Spillius A. Kandidatam na post prezidenta predstoit proiti ispytanie sajtom YouTube [Candidates for the presidency must pass the test site YouTube]. *Kommersant* [Merchant]. 2007. 15 marta [March 15].
- [8] Fedotova L. N. «Pervaja» i «vtoraja» zhizn' oprosov [“First” and “second” life surveys]. *Zhurnalist na vyborah. Opyt, problemy, reshenija* [Journalist elections. Experience, problems and solutions]. M., 1996.
- [9] Hilgartner S., Bosk Ch. L. Rost i upadok social'nyh problem: koncepcija publicznyh aren [The growth and decline of social problems: the concept of public arenas]. *Social'naja real'nost'* [Social Reality]. 2008. № 2.
- [10] Cvet setevogo bomonda. Internet-dnevnik stanovjatsja sredstvom reklamy i politicheskoy bor'by [Color Network's leading lights. Internet blogs are a means of advertising and political struggle]. *RBK dajli* [RBK daily]. 2007. 31 janv [January 31].
- [11] Jejzman I. Real'nost' virtual'noj vlasti. Jelektronnaja demokratija: ugrozy i perspektivy [Virtual reality power. E-democracy: threats and prospects]. *Vremja novostej* [Time of news]. 2010. 12 nojab [Nov 12, 2010].
- [12] Boot W. Campaign '88: TV overdoses on the inside dope. *Columbia Journalism Review*. 1989. January-February.
- [13] http://www.nytimes.com/2016/01/08/us/politics/ad-wars-of-2016-campaign-erupt-in-a-changing-tv-arena.html?_r=0 [Date of the application: 15.10.2016].

- [14] http://www.levada.ru/2016/11/18/doverie-smi-i-tsenzura/?utm_source=mailpress&utm_medium=email_link&utm_content=twentyten_weekly_119854&utm_campaign=2016-11-19T13:00:07+00:00 [Date of the application: 5.10.2016].
- [15] http://www.nytimes.com/2016/01/08/us/politics/ad-wars-of-2016-campaign-erupt-in-changing-tv-arena.html?_r=0 [Date of the application: 15.10.2016].
- [16] <https://news.mail.ru/politics/27801700/?frommail=1> [Date of the application: 15.10.2016].
- [17] Sm. Sajty Real Clear Politics i FiveThirtyEight [See sites Real Clear Politics и FiveThirtyEight]

Article history:

Received: 16 October 2016.

Revised: 2 November 2016.

Accepted: 20 November 2016.

For citation:

Fedotova L.N. (2017). Politics-Media-politicians: a sociological paradigm. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2017, 22 (1), 99—114.

Bio Note:

Fedotova Larisa Nikolayena, Doctor Philology, Professor the Department of History and Theory of journalism, Faculty of philology, PFUR.

Contacts: e-mail: fedotova117437@mail.ru



УДК 316.77.12.1

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-1-115-122

ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ ОПАСНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАТЕКСТА: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

З.А. Милославская

Московский педагогический государственный университет
Малая Пироговская, 1, Москва, Россия, 119991

В статье рассматривается процесс формирования современного полифункционального медиатекста в информационном пространстве конвергентных СМИ. Высказывается предположение о том, что глобальный медиатекст наряду с уникальными возможностями оперативного детального освещения событий может нести потенциальную опасность для аудитории. Основные угрозы — специфические зависимости (интернет-аддикция, PR-аддикция), травмирующие психику ситуации и даже угроза физическому здоровью и жизни — исходят от веб-текста по причине нечастого и некорректного применения модерации и фактчекинга. Подтверждением опасности некоторых форм медиатекста могут быть признаны инициативы государства по урегулированию происходящего в Сети.

Ключевые слова: медиатекст, веб-текст, PR-аддикция, SM-аддикция, «троллетекст», опасность

Изучению медиатекста посвящено множество исследований: он рассматривается как следствие постмодернистской культуры, часть глобального сетевого пространства, сфера деятельности журналиста и т.д. В центре научного внимания — обширные возможности оперативного полного освещения событий, но тема небезопасности медиаконтента дискутируется все чаще. Оформляется понимание того, что конвергентные СМИ — канал передачи медиатекста — могут быть источником травмирующих ситуаций, зависимостей, распространения ложной информации, средой для внедрения виртуальных конструкций.

Современный медиатекст — продукт конвергенции. Для конвергентных СМИ характерны: глобализация информационного поля, рост скорости новостного потока, широкая доступность информации, гибридизация журналистики, PR и рекламы [4], синтез разных типов текста. Потребитель медиатекста активно вмешивается в процесс создания контента, «играет» с ним, часто сводя первоначальный замысел автора на «нет» [1. С. 41]. Почти одностороннюю традиционную связь «СМИ → аудитория» сменяет диалоговая модель: читатель генерирует свой контент, никем не модерлируемый. Информационное пространство новых медиа не защищено, а его влияние растет.

Характеристики медиатекста наводят на мысль о его потенциальной опасности, исходящей в первую очередь от такой разновидности, как веб-текст, ведь автором в Сети может стать любой. О признании серьезности ситуации в России,

вероятно, говорит принятие законов, регулирующих поведение пользователей, требование открытости соцсетей для спецслужб, постановление о праве нотариусов фиксировать факты троллинга [3]. Анализируя исследования и практический материал, можно выделить как минимум семь видов угроз, исходящих от медиатекста, и большая их часть зарождается в интернет-среде (табл. 1).

Таблица 1

**Опасности, исходящие от медиатекста
[Threats coming from mediatexts]**

Категория опасности	Описание
Интернет-аддикция	Проверка e-mail и аккаунтов без необходимости; веб-серфинг; зависимость от игрового контента
PR-аддикция	Навязчивое стремление к самопрезентации в Сети
Травмирующие ситуации	Конфликты, оскорбления, преследования
Открытость	Личная информация попадает в руки злоумышленников
Распространение ложной информации	Создание «медиареальности» вследствие отсутствия фактчекинга
Внедрение виртуальных/ полувиртуальных конструкций	Сознательная дезинформация. Игра выдвигание в мэры и депутаты животных (США, Канада, Россия, Мексика) и освещение в СМИ; выдвигание в президенты Украины персонажа «Звездных войн» Дарта Вейдера и освещение в СМИ; создание «целевых» виртуальных «экспертов»
Экономические потери	По данным ФБК, потери экономики России от активности в соцсетях в рабочее время за 2013 г. составили от 281,7 до 311,5 млрд руб.

Остановимся на трех категориях из семи упомянутых.

PR-аддикция. Вид зависимости «PR-аддикция» обсуждается в связи с массовым стремлением пользователей к самопрезентации. Результат гибридации журналистики, PR и рекламы в частности в том, что простому читателю стали доступны PR-инструменты (социальные сети, интерактивные СМИ) и он начал «презентовать себя с небывалой активностью» [12. С. 323]. Техническая простота провоцирует забыть о грани между личным и публичным: пользователь повествует об интимном, потому что это его «новости».

Из аккаунта 33-летнего журналиста: Моя любимая — самая лучшая в мире женщина! Ну, кто еще может с утра пораньше перед работой приготовить вкуснящий торт? А еще у нее миллион других достоинств и прекрасных качеств. Мне невероятно ПОВЕЗ-ЛО!)(1);

50-летнего PR-специалиста: Пошла я с утра... на гору, в крепость. Дошла до половины, и вынуждена была сесть, тяжело, пульс высокий. Вот сижу я и думаю, что старость настанет... (2);

52-летнего преподавателя: Н-да... любимая моя действительно молода... Неприлично молода... (3).

Важно подчеркнуть, что цитируемые аккаунты принадлежат людям публичных профессий, но авторы не разделяют деловое и личное: их психологический выигрыш — отклик аудитории.

Отсутствие отклика иногда приводит к травме: история сербки Снежаны Павлович, попавшей в психиатрическую больницу после того, как ее пост в Facebook

не привлёк внимания «друзей» («синдром Снежаны»), стала общим местом [6] (вероятно, можно выделить локальное проявление PR-аддикции — SM-аддикцию — травму от отсутствия или недостаточности отклика в соцсетях). Российский психолог Е. В. Мурашова доказала «наркотическую» природу зависимости от самопрезентации и просмотра медиатекста, предложив 68 испытуемым (12–18 лет) отказаться от Сети и мобильной связи и прожить 8 часов наедине с собой: справились три человека. В процессе почти все испытали беспокойство, страх; у пяти человек фиксировались проявления «панической атаки»; у трех возникли суицидальные мысли [8].

Подвид PR-аддикции — «селфидемия» и ее крайность «селфицид» — гибель при попытке сделать экстремальное селфи [10. С. 36–37, 39–40].

Травмирующие ситуации. Источник травмирующих ситуаций — диалог: пользователи конфликтуют в Сети, а так называемые «тролли» провоцируют их, размещая грубые сообщения. Цели «троллей» разные: «любителю» нужно выделиться, «профессионал», нанятый заказчиком, отвлекает участников диалога от острой темы. Последнее десятилетие троллинг находится в фокусе внимания западных исследователей. Описаны следующие поведенческие особенности «тролля»: он агрессивен, конфликтен, склонен к обману, уходит от ответа на вопросы и активно задает свои [16. С. 236–238]. Устанавливается связь между склонностью к троллингу и садизмом [15. С. 100]. Поскольку главный инструмент троллинга — текст в СМК, вероятно, есть основания выделить в массиве медиатекста такую составляющую, как «троллетекст». Понятие это пока не оформлено: существуют лишь разрозненные упоминания в Рунете в виде частной переписки. Анализ доступного материала можно представить в виде следующей таблицы (табл. 2).

Таблица 2

«Троллетекст» — формирующийся вид медиатекста
[“Trolley text” — new kind of media text]

Адресат	Интернет-сообщество; пользователи соцсетей
Цель	Привлечь внимание к себе; отвлечь от острой темы
Задачи	Оскорбить, задеть, отнять время; обмануть; вовлечь в перепалку
Канал	Интернет в целом; соцсети
Авторство	Коллективный автор
Характеристика	Диалог по форме, монолог по сути: автор принципиально не слышит собеседника; провокационность; авторитарность; исполнение от примитивного до изысканного; часто несоблюдение правил русского языка; часто анонимность, использование вымышленных имен, пола, профессии; придирки к словам
Жанр	Комментарий, реже авторская колонка
Формат	Текст, видео, аудио, фото, анимация, графика (фотожабы)
Классификация по типу «авторства»	Профессиональный (оплаченный)
	Любительский («для себя»)

Возможная классификация по специфике с примерами (<i>орфография сохранена</i>)	Неадекватный агрессивный: отсутствие смысла; наличие агрессии и элементов оскорбления. Реакция на журналистский материал об уходе Марии Гайдар из правительства Михаила Саакашвили [5]: «устранение двух агентов кГБ машиборовик и сашигайдар это серьезное поражение лубянки. ну а саак просто дурачёк — за коровку его барыга офшорный взял. и тут же назначи себе двух чекистских агентов в замы. таких придурков лубянка бережёт. саак может смело чай луговой пить. ценный кадр»
	Неадекватный миролюбивый: отсутствие смысла; отсутствие агрессии и элементов оскорбления. Ответ пользователя Facebook на пост с вопросом о том, как выглядит традиционная классификация жанров фотографии. «Я не все понял-это тоже !!иначе неинтересно..Извсех последних постов и тем-это Лучший!Потому что Вас это Лично интересует “Вы”-Зоя задаете этот личный и интересный вопрос и фото-”Я”-не “Я”Стена -это Ваше “Я”-и нам интересно с Вами общаться а не с Авторами статей-у них свои страныки.Мое мнение=это и есть тэкономический ответ соцсетей на вызовы Кризиса.Финансы-не в бюджет-а в лидеров науки коммуникаций культуры.Стена и аватара с друзьями-пробраз клуба офф-лайн.В клубенет экономики.....Там общий бильярд боулинг теннис....Отдохнуть можно и на лужайке !!!Мой “клуб”-Волга и рыбаки.Мы-несметно богаты!Удочки-черви-спининги-и вся Волга-твоя!Приезжайте-в сезон путины!Убедитесь что отдых-лучшее вложение!А для друзей-у нас все-бесплатно!Даже еду на уху сами наловите!))_,» (4)
	Адекватный панибратский: не лишённое смысла мнение; отсутствие агрессии и элементов оскорбления; тон неуважительный/снисходительный. Реакция на авторскую колонку Ирины Ясиной о снижении Сбербанком процента по депозитам [13]: «У папы спроси, почему российская банковская система такая убогая — он и его дружки ее такой в 90-е построили. :(»
	Адекватный оскорбительный: наличие смысла; наличие агрессии и элементов оскорбления; часто попрание человеческих ценностей. Реакция главы Союза молодых лидеров инноваций Татарстана Рамиля Ибрагимова на теракт в гей-клубе Орландо (США): «... Еще 53 находятся в больнице — жаль, что не сдохли. Очень надеемся, что все же подохнут. Союз молодых лидеров инноваций искренне поддерживает эту убедительную акцию!» [2]

Тема, безусловно, нуждается в дальнейшем изучении, но предварительно мы хотели бы указать, что опасность «троллетекста» лежит в сферах: эмоциональной, психологической и психического здоровья.

Опасность в реальной жизни. Медиатекст может быть также источником проблем физического свойства. Немалую опасность представляют открытые сервисы, определяющие наличие собственности по номеру мобильного телефона [14]. Актуальна для открытого доступа и проблема мелкого воровства: пользователь, выложивший в соцсеть фото своего билета на концерт, рискует потерять место в зале [7].

Похищение детей и подростков с использованием информации их аккаунтов, — мировая проблема. В России самый громкий эпизод произошел в 2011 году, когда был похищен сын главы «Лаборатории Касперского» Е. Касперского, после чего Касперский написал открытое письмо, обратив внимание на то, что молодые люди оставляют в социальных сетях слишком много сведений о себе [11].

Резюмируя, отметим, что современный медиатекст может быть как способом детального оперативного информирования, так и весьма опасным инструментом. Основные угрозы исходят от такой его разновидности, как веб-текст. Анализируя, где именно в Сети существует наибольшая вероятность получить зависимость или попасть в травмирующую ситуацию, можно предположить, что медиатекст в соцсетях несет большую угрозу, чем на интерактивных площадках СМИ. В отличие от скудного инструментария СМИ, соцсети дают универсальные возможности самопрезентации, и потенциальные PR-аддикты стремятся именно сюда. Аудитория соцсетей глобальна, в то время как пользователи информационных сайтов либо интересуются узкой тематикой, либо задерживаются на них ради словесной перепалки.

Наибольший резонанс традиционно имеют медиатексты на политические, экономические, социальные темы — им посвящена большая часть «троллетекстов», как в СМИ, так и в соцсетях; деструктивный диалог/полилог характерен также для профессиональных сообществ: конструировать его наиболее удобно в соцсетях. Опознавательными признаками троллетекста могут быть: агрессивность, деструктивность, авторитарность, абсурдность, оскорбительный/снисходительный тон, анонимный автор, ненормативная лексика и орфография, использования фотожаб, уход от ответа через генерацию новых вопросов (диалог по форме, монолог по сути). Троллетекст, как правило, выполнен в формате комментария, реже — авторской колонки. Тематика — любая: основной ход «тролля» — придирки к словам, цель — привлечь внимание. Примечательно, что сами СМИ осознают опасность медиаконтента: предупреждают об этом пользователя, размышляют о сетевом этикете [9].

Открытость конфиденциальных документов — проблема Сети в целом, соцсети же помогают популяризировать личные сведения, размещенные на информационных и справочных ресурсах.

Среди уже осознанных исследователями и самими СМИ опасностей можно выделить семь видов: интернет-аддикция (PR-аддикция — ее подвид), травмирующие ситуации (троллинг), открытость конфиденциальных документов, внедрение виртуальных конструкций, распространение непроверенной и заведомо ложной информации, экономические потери от использования социальных сетей в рабочее время. Сегодня очевидно, что современный медиатекст потенциально способен нанести вред его автору и потребителю контента современных СМК.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Facebook. Аккаунт пользователя Яковлева Е., 06.07.16/ URL: <https://www.facebook.com/evgeniy.yakovlev?fref=ts>
- (2) Facebook. Аккаунт пользователя Грязновой Ю., 13.04.16/URL: <https://www.facebook.com/julia.gryaznova.3?fref=ts>
- (3) Facebook. Аккаунт пользователя Гудкова П., 18.03.15/URL: <https://www.facebook.com/profile.php?id=100000139597962&fref=ts>
- (4) Facebook. Аккаунт пользователя Милославской З., 10.03.16/ URL: <https://www.facebook.com/zoya.miloslavskaya>

© Милославская З.А., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Волкова И.И.* Тест в интернет-журналистике: особенности игрового формата // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. III. С. 40—42.
- [2] *Громов А.* Терроризм оправдал — место потерял // *Газета.ru* [Электронный ресурс]: URL: <http://m.gazeta.ru/social/2016/06/17/8312843.shtml> (Дата обращения: 16.09.16).
- [3] За оскорбление в соцсетях можно будет получить компенсацию // *Известия*. [Электронный ресурс]: URL: <http://izvestia.ru/news/616327> (Дата обращения: 16.09.16).
- [4] *Зорин К.А.* Медиасистема как совокупность «информационных торнадо» // *Медиаскоп* [Электронный ресурс]: URL: <http://www.mediascope.ru/node/1655> (Дата обращения: 16.09.16).
- [5] *Кириллов Д., Линник А.* Мария Гайдар покидает свой пост // *Газета.ru* [Электронный ресурс]: URL: http://www.gazeta.ru/politics/2016/05/10_a_8224325.shtml#comments (Дата обращения: 16.09.16).
- [6] *Костерина Л.* Соцсети — яд и лекарство // *Росбалт* [Электронный ресурс]: URL: <http://www.rosbalt.ru/style/2014/09/30/1321170.html> (Дата обращения: 16.09.16).
- [7] *Лихачев Н.* Москвич не попал на концерт Black Sabbath после публикации в Инстаграме билета с «Яндекс.Афиши» // *Tjournal.ru* [Электронный ресурс]: URL: <https://tjournal.ru/31761-moskvich-ne-popal-na-koncert-black-sabbath-posle-publikacii-v-instagrame-bileta-s-yandeksafishi> (Дата обращения: 16.09.16).
- [8] *Мурашева К.* Кого боятся подростки // *Сноб* [Электронный ресурс]: URL: <https://snob.ru/selected/entry/45522> (Дата обращения: 16.09.16).
- [9] *Павлов А.* Мальчик, ты не прав // *Газета.ru* [Электронный ресурс]: URL: http://m.gazeta.ru/column/pavlov_a/10144049.shtml (Дата обращения: 16.09.16).
- [10] *Сандомирский М.* Культ публичности: почему «эпидемия» селфи рискует превратиться в эпидемию селфицида. Взгляд психотерапевта // *Дети в информационном обществе*. 2015. № 21. С. 36—43.
- [11] Соцсети способствуют похищению детей // *Вести. Net* [Электронный ресурс]: URL: http://radiovesti.ru/episode/show/episode_id/10653 (Дата обращения: 16.09.16).
- [12] *Суходолов А.П., Бычкова А.М.* «PR-аддикция» как новый вид поведенческой зависимости // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2015. Т. 4. № 4. С. 321—334.
- [13] *Ясина И.* Вклад «Бесперспективный» // *Газета.ru* [Электронный ресурс]: URL: <http://www.gazeta.ru/comments/column/yasina/s63357/8222945.shtml#comments> (Дата обращения: 16.09.16).
- [14] *AVinfo* [Электронный ресурс]: URL: <http://avinfo.guru/> (Дата обращения: 16.09.16).
- [15] *Buckels E.E., Trapnell P.D., Paulhus D.L.* Trolls just want to have fun // *Personality and Individual Differences*. 2014. Vol. 67. P. 97—102.
- [16] *Hardaker C.* Trolling is asynchronous computer-mediated communication: From user discussions to academic definitions // *Journal of Politeness Research*. 2010. Vol. 6. No. 2. P. 215—242.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 2 ноября 2016.

Дата принятия к печати: 2 декабря 2016.

Для цитирования:

Милославская З.А. (2017). Потенциальная опасность современного медиатекста: причины и следствия // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. Т. 22. № 1. С. 115—122.

Сведения об авторе:

Милославская Зоя Александровна, соискатель кафедры русской литературы Института филологии и иностранных языков Московского педагогического государственного университета.

Контактная информация: e-mail: zmiloslavskaya@gmail.com

POTENTIAL THREAT OF MODERN MEDIA TEXT: CAUSES AND CONSEQUENCES

Z.A. Miloslavskaya

Moscow State Pedagogical University
Malaya Pirogovskaya str., Moscow, Russia, 119991

This paper considers the process of shaping the modern multifunctional media text in the information space of convergent media. An assumption is made that the global media text, while providing unique capability of rapid and detailed news coverage, may be potentially harmful for the audience. The major threats are specific addictions such as the internet addiction and PR addiction, mentally traumatic situations, and even health damaging and life threatening conditions. These threats may be caused by infrequent and incorrect moderation and fact checking. Recent initiatives by the State aimed at regulating the web may be considered as evidence of threats coming from certain forms of media text.

Key words: media text, web-text, PR-addiction, SM-addiction, “troll-text”, threat

REFERENCES

- [1] Volkova I.I. Test v internet-zhurnalistike: osobennosti igrovogo formata [Test in Internet Journalism: Specifics of Game Format]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2014. № 12 (42): v 3-h ch. Ch. III. S. 40—42.
- [2] Gromov A. Terrorizm opravdal — mesto poterjal [Terrorism has Justified — Position Lost]. *Gazeta.ru*. URL: <http://m.gazeta.ru/social/2016/06/17/8312843.shtml> (Data obrashhenija: 16.09.16).
- [3] Za oskorblenie v socsetjah mozno budet poluchit' kompensaciju [One Can Get Compensation for Insulting through Social Network]. *Izvestija*. URL: <http://izvestia.ru/news/616327> (Data obrashhenija: 16.09.16).
- [4] Zorin K.A. Media System as a Complex of «Information Tornados». *Mediascope*. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1655>(Data obrashhenija 16.09.16).
- [5] Kirillov D., Linnik A. Marija Gajdar pokidaet svoj post [Mariya Gajdar is Leaving her Position]. *Gazeta.ru*. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2016/05/10_a_8224325.shtml#comments (Data obrashhenija: 16.09.16).
- [6] Kosterina L. Socseti — jad i lekarstvo [Social Network — a Poison and a Medicine]. *Rosbalt*. URL: <http://www.rosbalt.ru/style/2014/09/30/1321170.html> (Data obrashhenija: 16.09.16).
- [7] Lihachev N. Moskvich ne popal na koncert Black Sabbath posle publikacii v Instagrame bileta s «Jandeks.Afishi» [A Moscovite could not Get to the Black Sabbath Show after Reposting a Ticket from <https://afisha.yandex.ru/>]. *Tjournal.ru*. URL: <https://tjournal.ru/31761-moskvich-ne-popal-na-koncert-black-sabbath-posle-publikacii-v-instagrame-bileta-s-yandeksafishi> (Data obrashhenija: 16.09.16).
- [8] Murasheva K. Kogo bojsjsja podrostki [Whom Teens are Afraid of]. *Snob*. URL: <https://snob.ru/selected/entry/45522> (Data obrashhenija: 16.09.16).
- [9] Pavlov A. Mal'chik, ty ne prav [Boy, You are not Right]. *Gazeta.ru*. URL: http://m.gazeta.ru/column/pavlov_a/10144049.shtml (Data obrashhenija: 16.09.16).
- [10] Sandomirskii M. Kul't publichnosti: pochemu «jepidemija» selfi riskuet prevratit'sja v jepidemiju selficida. Vzgljad psihoterapevta [The cult of publicity: why the «epidemic» risks becoming an epidemic of self-suicide. Counsellor's looking]. *Deti v informacionnom obshhestve*. 2015. № 21. P. 36—43.
- [11] Socseti sposobstvujut pohishheniju detej [Social Network Contributes to Kidnapping Children]. *Vesti.Net*. URL: http://radiovesti.ru/episode/show/episode_id/10653 (Data obrashhenija: 16.09.16).

- [12] Suhodolov A.P., Vychkova A.M. «PR-addikcija» kak novyj vid povedencheskoj zavisimosti [“PR Addiction” as New Form of Behavioral Dependence]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 2015. Vol. 4. № 4. P. 321—334.
- [13] Jasina I. Vklad «Besperspektivnyj» [An “Unattractive” Deposit]. *Gazeta.ru*. URL: <http://www.gazeta.ru/comments/column/yasina/s63357/8222945.shtml#comments> (Data obrashhenija: 23.08.16).
- [14] AVinfo. URL: <http://avinfo.guru/> (Data obrashhenija: 23.08.16).
- [15] Buckels E.E., Trapnell P.D., Paulhus D.L. Trolls just want to have fun. *Personality and Individual Differences*. 2014. Vol. 67. P. 97—102.
- [16] Hardaker C. Trolling is asynchronous computer-mediated communication: From user discussions to academic definitions. *Journal of Politeness Research*. 2010. Vol. 6. No. 2. P. 215—242.

Article history:

Received: 2 November 2016.

Revised: 16 November 2016.

Accepted: 2 December 2016.

For citation:

Miloslavskaya Z.A. (2017). Potential threat of modern media text: causes and consequences. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 22 (1), 115—122.

Bio Note:

Miloslavskaya Zoya Alexandrovna, student of Department of Russian literature, Institute of philology and foreign languages, Moscow pedagogical state university.

Contacts: e-mail: zmiloslavskaya@gmail.com



УДК 316.77.001

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-1-123-129

МАССОВЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПОТОКИ В СВЕТЕ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

В.И. Чердниченко

Кубанский социально-экономический институт
ул. Камвольная, 3, Краснодар, Россия, 350018

В статье отмечается неразработанность такой узловой проблемы журналистиковедения, как массовые информационные потоки. Предпринята попытка рассмотрения проблемы информационных потоков под синергетическим углом. Сформулированы правила, описывающие специфику и характер функционирования массовых информационных потоков в социуме. Показано, что информационный поток представляет собой сложную динамическую систему, состоящую из множества относительно самостоятельных подсистем, представленных информационными притоками. В свете исследования информационная картина мира предстает проекцией глобального информационного потока. Констатируется небезопасность для человека информационных потоков как глобальной саморазвивающейся системы, способной оказывать непредсказуемое и нежелательное влияние на его сознание и поведение.

Ключевые слова: массовые информационные потоки, информационный поток, информационный приток, информационная картина мира, журналистиковедение, синергетика

В 2009 году в статье «Журналистиковедение как научная дисциплина» автор этих строк, оценивая состояние науки о журналистике, отмечал, что последняя сумела преодолеть лишь первый из четырех порогов дискурсивных формаций — порог позитивности, подойдя к порогу эпистемологизации [5. С. 22].

Последнее десятилетие не ознаменовалось какими-либо концептуальными сдвигами. Стала еще более очевидной неравномерность развития отдельных структурных частей дисциплины. Целый ряд подобластей до сих пор не получил должного освещения. Актуальность такого, например, сегмента, как массовые информационные потоки очевидна: без разработки вопросов их функционирования узловые проблемы циркулирования в социуме информации останутся нерешенными. И это притом что процессы коммуникации стали обнаруживать в последнее время все большую зависимость от информационной среды. Тем не менее проблему функционирования информационных потоков большинство исследователей журналистики предпочитает обходить стороной. Попытки других исследователей коснуться ее мимоходом не приводят к полновесным результатам.

В журналистиковедении бытуют весьма абстрактные определения информационного потока как «способа актуального существования массовой информации» [2. С. 33], под которые можно подвести и другие понятия. Встречаются и совсем узкие дефиниции, которые ограничивают объем массовых информаци-

онных потоков «текстами, созданными разными видами деятельности: научной, художественной и собственно журналистской, включенными в четко выраженную структуру газет, журналов, радио и телепередач» [8].

Среди определений информационных потоков в других областях знания обращает на себя внимание одно из них, принятое в логистике, согласно которому «поток информации — это группа данных, рассматриваемых в процессе ее движения в пространстве и времени в одном направлении. У этих данных есть общий источник и общий приемник. Поток, состоящий из смысловых структурных элементов, называют сообщением» [1].

Поскольку данное определение мало подходит для нужд журналистиковедения, автором настоящего исследования было предложено следующее определение.

С точки зрения журналистиковедения информационный поток — циркулирующее в заданный момент времени по каналам массовых и межличностных коммуникаций неопределенное множество адресных и безадресных сообщений, обладающих свойством общественной значимости, оказывающее определенное психологическое, идеологическое или иное воздействие на массовое сознание [6. С. 87].

В данной статье автор предпринял попытку применить к изучению проблемы массовых информационных потоков синергетический подход, открывающий новые перспективы. Поэтому дефиниция информационного потока приобрела иной вид (см. ниже правило 1); для задач исследования было введено также понятие информационного притока как одной из подсистем рассматриваемой системы.

Ставя вопрос о миграции идей и терминов из одной науки в другую, автор отдавал себе отчет в том, что «главное условие корректной корреляции двух дисциплин (ведущее к интердисциплинарному исследованию) — не мнимое сходство объектов этих дисциплин (объекты разных наук разноприродны), а открытость теоретико-методологических основ двух дисциплин к взаимодействию, приводящему к новой, более широкой точке зрения на объект» [7. С. 103—104].

Следует иметь в виду, что понятия «массовый информационный поток» и «информационная картина мира» отсылают нас к объектам умозрительным и идеальным; ни один субъект не в состоянии воспринимать эти объекты с помощью органов чувств. Мысль о том, что журналистская картина мира является «особой формой знания» [2. С. 46], не вызывает серьезных возражений, правда, специалистам полезно заключить конвенцию: какие параметры этой картины следует принимать во внимание, а какими можно пренебречь.

Относительно массовых информационных потоков может быть сформулирован ряд правил, обладающих большей или меньшей степенью жесткости.

1. Информационный поток представляет собой сложную динамическую систему, состоящую из множества относительно самостоятельных подсистем, представленных информационными притоками.

2. Попадая в информационный поток, приток, сохраняя часть своих свойств, подпадает под воздействие законов более высокого порядка.

3. Число одновременно циркулирующих информационных потоков может быть сколь угодно большим.

4. Каждый поток имеет время жизни — он зарождается, претерпевает эволюцию, диссипацию, распад и гибель.

5. Состояние хаоса (к которому может, например, привести информационное противоборство) не обязательно является для потока фатальным — он может вернуться к состоянию неустойчивого равновесия в случае, если успеет выбрать аттрактор — перспективную «точку» на своем эволюционном пути.

6. Фазовое пространство потока негомогенно, поэтому вычислить фазовую траекторию потока можно лишь с допуском значительной погрешности.

7. Информационный поток является неравновесной системой, предпочитающей нелинейное развитие.

8. Множество потоков возникает стихийно и без видимых причин сходит на нет; траектории движения других потоков пересекаются, вследствие чего возникает информационное противоборство, могущее перейти в информационную войну.

9. Информационный поток, запускаемый специализированными институтами по производству информации, формируется из данных, обрабатываемых профессиональными поставщиками информации (как агентствами, редакциями, так и журналистами), а также более или менее случайными лицами (участниками событий, свидетелями происшествий и пр.) и распространяемых через любые информационные сети.

10. Часть потока занимает приток слухов, которые изначально распространяются через каналы устной коммуникации. К притоку подключается также информация, идущая от частных лиц: участников событий, свидетелей происшествий и т.д.

11. Информационные потоки, создаваемые специализированными институтами по производству информации, не имеют единого «центра», поэтому контуры реальности, формируемые СМИ, изменчивы и непредсказуемы.

12. Децентрализация в меньшей степени свойственна отдельным притокам, в большей — информационному потоку в целом.

13. Каждый активный член общества подпадает под воздействие тех или иных потоков информации. Степень вовлеченности индивида в поток зависит от целого ряда факторов: установки, возраста, профессии, темперамента, хобби и др. Она может быть минимальной для членов отдельных сообществ (например, тех, которые культивируют «природный» образ жизни) или религиозных общин. Потери здесь не столь велики, как это может показаться на первый взгляд: не следует забывать, что информационная картина мира — это навязанные потребителю извне представления о реальности, а не сама реальность.

14. Вступая с потребителями информации в коммуникацию, потоки могут менять не только свою изначальную траекторию, но и структуру, при этом рассчитать эффект от столкновения прямых и обратных связей практически не представляется возможным.

15. Характер функционирования информационных потоков позволяет провести более уместную аналогию со стихийными природными явлениями, а не с результатами целенаправленной человеческой деятельности.

16. Отдельно взятая информационная единица может произвести «микровзрыв» в потоке, вызвав резкое изменение как траектории информационного потока, так и его интенсивности. Истинной целью целого класса дезинформативных притоков является воздействие на структуру информационного потока — напрашивается аналогия с вирусом, который поражает жизнотворную среду.

17. Взрывам и другим критическим моментам в жизни потока предшествует высокая степень нестабильности системы. «Вблизи точек бифуркации в системах наблюдаются значительные флуктуации, — поясняет ситуацию И. Пригожин. — Такие системы как бы колеблются перед выбором одного из нескольких путей эволюции <...>. Небольшая флуктуация может послужить началом эволюции в совершенно новом направлении, которое резко изменит все поведение макроскопической системы» [3. С. 23].

18. В результате машинной обработки данных информационных потоков формируется информационная «картина дня» с выделением с помощью контент-анализа ключевых слов-указателей, что, в свою очередь, способствует сортировке событий и новостей по степени релевантности и/или востребованности.

19. Если отдельные потоки могут мелеть и пополняться, то глобальный информационный поток никогда не иссякает. Более того — он неуничтожим, пока существует цивилизация, ибо является производным от ее коммуникационной деятельности.

20. Степень доверия к информационному потоку выше, чем к отдельному медиапродукту. Срабатывают законы психологии восприятия: факт, «подтвержденный» множеством источников, становится «достовернее». В последние годы бóльшим доверием потребителей стали пользоваться информационные потоки, растекающиеся по блогам.

21. Степень структурированности массовых информационных потоков может быть разной: многое зависит от целевых установок отправителей информации и потребностей получателей информации. По степени структурированности можно выделить следующие виды потоков:

— *сверхжесткие* — создаются специальными государственными службами и ведомствами для служебного и внутриведомственного пользования; распространяются по специально выделенным закрытым каналам;

— *жесткие* — создаются государственными институтами власти; распространяются по специально выделенным открытым каналам;

— *полужесткие* — создаются специализированными социальными институтами (в частности, журналистского профиля) по производству информации; распространяются по специально выделенным открытым каналам;

— *мягкие* — создаются отдельными сообществами, объединениями, организациями, группами и частными лицами; распространяются по каналам межличностных и массовых коммуникаций — вербальным, визуальным, перформансным. Основной материал потока — вторичная информация; немалый удельный вес принадлежит сегменту слухов.

Если отдельным информационным потокам можно придать определенное направление, то управлять потоками в информационном обществе с учетом скорости распространения информации нереально. Управление потоками осуще-

ствимо лишь в тоталитарном государстве при содействии института цензуры, правда, в этом случае речь должна идти не столько об управлении потоками, сколько о формировании информационных потоков нужного типа. Такие потоки могут иметь некий искусственно поддерживаемый «центр», однако на фоне функционирования других потоков значение центра будет неуклонно нивелироваться; при смешении с другими потоками тенденция к децентрализации возрастает.

В открытом демократическом обществе взаимодействие потоков имеет вид «броуновского движения», а не игры с четко прописанными правилами.

В связи с развитием новых информационных технологий самозарождение потоков стало обычным явлением. Законы распространения потоков, их направленность, абберрации и срок жизни должным образом не изучены. Уподобляясь цунами, поток может, разрушить все воздвигаемые на его пути защитные барьеры. Возможны и другие сценарии.

Информационная картина мира — проекция глобального информационного потока. Это «полотно» с постоянно меняющимся контентом и координатами. Журналистская картина мира «всегда в той или иной степени мифологична» [2. С. 45]. С журналистской картиной мира коррелирует журналистская картина дня — «сумма существенных событий настоящего времени». «Мифологичность... этого концепта, — замечает И.В. Силантьев, — заключается в том, что его *невозможно* реализовать в том совершенном виде, в котором мы *убежденно* его воспринимаем: вместо собственно *картины* в газетах нам обычно предлагают не более чем *фрагменты*, причудливый и достаточно случайный коллаж которых мы и принимаем — потому что *верим* этому — за полноту и целостность образа» [4. С. 57; курсив автора].

Информационные потоки как глобальная саморазвивающаяся система в принципе небезопасны для человека, поскольку способны оказывать непредсказуемое и нежелательное влияние на его сознание и поведение. Выработка эффективных способов защиты от информационных потоков со временем станет актуальной социальной задачей.

© Чередниченко В.И., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Информационные потоки и необходимость их автоматизации // <http://old.mkgmt.ru/files/materials/1000/p1-2.html> (дата обращения: 24.10.2016).
- [2] *Лазутина Г.В.* Основы творческой деятельности журналиста: учебник для студ. вузов. 2-е изд. М., 2010.
- [3] *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М., 1986. 432 с.
- [4] *Силантьев И.В.* Газета и роман: Риторика дискурсных смешений. М., 2006. 224 с.
- [5] *Чередниченко В.И.* Журналистиковедение как научная дисциплина // Альянс: Актуальные проблемы журналистиковедения и смежных областей знания: Сб. ст. / Отв. ред. В.И. Чередниченко. Краснодар, 2009. С. 16—22.
- [6] *Чередниченко В.И.* Массовые информационные потоки как объект изучения журналистиковедения // Экономика. Право. Печать: Вестник Кубанского социально-экономического института. 2015. № 4. С. 86—90.

- [7] *Чередниченко И.В.* Программа Международного Центра интердисциплинарных исследований // *Чередниченко В.И. Журналистиковедческие штудии. Приложение*. Краснодар, 2015. С. 103—105.
- [8] *Чигринская Л.Ф.* Основы журналистики. Тамбов, 2001. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gurn/Chigrinskaya/3.php (дата обращения: 24.10.2016).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 1 ноября 2016.

Дата принятия к печати: 20 ноября 2016.

Для цитирования:

Чередниченко В.И. (2017). Массовые информационные потоки в свете синергетического подхода // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2017. Т. 22. № 1. С. 123—129.

Сведения об авторе:

Чередниченко Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Кубанского социально-экономического университета.
Контактная информация: e-mail: vc7er@yandex.ru

MASS INFORMATION FLOWS IN VIEW OF (IN THE LIGHT OF) SYNERGETIC APPROACH

V.I. Cherednichenko

Kuban Social and Economic Institute
Kamvol'naja str., 3, Krasnodar, Russia, 350018

In the article the immaturity is detected of such a key problem of the science of journalism as mass information flows. An attempt was made to consider the problem of information flows at a synergetic angle. The rules were formulated describing the principle and mode of operation of mass information flows in society. It is shown that the information flow represents a complex dynamic system consisting of a multitude of relatively independent subsystems represented by information inflows. In the context of study the world information picture appears as the projection of global information flow. The insecurity is identified for a person from information flows as a global self-developing system capable of having an unpredictable and undesirable impact on his/her perception and behavior.

Key words: mass information flows, information flow, information inflow, the world information picture, the science of journalism, synergetics

REFERENCES

- [1] *Informacionnye potoki i neobhodimost' ih avtomatizacii* [Information Flows and the Need for Their Automation]. Available at: <http://old.mkgt.ru/files/materials/1000/p1-2.html> (Accessed 24 Oct 2016).
- [2] *Lazutina G.V. Osnovy tvorcheskoj dejatel'nosti zhurnalista* [Basics of Journalist's Creative Activity]: *Uchebnik dlja studentov vuzov*. [Manual for the Students of Higher Education Institutions]. 2nd ed. Moscow, 2010. 241 p.

- [3] Prigogine I., Stengers I. Porjadok iz haosa: Novyj dialog cheloveka s prirodoy [Order out of Chaos: A New Dialogue of Man with Nature]. Moscow, 1986. 432 p.
- [4] Silant'ev I.V. Gazeta i roman: Ritorika diskursnyh smeshenij [Newspaper and Novel: The Rhetoric of Discourse Combinations]. Moscow, 2006. 224 p.
- [5] Cherednichenko V.I. Zhurnalistikovedenie kak nauchnaja disciplina [Science of Journalism as Scientific Discipline]. Al'jans: Aktual'nye problemy zhurnalistikovedenija i smezhnyh oblastej znanija: Sbornik statej [Alliance: Actual Problems of the Science of Journalism and Related Branches of Knowledge: Collection of Articles]. Ed. by V.I. Cherednichenko. Krasnodar, 2009. Pp. 16–22.
- [6] Cherednichenko V.I. Massovye informacionnye potoki kak obekt izuchenija zhurnalistikovedenija [Mass Information Flows as the Subject Matter of Science of Journalism]. Jekonomika. Pravo. Pechat': Vestnik Kubanskogo social'no-jekonomicheskogo institute [Economics. Law. Press: The Messenger of Kuban Social and Economic Institute]. 2015. No. 4. Pp. 86–90.
- [7] Cherednichenko I.V. Programma Mezhdunarodnogo Centra interdisciplinarnyh issledovanij [The Program of The International Centre for Interdisciplinary Studies]. Cherednichenko V.I. Zhurnalistikovedcheskie shtudii. Prilozhenie [The Studies of Science of Journalism. Appendix]. Krasnodar, 2015. Pp. 103–105.
- [8] Chigrinskaja L.F. Osnovy zhurnalistiki [Basics of Journalism]. Tambov, 2001. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gurn/Chigrinskaya/3.php (Accessed 24 Oct 2016).

Article history:

Received: 1 November May 2016.

Revised: 10 November 2016.

Accepted: 20 November 2016.

For citation:

Cherednichenko V.I. (2017). Mass information flows in view of synergetic approach. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2017, 22 (1), 123–129.

Bio Note:

Cherednichenko Vladimir Ilyich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Journalism and mass media communications, Kaban' Social and Economic institute.

Contacts: e-mail: vc7er@yandex.ru



УДК 316.77.12.1

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-1-130-140

ДИСКУРСНЫЕ ПРАКТИКИ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ МЕДИАКОММУНИКАЦИИ В ИНТЕРНЕТЕ

В.В. Барабаш, М.А. Чекунова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются основания и предпосылки для оформления такого дискурсного подвида, как политико-административный сетевой медиадискурс. Ссылаясь на разнообразие подходов к пониманию дискурса в теории и практике современной филологии и коммунологии, авторы с помощью приведенных примеров выявляют ряд оригинальных характеристик, позволяющих в совокупности прийти к обоснованному выводу о том, что политико-административный сетевой медиадискурс — это целостная динамическая совокупность мотивированных текстов, развитие и цельность которой обусловлены традициями и культурой речевого действия, характерными для политико-административной сферы сетевой медиакommunikации.

Ключевые слова: дискурс, политико-административная коммуникация, медиа, Интернет, язык, речь

Понятие дискурса в современном языкознании имеет широкое разнообразие интерпретаций и трактовок, что связано с основным условием его рассмотрения во всей совокупности многочисленных факторов, которые относятся к сферам культурологии, социологии, философии, филологии и др. Задача познания языка в аспекте всех условий его реального функционирования ставит исследователей в сложную ситуацию выявления меняющихся, развивающихся характеристик в живом процессе постоянно изменяющейся жизни. Как замечает В.И. Карасик, понятие «дискурс» стало шире понятия «язык». Изучением дискурса занимались и продолжают заниматься многие отечественные и зарубежные ученые. Так, взаимодействие участников речевого акта и окружающего мира, целевые установки автора и адресата рассмотрены в трудах Н.И. Арутюновой, В.И. Кибрик, Е.Н. Красиной, А.Г. Формановской, Н.А. Шмелёва. Порождение и восприятие текста, его динамика в процессе формирования речевого высказывания исследованы Л.С. Выготским, Э.Я. Лурией, Н.И. Леонтьевым и др. Вопросы внутритекстовой связности и целостности были поставлены в работах А.И. Акишиной, В.Г. Солганика, Э.Е. Гаспарова и др. О культурно-социальной и коммуникативной обусловленности дискурса писали Дж. Белл, Л.И. Крысин, В.И. Карасик и др.

К анализу компьютерно опосредованной интернет-коммуникации в различных аспектах обращались многие отечественные филологи: Н.А. Ахренова, Е.Н. Галличкина, Е.И. Горошко, О.В. Лутовинова, С.В. Михайлов, П.В. Морослин,

И.Г. Сидорова, Г.Н. Трофимова. Все они сходятся в том, что Интернет — это особая коммуникативно-информационная среда или коммуникативное пространство, опосредованное электронным коммуникативным каналом. Хотя к электронным каналам коммуникации можно причислить также и телефон, и радиовещание, и телевидение, но именно Интернет в совокупности с компьютером оказали наиболее существенное влияние на речевые коммуникационные процессы, способствовали появлению их новых, специфических характеристик.

Для текстов политико-административного сетевого медиадискурса более всего, пожалуй, приемлем подход В.И. Карасика, который определяет дискурс как «интерактивную деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения» [6. С. 6].

В связи с открытым перечнем дискурсных характеристик определенную сложность представляет выработка принципов единой классификации дискурсов. Их многообразие демонстрирует разнообразие окружающей жизни и бесконечное множество нюансов коммуникативных ситуаций. Наиболее оптимальным нам представляется разграничение типов дискурса по различным принципам реализации коммуникативных ситуаций: по сфере общественной деятельности, свойствам адресата, способу или форме общения, временным ограничениям, теме или ситуации общения и т.д.

В зарубежных исследованиях выделяются два подхода к теории дискурса: французский, подчеркивающий важность нормативности текстов (Фуко), и англосаксонский, ориентированный на выявление коммуникационных намерений (Бенвенист). Однако и в том, и в другом аспектах выделяются такие ведущие признаки, как интенциональность, адекватность, тематичность, информативность. Все они характерны и для политико-административного сетевого медиадискурса. Безусловны и очевидны коммуникационные намерения авторов блоговых записей в политико-административной сфере, которые производятся с целью воздействовать на общественное мнение. Все записи обычно объединены коммуникативным намерением совместной реализации принятых решений или потенциальными возможностями для улучшения жизни и быта населения. В то же время тексты максимально конкретизированы и наполнены социально значимой информацией. Наконец, блоговые записи политико-административного медиадискурса должны быть адекватны как ситуации общения с аудиторией по определенной теме, так и условиям компьютерно-сетевого общения, которые диктуют тексту определенные ограничения, с одной стороны, и расширенные возможности — с другой.

В ходе исследований интернет-коммуникации в целом был сформулирован ряд основополагающих признаков: полифоничность, гипертекстовость и интерактивность, дистантность и анонимность, эмоциональность и раскрепощенность, с одной стороны, и стереотипность — с другой. Для выделяемого нами политико-административного сегмента блогосферы все эти качества сохраняют свою значимость и приобретают дополнительные оригинальные свойства.

Полифоничность проявляется в том, что в блоге может поддерживаться одновременно разговор с неограниченным числом пользователей, причем в обсуждении может быть задействовано несколько тем:

В ответ Приходил: KomarovaNatalya@KomarovaNatalya 23 февр. 2012 г.: @130881Anita Сегодня прав-во утвердило кандидатуру директора. Поручила ему разобраться, помогите С.Г., пожалуйста:)

В ответ татьяна котонен: KomarovaNatalya@KomarovaNatalya 23 февр. 2012 г.: @ktakta1818 Извините, сразу не ответила, хотела лично проверить. Вчера купила себе единый билет на все соревнования в «Арена Югра».

В ответ Виталий МАТУШКИН: KomarovaNatalya@KomarovaNatalya 23 февр. 2012 г.: @MatushkinVitaly Не возьмусь судить об этом. Думаю, это трудно сделать. Имею ввиду не адм. решения, а наполнение, содержание проекта.

В ответ Виктор Рындин: KomarovaNatalya@KomarovaNatalya 23 февр. 2012 г.: @kislodovsk2 в том числе на Вашу пенсию работают. За Ваш шахтерский труд -поклон)

По справедливому замечанию Е.И. Горошко, «возможность гиперссылочного аппарата позволяет читателю не только следовать авторскому развертыванию текста, но и осуществлять собственную навигацию» [3]. Гипертекстовые и интерактивные возможности блога используются в политико-административном сетевом медиадискурсе всесторонне. Это и единовременное совмещение трех сегментов коммуникации: блога, микроблога и страницы в Instagram, и размещение ссылок на материалы других сетевых ресурсов, СМИ и проч., информация которых для автора имеет значение:

GeorgiyPoltavchenko@G_Poltavchenko 7 июл. 2012 г.: Хорошая инициатива “@rianru: Лео Бокерия участвует в акции “Прогулка с врачом” <http://instagr.am/p/MyFrVnvBAp/>”.

Несмотря на то, что «характеристика “анонимности” дает ощущение полной свободы и раскованности, позволяет раскрыться и поделиться своими сокровенными тайнами или желаниями, спросить совета, а также обеспечивает защищенность от внешнего контроля и общепринятых норм морали» [4. С. 41], участники политико-административной сетевой коммуникации в неформальном сегменте блогосферы предпочитают открытое общение. При объективной дистантности между автором блога и обществом анонимность оказывается не актуальна, так как данный вид коммуникации между представителями власти и населением настроен на открытость и откровенность диалога. Хотя представители аудитории имеют полную возможность вести коммуникацию под своим сетевым псевдонимом, как это обычно и бывает. В данном случае традиционная псевдонимность сетевого общения оказывается менее востребованной, что может свидетельствовать о росте зрелости и самосознания гражданского общества.

По мнению Е.И. Горошко, «коммуникативное пространство Интернета представляет уникальный полигон для построения виртуальной языковой личности: способы ее самопрезентации и творческой самореализации» [3]. Важнейшей новой характеристикой политико-административного общения в Интернете становится добровольность и желательность контактов, что существенно расширяет возможности участников общения в реализации их творческого начала. Сам

формат блоговых записей и работы блогера с виртуальным пространством и сетевыми ресурсами предполагает постоянные изменения, а следовательно, и поиск новых адекватных способов предоставления информации.

Эмоциональная насыщенность, которая достигается в письменности путем использования палитры оценочных, экспрессивных и образных языковых средств, становится новой оригинальной характеристикой для политико-административного общения, делая его менее официозным и приближенным к живому человеческому разговору:

GeorgiyPoltavchenko@G_Poltavchenko 16 июн. 2012 г.: Даже подумать не мог, что мы не выйдем из группы ((((((((((; GeorgiyPoltavchenko@G_Poltavchenko 20 мая 2012 г.: Урааааа!!!Мы Чемпионы !!!!

Свобода слова в политико-административном дискурсе проявляется в том, что участники общения нацелены на конкретный результат, достижение которого требует добровольного отказа от речевых ненормативных вольностей в интересах общего дела, хотя раскрепощенность проявляется в снижении официозности и переходе в область разговорной стилистики:

Валерий Шанцев@shantsevvp 5 сент. 2012 г.: Я сам ходил на разных судах. Мой младший брат занимался каноэ. Я тоже пробовал, но было тяжело — все время переворачивался))

Стереотипизация и установочность действительно начинают играть особую роль в реализации политико-административного медиадискурса. Склонность к стереотипичности обуславливается его компьютерно-сетевой опосредованностью, сложностями письменного воспроизведения устной речи, стремлением приблизить ситуацию виртуальной коммуникации к реальному разговору, осуществляемому здесь и сейчас, что также проявляется в выборе языковых, речевых и стилистических средств:

KomarovaNatalya@KomarovaNatalya 21 нояб. 2011 г.: @34663ru Алло! Водила! Я имела ввиду тех, кто это будет читать:))

Ключевые качества политико-административного интернет-медиадискурса выявляются сразу по нескольким основаниям. В аспекте общественной деятельности он относится к сфере политического администрирования, по свойствам адресата — к среде наиболее активной части общества, сконцентрированного на определенной территории региона или области. Способ общения реализуется посредством информационных технологий, форма общения — неофициальная, обусловленная коммуникативными традициями блогосферы. Временной период данного дискурса ограничивается лишь периодом выполнения тем или иным блогером его политико-административных обязанностей, тематика общения также определяется самими коммуникантами, но в целом касается жизни региона и всей страны.

В данном случае наблюдается то слияние личностно-ориентированной и статусно-ориентированной коммуникации, о которых говорит В.И. Карасик [7], так как представитель политико-административного общения сообщает в своих бло-

гах об общественно значимых событиях и решениях, но окрашивает свое сообщение в эмоционально-экспрессивные тона личного отношения к данным событиям:

Александр Ткачёв@antkachev 17 дек. 2014 г.: Возвращение Крыма в Россию — величайшее историческое событие, которое вся страна безоговорочно поддержала. Тогда это нас объединило, сплотило; Александр Ткачёв@antkachev 17 дек. 2014 г.: И мы вместо того, чтобы еще больше объединиться, побежали в обменники, скупать валюту той страны, которая пытается нас уничтожить.

Так в одном лице совмещается формальный и неформальный статус адресанта. Личностность данного типа дискурса определяется эмоциональной оценкой содержащейся в сообщении информации. Статусность же или институциональность определяется теми социальными ролями, которые выполняют участники дискурса. Особенностью такой коммуникативной ситуации становится обиходно-бытовое упрощение статусно-ориентированного типа дискурса, при котором незнакомые в реальной жизни люди, имеющие различное положение в обществе, становятся ближе, опираясь единовременно и на сокращенный и расширенный коды общения, о которых говорит Б. Бернштейн [14]. Таким образом, одновременно происходит и реализация этих статусно-социальных ролей участников общения, и раскрытие внутреннего мира адресанта.

В 1952 году американский лингвист З. Харрис обращается к анализу связной речи и предлагает выйти «за пределы одного предложения в данный момент времени для соотнесения культуры и языка» [15. С. 10]. В то же время Э. Бенвенист впервые употребляет термин «дискурс» в значении характеристики речевого высказывания, «присваиваемой говорящим». Такое присвоение или наделение индивидуальными характеристиками особенно свойственно высказываниям неофициальной сферы интернет-общения, о чем пишет в своем исследовании Г.Н. Трофимова, рассматривая специфику функционирования языка в речевом интернет-пространстве. Действительно, именно в Интернете язык «действует» особенно активно, так как, по справедливому утверждению Г.Н. Трофимовой, личность предстает в Интернете прежде всего в своей языковой оболочке, в виде «я-текста», т.е. «приведения языка в действие посредством индивидуального акта его использования» [13. С. 177]. В совокупности данные подходы дают ведущий вектор для изучения политико-административных высказываний в медиасреде Интернета: изучать текст в его целостном представлении и с учетом позиции говорящего и ситуации порождения высказывания.

В отечественном языкознании еще в начале 70-х годов XX века широко развернулись исследования русского языка в сфере функциональной стилистики, основанные на учении о функциональном стиле, разработанном в трудах Л.В. Щербы, Г.О. Винокура, А.М. Пешковского, В.В. Виноградова и др. Их идеи стали опорой для дальнейших исследований Т.Г. Винокур, М.Н. Кожинной, В.В. Одицова, О.А. Крыловой, в которых изучение функционального стиля сближается с понятием дискурса по ряду параметров. Так, идеи Т.А. Ван Дейка, И. Беллелта, П. Серио, М. Стаббса и др. были переработаны на основе уже утвердившихся в функциональной стилистике понятий о связном тексте, диалоге, устно-разговорной форме текста и о тематической связанности групп высказываний. При

исследовании интернет-высказываний данные понятия становятся ключевыми. Связность текста в Интернете априори наглядно реализуется в технологических возможностях гиперструктурирования интернет-пространства. Диалогичность также является сущностным признаком интерактивного интернет-общения. Устно ориентированная разговорность как доминантная характеристика подробно разбирается в монографии Г.Н. Трофимовой об особенностях функционирования русского языка в Интернете. Тематическое структурирование интернет-контента проявляется в организации блогосферы по принципу сообществ по интересам.

В политико-административном виртуальном медиадискурсе связность текста реализуется в усложненной конструкции, объединяющей несколько блогговых ресурсов: микроблог в Твиттере, блог в Живом Журнале и фотографии в Instagram. Примером такого трехуровневого представления информации является твиттер губернатора Московской области А. Воробьева, который часто сопровождает свои твиттер-записи ссылками на свой же блог в Живом журнале и на свой аккаунт в Инстаграме.

Отмечая возросшую медийность информационного пространства, многие современные исследователи выделяют публицистический дискурс, дискурс масс-медиа, медиадискурс, медийный дискурс. Также наблюдается усиление медийности других сфер общественной деятельности, например, медиадискурс политической направленности, который понимается как совокупность медиатекстов, относящихся к политической сфере общества.

Рассматривая специфику медиадискурса, Е. Кожемякин отмечает, что это не только «специфический тип речемысленной деятельности, характерный исключительно для информационного поля масс-медиа», но и «любой вид дискурса, реализуемый в поле массовой коммуникации, продуцируемый СМИ» [8. С. 15]. В таком случае можно говорить о политическом, научном, деловом и политико-административном медиадискурсах.

Сфера публичной политико-административной деятельности отчетливо выделяется в информационном пространстве и включает в себя все, что связано с политико-административным управлением. Если публичность политики является общепризнанным условием ее реализации, то администрирование до недавнего времени не являлось публичным. Однако в результате активного расширения сферы политико-административного интернет-общения в блогосфере она обретает устойчивые черты медийности.

Основой для выработки представления о политико-административном дискурсе может послужить определение политического дискурса, которое сформулировали А.Н. Баранов и Е.Г. Казакевич: «Совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом, образует политический дискурс» [1. С. 6]. В отличие от текста, дискурс представляет собой не просто некое законченное образование, но динамическое целое, развитие которого определяется взаимосвязью и взаимовлиянием его текстовых элементов. Именно такая взаимосвязь блогговых высказываний определяет развитие политико-административного медиадискурса.

Если понятие политико-административной коммуникации охватывает всю совокупность способов действия (взаимодействия) в политико-административной сфере, то понятие дискурсивного действия в данной сфере связано исключительно с текстовой деятельностью субъектов политического администрирования. Основной целью такого действия является формирование (стабилизация или изменение) образа мысли и действий других социальных субъектов». В политико-административном медиадискурсе Интернета дискурсивное действие является публичным, изначально ориентированным на публичное распространение, хотя и сохраняющим иллюзию приватности, свойственную неформальному сегменту информационного пространства, а именно блогосфере.

Основными функциями публичного политико-административного медиадискурса в Интернете являются формирование общественного мнения и установление прочного и тесного контакта с общественностью, достижение договоренностей и реализация совместно принятых решений по управлению обществом. В рамках политико-административного виртуального медиадискурса взаимодействие власти и общества культурно обусловлено и имеет речевое воплощение в текстах, которые отражают политико-административные и общественные мотивации:

Вениамин Кондратьев@kondratyevvi 15 авг.: Мало кому везет встретиться с победителем Олимпиады, что называется, с пылу, с жару. Лагерю «Регион 93» повезло.

В данном высказывании используется словосочетание «с пылу с жару», которое в русском языке является фразеологизмом, имеющим устойчивую культурную коннотацию.

Для рассмотрения функционирования политико-административного виртуального дискурса более всего подходит модель А.Е. Кибрика, в которой структура дискурса раскрывается во взаимодействии действительности, коммуникативной ситуации и речевого акта. Действительностью в таком случае становится жизнь определенного политико-географического региона или субъекта. В качестве коммуникативной ситуации следует рассматривать блогосферу как постоянно открытую площадку для непосредственного общения политической администрации с наиболее активными представителями формирующегося гражданского общества на любые темы, которые та или другая сторона считают общественно значимыми. В таком случае речевыми актами становятся те высказывания, которые создают обе стороны на страницах блогов и микроблогов представителей органов политико-административной власти.

Данный подход позволяет обратить более пристальное внимание на адресата и его потребность в извлечении из полученного высказывания важных знаний и информации, необходимой для дальнейших конкретных действий. Поэтому коммуникативное намерение становится ключевым вопросом для рассмотрения контекста, в который погружен сам текст. При этом автор высказывания воплощает в нем свои коммуникативные намерения в различных видах: информирование, воздействие, убеждение и др. Так, по мнению О.С. Иссерс, «в самом общем смысле стратегия включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а

также реализацию этого плана» [5. С. 45]. В политико-административном виртуальном медиадискурсе под коммуникативной стратегией следует понимать речевые действия, которые осуществляются с учетом экстралингвистических особенностей, прежде всего — предполагаемой ответной реакции представителей гражданского общества, их социального статуса, пола, уровня образования, культуры, общественно-политической, экономической, международной ситуации и пр. К таким речевым действиям и следует отнести продуцирование текстов в микроблогах и блогах представителей государственной политической администрации, которые реализуют свои коммуникативные стратегии при помощи определенных коммуникативных тактик, т.е. речевых приемов и языковых средств или коммуникативных ходов.

Коммуникативные стратегии и тактики являются предметом изучения многих отечественных языковедов, которые рассматривают коммуникативные стратегии и как глобальное намерение адресанта, и как совокупность речевых действий, нацеленных на исполнение этого намерения. Обе стратегии, безусловно, присущи и политико-административному медиадискурсу в интернет-пространстве, также нацеленному на воздействие, которое во многом реализуется за счет диалогической направленности и сближения адресанта и адресата в условиях виртуального общения. Неслучайно, многие исследователи отмечают общую тенденцию размытия границ между официальным и неофициальным общением даже на уровне СМИ. Так, М.А. Кормилицына отмечает, что «стратегия близости к адресату становится генеральной стратегией СМИ ... адресат при этом становится существенно значимым участником общения» [9. С. 19]. Е.М. Лазуткина говорит о кооперативной стратегии, которая на основе общих ценностных ориентиров становится ведущим этическим принципом диалога в СМИ [10]. На наш взгляд, в политико-административном интернет-медиадискурсе основной становится именно кооперативная стратегия, которая обеспечивает установление доверительных взаимоотношений между адресантом и адресатом. Таким доверительным отношениям способствует и общая атмосфера интернет-общения в неформальной обстановке блогосферы. Если же в процессе коммуникации и присутствует стремление скрыто направить адресата к реализации чуждых ему намерений, что составляет суть манипуляции, то формат блогов подразумевает критическое осмысление, оценку содержания высказывания, а не пассивное следование указаниям автора:

Алексей Островский ретвитнул(а): Алексей Малый@AlekseyMalyi 17 дек. 2012 г.: @a_ostrovskiy Алексей, люди живут, эмоциями, ощущениями. Пусть смоляне больше радуются жизни! А критики ... захлёбываются желчью.

Восприятие и понимание являются одновременно и ключевыми, и крайне неоднозначными процессами, которое в то же время имеют решающее значение для эффективности дискурса. Как справедливо утверждает А.И. Новиков, «понимание — это сложный мыслительный процесс, проходящий ряд этапов, в результате чего происходит активное преобразование словесной формы текста, представляющее собой многократное перекодирование. Областью кодовых переходов является внутренняя речь, где совершается переход от внешних кодов язы-

ка к внутреннему коду интеллекта, на основе которого формируется содержание текста как результат понимания» [11. С. 117]. Важно, что и воспроизведение, и понимание высказывания должны опираться на имеющиеся у адресанта и адресата общие фоновые знания исходные представления о мире. Для политико-административного интернет-медиадискурса это условие выходит на ключевую позицию именно в связи с потребностью коммуникантов в выработке общих подходов к решению конкретных проблемных ситуаций.

Итак, принимая во внимание все разнообразие подходов к трактовке и пониманию специфики дискурса, для политико-административного медиадискурса в виртуальной сфере наиболее существенным является ситуативный подход, определяющий дискурс как связный текст в совокупности с такими экстралингвистическими факторами, как коммуникативные намерения автора, взаимоотношения автора и адресатов, контекст ситуации общения, общие тенденции развития языка, жанра и стиля, ассоциативные связи с предыдущим опытом и общая картина мира у автора и адресатов. Таким образом, политико-административный сетевой медиадискурс — это целостная динамическая совокупность мотивированных текстов, развитие и цельность которой обусловлены традициями и культурой речевого действия, характерными для политико-административной сферы сетевой медиакommunikации.

© Барабаш В. В., Чекунова М. А., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Баранов А. Н., Казакевич Е. Г.* Парламентские дебаты: традиции и новации (советский политический язык: от ритуала к метафоре). М.: Знание, 1991. 163 с.
- [2] *Васильев Г. Н., Зобов Р. А., Келасьев В. Н.* Проблемы индивидуального и коллективного разума. СПб.: СПбГУ, 1998. 135 с.
- [3] *Горошко Е. И.* Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии. Саратов: Издательский центр «Наука», 2009. Выпуск 6 «Жанр и языки» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=206> (дата обращения 10.04.2015).
- [4] *Иванов Л. Ю.* Язык Интернета: заметки лингвиста // *Словарь и культура русской речи*. М.: Азбуковник, 2000.
- [5] *Иссерс О. А.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.
- [6] *Карасик В. И.* О типах дискурса // *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина*. Волгоград: Перемена, 2000. 228 с.
- [7] *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- [8] *Кожемякин Е. А.* Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2010. № 12. Т. 6. С. 13—21.
- [9] *Кормилицына М. А.* Как помочь адресату правильно интерпретировать сообщение? // *Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной*. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2014. Вып. 14. С. 14—26.
- [10] *Лазуткина Е. М.* Публицистический стиль: новые черты. М.: Эйдос, 2008. 79 с.
- [11] *Новиков А. И.* Семантика текста и ее формализация. М.: Наука, 1983. 215 с.

- [12] Проблемы индивидуального и коллективного разума / Г.Н. Васильев, Р.А. Зобов, В.Н. Келасьев / под. ред. д-ра филос. наук В.Н. Келасьева. СПб.: Изд-во С.- Петерб. ун-та, 1998. 175 с.
- [13] *Трофимова Г.Н.* Языковой вкус интернет-эпохи в России. М.: РУДН, 2009. 304 с.
- [14] *Bernstein B.* Social Class, Language and Socialization // *Language and Social Context: Selected Readings*. Harmondsworth: Penguin, 1979. P. 157—178.
- [15] *Harris Z.* Discourse analysis // *Language*. Baltimore. 1952. Vol. 28. N 17. P. 1—30.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15 октября 2016.

Дата принятия к печати: 20 ноября 2016.

Для цитирования:

Барабаш В.В., Чекунова М.А. (2017). Дискурсные практики политико-административной медиакommunikации в Интернете // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2017. Т. 22. № 1. С. 130—140.

Сведения об авторе:

Барабаш Виктор Владимирович, доктор филологических наук, заведующий кафедрой массовых коммуникаций филологического факультета Российского университета дружбы народов.

Контактная информация: e-mail: barabash.victor@gmail.com

Чекунова Марина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций филологического факультета Российского университета дружбы народов.

Контактная информация: e-mail: chekunova@gmail.com

PRACTICES OF POLITICAL-ADMINISTRATIVE DISCOURSE IN MEDIA COMMUNICATIONS ON THE INTERNET

V.V. Barabash, M.A. Chekunova

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

This article discusses the reasons and conditions for the registration of such discourse subspecies, as politico-administrative network media discourse. Referring to the diversity of approaches to understanding discourse in the theory and practice of modern philology and mass media, the author with the help of examples reveals a number of original features that enable him to collectively arrive at a reasoned conclusion that politico-administrative network media discourse is a complete dynamic set of motivated texts, development and integrity which arise from the traditions and culture of speech actions, typical of the political and administrative sphere of network media communications.

Key words: discourse, politico-administrative communication, media, Internet, language, speech

REFERENCES

- [1] Baranov A.N., Kazakevich E.G. *Parlamentskiye debaty: traditsii i novatsii* [Parliamentary debate; traditions and novations]. M.: Znaniye publishers, 1991. 163 p.
- [2] Vasilyev G.N., Zobov V.N., Kelasyev G.N. *Problemy individual'nogo i kollektivnogo razuma* [Problem of individual and collective mentality]. Saint-Petersburg, 1998. 135 p.
- [3] Goroshko E.I. *Internet-zhanr i funktsionirovaniye yazyka v internete: popytka refleksii* [Internet genre and language functioning in Internet: attempt of reflection]. Saratov center "Nauka", 2009. Issue 6. Available at: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=206> (10.04.2015).
- [4] Ivanov L.Yu. *Yazyk interneta: zametki lingvista* [The language of Internet; linguist' notes]. Slovar' i kul'tura russkoi rechi [Vocabulary and culture of Russian language]. M.: Azbukovnik, 2000.
- [5] Issers O.A. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative strategy and tactics of Russian language. 5th]. M.: LKI Publishers, 2008. 288 p.
- [6] Karasik V.I. *O tipakh diskursa* [About the types of discourse]. *Yazykovaya lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs* [Language personality: institutional and personal discourse]. Volgograd: "Peremena" Publishers, 2000. 228 p.
- [7] Karasik V.I. *Yazykovi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: person, concepts, discourse]. Volgograd: "Peremens" Publishers, 2004. 277 p.
- [8] Kozhemyakina E.A. *Massovaya kommunikatsiya i mediadiskurs: k metodologii issledovaniya* [Mass communication and media discourse]. *Bulletin of Belgorod university. Human sciences series*. 2010. № 12. Vol. 6. P. 13—21.
- [9] Kormilitsina M.A. *Kak pomoch' adresatu pravil'no interpretirovat' soobstcheniye* [How to interpret a message correctly?]. *Problems of speech communication*. Saratov university, 2014. Issue 14. P. 14—26.
- [10] Lazutkina E.M. *Publitsisticheskiy stil': novye cherty* [Public style: new features]. M.: Eidos Publishers, 2008. 79 p.
- [11] Novikov A.I. *Semantika teksta i ee aornalizatsiya* [Text semantics and its formalization]. M.: Nauka, 1983. 215 p.
- [12] *Problema individual'nogo i kollektivnogo razuma* [The problem of individual and collective mentality]. Editor V.N. Kelasyev. Saint-Petersburg university, 1998. 175 p.
- [13] Trofimova G.N. *Yazykovoy vkus internet epokhi v Rossii* [Language test of internet epoch in Russia]. M.: PFUR, 2009. 304 p.
- [14] Bernstein B. *Social Class, Language and Socialization // Language and Social Context: Selected Readings*. Harmondsworth: Penguin, 1979. P. 157—178.
- [15] Harris Z. *Discourse analysis // Language*. Baltimore. 1952. Vol. 28. N 17. P. 1—30.

Article history:

Received: 15 October 2016.

Revised: 30 October 2016.

Accepted: 20 November 2016.

For citation:

Barabash V.V., Chekunova M.A. (2017). Practices of political-administrative discourse in media communications on the Internet. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2017, 22 (1), 130—140.

Bio Note:

Barabash Viktor Vladimirovich, Doktor of Philology, Professor, Head of the Department of mass communications. PFUR.

Contacts: e-mail: barabash.victor@gmail.com

Chekunova Maria Anatolyevna, Candidate of Philology, Assistant professor of the Department of mass communications. PFUR.

Contacts: e-mail: chekunova@gmail.com



УДК 316.77

654.191

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-1-141-155

РОССИЙСКАЯ РАДИОЖУРНАЛИСТИКА ПЕРИОДА ЗАРОЖДЕНИЯ: СПЕЦИФИКА ПЕРВЫХ ФОРМ

О.В. Тихонова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
ул. Моховая, д. 9, Москва, Россия, 125009

В данной статье рассмотрен важный период зарождения отечественной радиожурналистики в формах радиogramм и радиовестников. Переданные с помощью радиотелеграфа, они принимались локальными специальными станциями и получали массовое распространение в печатных газетах, листовках, бюллетенях, плакатах, достигая массовой аудитории. Автор предлагает аналитический обзор текстовых материалов архивной папки одного из московских выпусков «Радиовестника РОСТА».

Ключевые слова: радиожурналистика, радиовещание, тематика, история, Россия

Введение

В первое послеоктябрьское десятилетие XX века появились различные направления практического применения радио — как в техническом (радиоэлектроника, радиолокация и др.), так и в социально-культурном (радио пропаганда, радиожурналистика, радиоискусство и др.) отношениях. В свое время профессор В.Н. Ружников ввел в научный оборот понятие «радиослужба», определяя его как функционирующее радио, которое отвечало самым разным потребностям на тот момент нового общественного строя в Советской России — экономическим, социальным, политическим, гражданским, военным, внутренним и международным [10. С. 6].

Указанное понятие предполагает радиосвязь как в узком значении данного слова (связь), так и в его более широком (информация и пропаганда с помощью радио). Кроме того, оно одновременно подчеркивает деятельный характер явления как такового, а также включенность радио в процессы функционирования общества.

Журналистика, которая основывалась на технических возможностях радио как средства информации, именно в структуре радиослужбы страны зарождалась и проходила свой путь становления — фазы ее развития (1). Радио, на начальном этапе служившее исключительно техническим средством связи, постепенно приобретало функции массовой пропаганды, агитации и организации граждан.

Внутри радиослужбы возникли первые формы отечественной радиожурналистики, причем они касались не только радиосообщений, которые представляли

собой массовую информацию пропагандистского толка, но и процесса организации, управления для обеспечения нормальной деятельности радиожурналистики, а также тех форм, с помощью которых тексты оперативно распространялись в пространстве.

Организации по делам радио

Если общеимперской системы радиосвязи, единого органа управления радиосвязью в дореволюционной России не существовало, то уже в первые месяцы советской власти были заложены основы государственного руководства не только делом радиотехнического строительства, но и использования радио как средства информирования и просвещения масс (оно имело особое значение для работы среди малограмотного и неграмотного населения, для культурного развития деревни и развертывания пропаганды (особенно на Востоке). Это стало неотъемлемым принципом политики государства, в основе которой — идея централизации пропаганды.

В стране шла организация государственной радиотехнической сети. В апреле 1918 года Совет народных комиссаров РСФСР (Совнарком, СНК) создал специальную комиссию для разработки плана развития радиотелеграфного дела. Во всех губерниях и многих уездных городах строились приемные радиотелеграфные станции. К лету 1918 года технические установки действовали в 75 пунктах республики в радиусе от тысячи до тысячи двухсот километров от Москвы [7. С. 11]. От Советского правительства на радиостанции были командированы комиссары.

Принятый Совнаркомом 19 июля 1918 года Декрет о централизации радиотехнического дела РСФСР стал заметным государственным документом, положившим начало созданию в области радио управленческих структур, которые занимались радиовещанием на протяжении всей его истории. Наиболее мощные радиостанции страны (Ходынская в Москве, Детскосельская под Петроградом, Тверская, Ташкентская, Кушкинская и Хабаровская), склады и крупные ремонтные мастерские, а также штатный персонал радиоспециалистов из военного и морского ведомств перешли в распоряжение Народного комиссариата почт и телеграфов (Наркомпочтель), созданного вместо ликвидированного Министерства почт и телеграфов [2. С. 58—61].

При Радиотелеграфном отделе Наркомпочтеля действовал Радиотехнический совет, в состав которого входили ответственные работники, назначавшиеся народным комиссаром. Нахождение радиотехники в ведении гражданского ведомства создавало материальные и юридические условия для использования радио в качестве средства широкой внутренней и внешней связи. Вопрос управления технической базой радиопропаганды имел государственную важность.

По Декрету о централизации радиотехнического дела РСФСР Наркомпочтель руководил радиостанциями как комплексом технических средств, и творческая содержательная составляющая их функционирования не входила в круг компетенций сотрудников ведомства. Наркомпочтель выделял квоту на определенный временной отрезок для РОСТА, Народного комиссариата иностранных дел (Наркоминдел) и Народного комиссариата по военным и морским делам (Наркомвоенмор), имевших право пользоваться радиостанциями.

Кроме решения вопросов радиостроительства и радиотехники, процесс централизации затронул не менее важную задачу — создание централизованной информационной службы для обеспечения радиостанций новостным и пропагандистским материалом, создания текстов для радиопередач. Итак, имел ли место скоординированный, регулярный процесс сбора с помощью радио журналистской информации, подготовки, передачи и распространения сообщений?

Вопросы согласования действий прессы и радиотелеграфа, централизации информации не раз стояли в повестке дня заседаний Совнаркома. Так, согласно решению СНК от 7 декабря 1917 года, все декреты надлежало передавать радиотелеграфом для более оперативной публикации на территории России. Как информационный орган при Совете народных комиссаров РСФСР Петроградское телеграфное агентство (ПТА) готовило материалы для газет, поставляло информацию для Советского правительства. Сотрудникам ПТА была поручена в первые годы советской власти подготовка сообщений для передачи по радио.

Структура станций, передававших информацию, еще не предусматривала журналистский, редакторский аппарат. Тексты готовились редакционными службами сначала в рамках Бюро печати в Москве и Петроградского телеграфного агентства. Отсюда они и поступали на радиостанции. Бюро печати направляло в основном официальные документы советской власти, ПТА снабжало Царско-сельскую, Ходынскую и другие станции текущими новостями. В сентябре 1918 года на базе указанных организаций было создано Российское телеграфное агентство (РОСТА), ставшее центральным информационным органом страны, в котором велась подготовка базового материала для газет, журналов и радиостанций.

Радиосвязь с зарубежными странами обеспечивал отдел пропаганды Народного комиссариата иностранных дел [12]. Последний вместе с Народным комиссариатом почт и телеграфов и РОСТА образовали в 1918 году своеобразный союз, в структурах которого формировались и действовали органы управления радиоделом (2), зарождались будущие организационные формы отечественной радиожурналистики.

Радиограммы как радиотелеграфные сообщения

Фразу о передаче «Всем! Всем!», сообщившей о победе большевиков: «голос матроса с “Авроры” возвестил миру...» — вписал в историю нашей страны в 1930-е гг. И.В. Сталин. Конечно, голоса не было — и речь могла идти в то время только об использовании в данных целях азбуки Морзе [14. С. 9—10]. В начальный период развития радио как средства оперативной массовой информации (1917—1919 гг.) радиограмма стала исторически первой универсальной формой зарождавшейся в Советской России радиожурналистики.

Радиоэфир первой четверти XX века заполнил магический звук «морзянки» — точек и тире. Однако известное ленинское «Всем! Всем!» слышали только специально обученные и допущенные к специальной аппаратуре, в основном, военные радисты, поскольку еще шла Первая мировая война. Передававшиеся одной радиостанцией и принимавшиеся другой в зашифрованной форме распоряжения советской власти носили служебный характер отчасти: остальные были расчи-

таны на расшифровку и распечатку для «всех, всех» в виде листовок или газетных статей [4. С. 164].

На первый взгляд, речь в данном случае идет о радиотелеграфных сообщениях, которые были присущи радиосвязи дореволюционной России и не относились к массовой информации и пропаганде. С другой стороны, они все чаще не только наполнялись значимо новым содержанием, но и приобретали новую структуру, лексику, стилистику.

Работа по созданию массового радиовещания и радиослушания только началась. Господствующее положение еще занимал радиотелеграф, радиотелефонный передатчик находился в стадии разработки. Радио пока не являлось самостоятельным средством информации: отсутствовали привычные формы организации вещания, радио не могло поддерживать прямого, непосредственного контакта с широкой аудиторией из-за несовершенства технического оборудования и должно было обращаться к посредничеству техники печатной.

В сотрудничестве с газетными изданиями, оценившими важность оперативной информации, получаемой с помощью радио, новое средство общения выполняло культурно-просветительские функции, организаторские задачи. Радиотелеграф как служебное средство связи, ограниченное двумя участниками отправки и приема сообщений, постепенно превращался в средство обращения ко «Всемир! Всемир!».

С одной стороны, никаких существенных перемен в технологии радиотелеграфа с дореволюционного времени не произошло. Радио использовалось как средство связи, аналогичное телеграфу, но в отличие от проволочного телеграфа, оно не нуждалось в проводах, для него не существовало территориальных границ в передаче информации. С другой стороны, социальное назначение радио коренным образом изменилось. Сообщения приобрели информирующий, агитационно-пропагандистский смысл. Средство связи на фоне своей технической природы (передачи сообщений на расстояние) изменило свою социальную функцию и сделало первые шаги в процессе превращения в средство массовой информации в современном значении этого понятия.

Радиограмма — это переходная форма, которая уже не совпадала полностью с традиционными формами печатной информации, но еще не являлась полноценной формой устной, звучащей информации. Структура радиограммы, ее языковые и стилистические характеристики учитывали такие немаловажные факторы, как обращенность к широкой аудитории, массовое (иногда — слуховое) восприятие информации. Миллионами рабочих, крестьян и солдат радиограммы воспринимались на понятном, доступном и близком им языке.

С первых лет Советской власти радио выполняло функцию постоянного оповещения населения о важнейших событиях в стране и за рубежом в кратчайшие сроки на большой территории (газеты же публиковали материалы лишь на следующий день). В форме радиограмм передавались правительственные постановления, воззвания, приказы, обращения к Красной армии, народу, призывы к рабочим и крестьянам, декреты, директивы, инструкции, информация, сводки, объявления, тезисы, открытые письма. Радиограммой в равной мере могли быть и официальная служебная записка, и горячий призыв к действию. Материалы,

составлявшие основное содержание радиотелеграфных передач, в некоторой степени явились своего рода пражанрами радиожурналистики.

«Радиовестник РОСТА»: зарождение журналистских форм

Весьма заметный шаг в формировании системы регулярных оперативных передач в России был сделан 7 сентября 1918 года созданием ежедневной передачи «Радиовестник РОСТА» Российским телеграфным агентством. Выпуски передавались Ходынской (Московской) радиотелеграфной станцией несколько раз в сутки, в соответствии со строго фиксированным графиком — прообразом сетки (расписания) передач.

На страницах газет уже можно было познакомиться с материалами таких рубрик, как «Радио», «Радиограммы», «Последние сообщения радио». Значительную часть содержаний местных газет составляли сообщения радиотелеграфных станций Москвы и Петрограда о жизни страны за пределами данной губернии, уезда, волости, а также о международных событиях [10. С. 21]. К 1919 г. тематика радиотелеграфных сообщений значительно расширилась: кроме общеполитической информации и экономических новостей, появилась культурная хроника.

В литературной основе «Радиовестника» — подготовленный для процесса отправки и приема по радиотелеграфу достаточно сложный текст; подборка информационных, оперативных, тематически разнообразных, сверстанных в целостную передачу сообщений. И в этих типологических особенностях «Радиовестника» видятся ближайшие и более отдаленные перспективы отечественной радиожурналистики, наметившиеся контуры ее будущих форм и жанров: *«Живые нити этих связей тянутся от первых информационных радиограмм до “Радиогазеты РОСТА”. Создание “Радиогазеты РОСТА”, а вслед за ней многих других радиогозет было не началом, а завершающей фазой этого процесса»* [10. С. 14].

Объем (листаж) периодического информационного «радиовестника» не был фиксированным, но его структура от выпуска к выпуску сохранялась. Несколько рубрик включали краткие информационные сообщения на разные темы (экономика, культура, международные новости, обзоры прессы). Начиналась передача с официальной, правительственной информации (материалы декретов, распоряжений, циркуляров, приказов органов советской власти). Чаще всего рубрики «Радиовестника» дублировали печатные: «По советской России», «За рубежом», «Фронт труда», «Хозяйственное строительство», «Борьба с голодом», но иногда появлялись и оригинальные названия рубрикатора.

«Радиовестник» выходил каждые три часа (восемь раз в сутки), что по тем временам было большим достижением. В каждой напечатанной радиозаметке указывались источник информации, дата ее получения вестником и заголовок, лаконичный, выразительный, рассчитанный на слуховое восприятие. Вся разнообразная информация предназначалась для местных газет. Из Москвы утренние выпуски «Радиовестника РОСТА» принимались поздно вечером с 21 до 24 часов и после непродолжительного перерыва с 1 часа ночи до 5 часов утра. В подборки подготовленной РОСТА информации входили постановления органов советской власти, сообщения о положении дел в республике, сводки с фронтов гражданской войны.

Приведем текст оперативной сводки выпуска «Радиовестника РОСТА» от 21 октября 1918 г. (3):

«ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ.

На левом берегу реки Камы наши части продолжают успешное продвижение вперед. Красноуфимское направление: противник выпустил по Красноуфимску до 150 снарядов. Наша разведка имела столкновение с противником у деревни Новый Карим и Лямна...

СЕВЕРНЫЙ ФРОНТ.

На Коласском направлении: наша артиллерия заставила замолчать дальнбойную артиллерию противника, как державшую под огнем фарватер у деревни Троицкой (в 42 верстах ниже устья реки Баги).

На остальных направлениях без перемен.

ЮЖНЫЙ ФРОНТ.

На Евстратовском направлении: казаки пытались переправиться через Дон у деревни Кушин в 14 верстах к югу от города Павловска, но были отогнаны...

Заведующий оперативным отделом Аралов» [3. С. 84].

В крупных городах страны создавались местные отделения РОСТА. Например, в Ростове один час был выделен для передачи вестников «ДонкавРОСТА» или «ЮгвостРОСТА» с наиболее важными сведениями из тех городов, с которыми поддерживалась постоянная связь из Ростова (Астрахани, Саратова, Харькова, Одессы, Киева, Тифлиса, Владикавказа, Пятигорска и некоторых городов Черноморского побережья). Краевая радиостанция работала круглые сутки по точному расписанию. Большая часть времени уходила на переговоры с соседними городами. В России тогда насчитывалось 35 центров с радиостанциями двусторонней связи. Передаваемая и получаемая информация «Радиовестников» публиковалась на страницах местных печатных изданий: «Трудовой Дон» («Молот»), «Советский Юг» и др.

Таким образом, в «Радиовестнике РОСТА» — комплексной системе оперативных сообщений — методично находили отражение значимые события дня или определенного дневного отрезка.

«Радиочитатели» как прообраз первой массовой аудитории

Радиостанции взаимодействовали с газетами, издававшимися на большом расстоянии от центра страны, — передававшиеся информационные сообщения достигали регионов намного раньше центральных печатных изданий. Радиотелеграфные сообщения были не только быстрее способом тиражирования печатного слова. Для многих отдаленных районов страны радио являлось единственным источником оперативной информации. Многие переданные и принятые по радио материалы в тот же день в виде листовок, плакатов вывешивались на заборах, в местах массового скопления людей (вокзалах, железнодорожных станциях, водных пристанях, площадях).

Схема радиокommunikации выглядела следующим образом: передающая станция — приемная станция — массовая аудитория. Передачу могли принимать лишь штатные радиотелеграфисты («радисты-слухачи»), а сообщения, закодированные в виде условных звуковых сигналов «морзянки», записанные и расшифрованные

на приемной радиостанции, размноженные на печатной машинке, распространяли по списку адресатов. Только тогда открывался доступ к конкретному тексту, появлялась возможность его прочитать.

Относительно специфической аудитории радиотелеграфных передач существует почти противоречивый термин «радиочитатели», отражающий ее особый характер. Дело в том, что каждое радиотелеграфное сообщение предназначалось непосредственному адресату (например, местному Совету депутатов), но при этом можно было говорить об адресате опосредованном — том большом количестве людей, до которых сообщение фактически доходило (например, читатели газет). В качестве примера — адресованные чиновникам и учреждениям радиogramмы министерств и ведомств, которые публиковались в местных периодических изданиях.

В совокупной аудитории радиосообщений, для которой материалы, передававшиеся посредством радиотелеграфа, прямо или косвенно служили источником информации, выделяются категории: 1) непосредственная реальная (профессиональные сотрудники передающих и приемных станций, радиотелеграфисты); 2) опосредованная реальная (все те, кто знакомился с содержанием сообщений с помощью средств-посредников, — сельское и городское неграмотное население, в том числе в национальных районах, в условиях громких коллективных чтений; люди в армии и на флоте, где имелаась разветвленная сеть радиостанций; читатели центральных и местных газет, листовок, радиобюллетеней и др.; читатели «зрители» «Окон РОСТА» и других форм плакатной (наглядной) пропаганды; слушатели устных пересказов радиотелеграфистов) [11. С. 172—173].

Кроме того, в дооктябрьские и послеоктябрьские годы радиолюбители самостоятельно конструировали и собирали небольшие радиостанции (так называли любое приемное, даже самое примитивное, устройство). В Германии, США и других странах данное увлечение (несколько раньше, чем в России) стало обретать масштабы и формы широкого движения. Технические связи выходили за пределы внутреннего эфира того или иного государства. Поэтому вполне вероятно, что отечественных и зарубежных радиолюбителей можно отнести к первой категории аудитории радиотелеграфных сообщений Советской России.

В 1919 году Всероссийский центральный исполнительный комитет РСФСР (ВЦИК) направил в Сибирь имевший приемную радиостанцию агитпоезд им. В.И. Ленина. С помощью радиотелеграфа получали, а затем распространяли среди населения отдаленных районов страны оперативную информацию и другие агитпоезда («Октябрьская революция», «Советский Кавказ», «Красный Север»), а также агитпароходы («Михаил Калинин» и «Красная Звезда»).

О специфике опосредованной реальной аудитории, к примеру, «Радиовестника РОСТА» свидетельствует предложенный Наркомпочтелем комбинированный способ его распространения во всех населенных пунктах страны. Там, где газеты выходили не каждый день, полный текст «Радиовестника РОСТА» печатался в «Радиобюллетенях» — так жители регулярно получали официальные сведения о важнейших событиях. Из типографий выходили две или четыре полосы формата немногим больше четверти листа газеты «Правда». Советы депутатов нередко

выпускали радиотелеграфные материалы в виде листовок, которые так же системно рассылались в населенные пункты, особенно сельские. Распространителями «Радиовестника РОСТА» становились и радиотелеграфисты: на станции перепечатывали сообщения и вывешивали на видных местах в специальных витринах, часто тексты были оформлены рукописно крупными буквами на больших листах.

Московский выпуск «Радиовестника РОСТА»: аналитический обзор

Объем «Радиовестников» был довольно значительным: своеобразная «радиогазета» с рубриками, темами, заголовками. Специфика телеграфа требовала своего стиля: лаконичного, точного, емкого. Эта особенность отражалась в текстах, которые появлялись в газетах. С самого начала вещания было использовано главное техническое достоинство радио — на тот момент высокая оперативность в доставке актуальной информации. С помощью радиотелеграфа скорость передачи сообщений возросла в несколько раз.

Радиотелеграфные «Радиовестник РОСТА» и существовавшее до него «Радио Совета народных комиссаров» — это не просто передача газетных печатных материалов с помощью радио, для которого не существовало территориальных пределов. В содержании и структуре ранних форм радиосообщений шло постепенное выявление и усиление радиоспецифики.

Перелистаем московский номер «Радиовестника РОСТА» от 21 октября 1918 года [3. С. 81—86]. Его открывала своеобразная передовая статья, называвшаяся обыденно «Представители районов о торжествах» и представлявшая собой отчет о специальном заседании накануне праздника Великого Октября, тезисный пересказ доклада товарища Беленького из Московского Комитета партии коммунистов и других выступлений.

В процессе начинавшегося поиска наиболее слушаемого варианта литературного текста имело место смешение стилей повествования: официального («Большая инициатива предоставляется районам в деле выработки праздничного репертуара театров», «Все оркестры переданы в ведение Маршрутной комиссии и будут ею равномерно распределены»), разговорного («Не идти же всем в центр города, чтобы забавлять зрелищем буржуазию»). Встречаются стилистические погрешности («Особое внимание товарищ выражает на желательность в этот праздник доставить наибольшую радость детям, чтобы оставить в их памяти светлое воспоминание»).

Ясность и доступность языка (однако при длинноте предложений) радиотелеграфных сообщений прослежена в информативном сообщении об организации Красной Военной академии Генерального штаба. Серьезная озабоченность относительно открытия специальных годовичных курсов не в намеченный срок из-за тщетных усилий (найти подходящее помещение) высказана так:

Трудно по крайней мере предположить, чтобы в таком городе, как Москва нельзя было найти скоро нужное помещение и чтобы при учете всех помещений города в центральном органе организаторам академии приходилось лично бегать по целым дням в поисках, в ущерб другим организационным работам (4).

Тематика рассматриваемого выпуска «Радиовестника РОСТА» охватывала самые разные события: непростая ситуация на распределительном пункте беженцев в Бресте, находка бриллиантов и денег на территории Белобережского монастыря, расстрел контрреволюционеров и взяточника — дружинника продовольственного отряда, принятие резолюции рабочими, мастерскими и служащими депо Смоленск Александровской железной дороги, приезд в Киев графини Брасовой — супруги бывшего великого князя Михаила Александровича.

Среди текстовых материалов «Радиовестника» — полезная для жителей Москвы социальная информация, в том числе подготовленная радиотелеграфным отделом РОСТА (объявление о местах продажи кофе, сообщение о количественном производстве красной материи к празднику Великого Октября, о проведенной централизованной закупке махорки, напоминание о денежных вычетах за прогульные рабочие дни, сведение об отмене запрета на въезд в Чухлому Костромской губернии и Ярославль по северным дорогам). В заметке «Митинг женщин-работниц» открыто говорилось о содержании заданных докладчице Коллонтай на Даниловской мануфактуре в Замоскворечье вопросов в записках (не только о том, как достать молоко для детей, организовать общественные столовые, но и о судьбах пленных — супругов и родственников, а также о свободе брака и проституции).

Безусловный журналистский интерес представляет последний материал номера «Радиовестника РОСТА» под названием «Веселящаяся Москва. В кафе “Бельгия”». В разоблачительном синтетическом жанре репортажа-фельетона идет открытый разговор неизвестного автора Российского телеграфного агентства, являвшегося непосредственным очевидцем происходившего, на понятном простому народу языке об увеселительных заведениях в городе:

Душно, накурено; через облака табачного дыма в двух шагах ничего не видно. Тесно составленные столики со всех сторон облеплены самой разношерстной публикой... Цены на все «божеские». стакан кофе — 5 р. 75 к., пиво, сидро, лимонная и прочие безалкогольные напитки — 7 р. Про бифштексы, антрекоты и т.п. и говорить не приходится: каждый тощий кусочек мяса стоит рублей 30, но эти цены никого не смущают. Посетители чувствуют себя, как рыба в воде... В этих кафе тратится за ночь по несколько сотен рублей, и невольно зарождается вопрос, где берутся деньги, чтобы так щедро разбрасывать их на ветер.

Подробности репортерского описания дают возможность аудитории вообразить место «события», выраженный назидательно-поучительный мотив повествования и умозаключений заставляет задуматься над проблемой нравственного поведения и сделать на сей счет «правильные» выводы.

Архивная папка выпуска содержит важное для приемных радиотелеграфных станций организационное примечание: «Разосланную 20-го октября статью под заглавием “Деятельность оперативного отдела” необходимо не пускать в печать, а задержать, не опубликовывая впредь до особого разрешения РОСТА», что свидетельствует не только о взаимодействии телеграфного агентства и местных станций, но и об очевидном наличии цензуры текстов радиотелеграфных сообщений.

Истоки международного вещания

Радио в Советской России использовалось для информирования рабочих, крестьян и солдат о главных событиях не только в стране, но и за рубежом. По радиотелеграфу передавались сообщения и заявления, касавшиеся темы международных отношений. Ходынская радиостанция как основной передающий центр совершала в этот период среднемесячный обмен радиотелеграммами в 220 тысяч слов [1. С. 23]. Оперативная связь с заграницей поддерживалась в дневные часы (в ночные — передавались новостные материалы центральных газет в провинцию).

С помощью радио в ситуации прекращения многих дипломатических отношений, закрытия посольств и отсутствия прямой проводной телеграфно-телефонной связи был возможен обмен официальными документами с другими странами. Важным источником оперативной информации о событиях международной жизни для органов советской власти служили регулярные перехваты сообщений иностранных радиостанций. И полная изоляция страны от внешнего мира не произошла только благодаря радио.

После переезда Советского правительства в марте 1918 г. в Москву управляющему делами Совнаркома РСФСР Н.П. Горбунову было поручено установить в Кремле аппараты, позволявшие говорить с Берлином, Лондоном и Парижем. Советское правительство, по мнению которого аккредитованные в СССР корреспонденты буржуазных государств предоставляли мировой аудитории тенденциозную информацию о стране, выражало особую заинтересованность в регулярном освещении за рубежом происходящих в стране событий нашими источниками. В отправлявшихся документах (заявлениях, предупреждениях и др.) подробно излагались и комментировались важнейшие факты и события, разъяснялась и отстаивалась политика советской России. Наркоминдел РСФСР по поручению высших партийных и государственных органов активно использовал радио не только как средство официальной международной связи, но и как инструмент массовой информации, публицистического воздействия, формирования общественного мнения за рубежом.

Ориентированность на аудиторию была изначально заложена в сообщениях «радиовестников»: в их содержании и форме, в их значимости для людей в Советской России и зарубежных странах. «Так, радиограммы Народного комиссариата иностранных дел РСФСР часто адресовались за рубеж определенному кругу должностных лиц и организаций. В то же время они печатались на страницах центральных и местных газет. Это означало, что вместе с непосредственным адресатом (например, министерством иностранных дел Германии), кому направлялись эти радиограммы, у них оказывалась гораздо более широкая аудитория — читатели газет» [11. С. 171—172].

«Радиовестники» распространялись и на территории нашей страны, и готовились на нескольких языках для зарубежной аудитории. К примеру, из Средней Азии радиостанции вели передачи на английском и французском языках на страны Среднего и Ближнего Востока. Так, на Афганистан транслировала англоязыч-

ные радиопередачи, рассчитанные на образованную и состоятельную часть населения, Ташкентская радиостанция.

Есть любопытное свидетельство одного из старейших советских журналистов, профессора ВГИКа Н.А. Лебедева, который осенью 1918 года лично занимался созданием передачи на границу. Редакция дважды в день вела подготовку специального бюллетеня под названием «Радиовестник РОСТА» [9. С. 18].

Среди событий, в которых можно рассмотреть начальные очертания истории отечественного радиовещания, — существовавшие в марте—августе 1919 г. «Радиовестники» для Советской Венгрии. В данный период была проведена идея, которую не удалось реализовать в ноябре 1918 г. в Германии. Это организация регулярной двусторонней международной радиосвязи. Ежедневная передача радиотелеграфных сообщений между Москвой (Ходынской радиостанцией) и Будапештом (Чепельской радиостанцией) явилась действенной формой связи и взаимопомощи двух стран. Правдивая информация о России распространялась в Западной Европе и во всем мире. После поражения Советской Венгрии возможность такой двусторонней радиосвязи была утрачена.

Старт исследований в области радиотехники

Широкое использование радио как важного средства оперативной информации, агитации и пропаганды способствовало решению вопроса о разработке его научных основ, об организации специального центра для планомерного изучения проблем создания материально-технической базы будущего массового радиовещания, радиофикации страны.

В нашем государстве серьезные научные изыскания в радиотехнической сфере начались в годы Первой мировой войны. Так, при Тверской приемной радиостанции международных сношений группой талантливых специалистов-энтузиастов во главе с М.А. Бонч-Бруевичем была создана внештатная радиолaborатория, где в 1916 году изготовили первую в России электронную лампу. Однако для проведения экспериментальных работ не хватало необходимых средств, спецоборудования, для конструирования радиоаппаратуры — материалов. В июне 1918 года решением Народного комиссариата почт и телеграфов лаборатория введена в штат, а в августе официально переведена в Нижний Новгород, где имелись более благоприятные условия для развития ее научно-исследовательской и производственной деятельности, и получила название Нижегородской радиолaborатории. Ее организацию рассматривали в стране этапом на пути к созданию Государственного радиотехнического института, целью которого должно было стать объединение профильных учебных заведений и радиотехнической промышленности.

В Нижегородской радиолaborатории — первом в мире государственном научно-исследовательском учреждении в области радио — был создан радиотелефонный передатчик. 1919 год — знаковый для радиовещания в стране: именно из Нижнего Новгорода 27 февраля в 10 ч 02 мин. и в 11 ч 08 мин. по средневропейскому времени вместо сигналов азбуки Морзе по радио прозвучали слова: «Алло, алло. Говорит Нижегородская радиолaborатория. Раз, два, три. Как слышно?»

В ноябре 1919 года в отечественном эфире начали передавать радиотелефонные, т.е. вещательные передачи. В адрес лаборатории поступали телеграммы: «Слышали человеческий голос по радио. Объясните!» Экспериментальное речевое вещание зафиксировали в Москве, Петрограде и во многих других городах страны (на Урале, в Западной и Восточной Сибири). Люди удивленно восхищались тем, что на огромной дальности можно так ясно различить голос. Слова В.И. Ленина о «газете без бумаги и “без расстояний”, которая будет великим делом» [5. С. 130] стали прямым откликом на это событие и были сказаны позже, 5 февраля 1920 года, в письме научному руководителю Нижегородской радиолaborатории М.А. Бонч-Бруевичу, подчеркивая важность создания технического коммуникационного средства. С этого времени начали проводиться опыты трансляции радиотелефонных (речевых) передач. Требовалось только подключить громкоговорящее устройство к такому телефону — и звучащее слово, музыка открывали перспективу для дальнейшего развития радиожурналистики. Речь, первые попытки музыкального эфира создали предпосылки для расширения сферы деятельности радио как средства нового типа.

Радиотелефонное строительство способствовало появлению качественно новой возможности радио — непосредственного обращения ко все более массовой аудитории, к каждому конкретному слушателю, что было исключено в условиях технической базы радиотелеграфа. Радио постепенно становилось самостоятельным СМИ, отличавшимся более оперативной подачей информации. Совпадая по некоторым социально-культурным и информационным функциям с печатной газетой, оно осознавалось природной сферой звука: «немая» действительность словно обрела «дар речи», эфир наполнился звучанием. Образное выражение В.В. Маяковского в поэме «Облако в штанах» — «Улица корчится безъязыкая — ей нечем кричать и разговаривать» [6. С. 11] — стало неактуальным.

Заключение

Итак, фаза зарождения отечественной радиожурналистики началась в специфических формах радиотелеграфа. Она проходила на пути от превращения радио из средства служебной связи в инструмент социального общения с обретением функций массовой пропаганды, агитации и организации населения до его формирования в системе журналистики Советской России как ее особого вида с присущими возможностями отображения действительности в звучащем и слышимом слове, собственными выразительными средствами, формами и жанрами, способами контакта с аудиторией [10. С. 8].

В теории профессора В.Н. Ружникова есть любопытное и, возможно, несколько преувеличенное в своем сравнении размышление относительно истоков российской радиожурналистики: «В истории кино принято выделять период немое кино и период звукового кино. Но ведь и то, и другое — кино. И то, и другое — история кино. Никто, кажется, никогда не зачислял немое кино по низшему разряду к предыстории кино. Радиотелеграфная пропаганда и журналистика — это в известном смысле немое кино; радиотелефонные передачи — говорящее радио. Между ними, конечно, немалая разница, и все-таки первые — тоже радиовеща-

ние, тоже радиожурналистика» [8. С. 231—232]. Основная отличительная особенность радио все же — в звуковой форме. Переданные сигналами азбуки Морзе по радиотелеграфу сообщения достигали реальную аудиторию только в итоговом печатном виде — не звуковым. Да, звук, пришедший в кинематограф, изменил киноязык нового искусства, отразился на его эстетике, а звучащая речь на радио создала весомые предпосылки для расширения сферы его деятельности как средства нового типа.

...«Радио становится духовным солнцем страны, великим чародеем и чарователем» [13. С. 185], — написал в почти пророческой статье «Радио будущего» русский поэт и мыслитель В. Хлебников. И только время показало, насколько верными эти слова были по своей сути.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Становление — процесс, главная черта которого состоит в том, что существование явления уже начиналось, но еще не приобрело завершенной формы. С. есть единство бытия и небытия, возникновения и уничтожения, ведущее к результату, ставшему; оно выступает как процесс зарождения возможностей и превращения одной из них в действительность. С. — постоянное, охватывающее все изменение, возникновение или исчезновение. — *Философский словарь* / авт.-сост. С.Я. Подопригра, А.С. Подопригра. — Ростов н/Д: Феникс, 2010. — С. 422.
- (2) Отрасль знаний, связанная с радиосвязью, радиовещанием и радиотехникой. — *Большой толковый словарь русского языка* / Авт.-сост. С.А. Кузнецов. — 1-е изд-е. — СПб.: Норинт, 1998. — С. 1060.
- (3) При цитировании сохранено шрифтовое оформление оригинала. — *О.Т.*
- (4) При цитировании сохранены пунктуация и орфография оригинального текста. — *О.Т.*

© Тихонова О.В., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Гуревич П.С., Ружников В.Н.* Советское радиовещание / Страницы истории. М.: Искусство, 1976. 382 с.
- [2] Декреты Советской власти. Т. 3. М.: Политиздат, 1964. 664 с.
- [3] История советской радиожурналистики. Документы. Тексты. Воспоминания. 1917—1945. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. 440 с.
- [4] *Кузнецов Г.В.* Первый век радио: от «морзянки» до цифрового стереовещания // Теле-радиоэфир. история и современность. М.: Аспект Пресс, 2005.
- [5] *Ленин В.И.* М.А. Бонч-Бруевичу. 5.П.1920 г. // Полн. собр. соч. Т. 51. 573 с.
- [6] *Маяковский В.В.* Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1988. 768 с.
- [7] Основы радиожурналистики / под ред. Э.Г. Багирова, В.Н. Ружникова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 264 с.
- [8] *Ружников В.Н.* Вначале не было... звучащего слова (О начальном периоде советской радиожурналистик) // Методологические проблемы изучения телевидения и радиовещания: Сб. статей. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 292 с.
- [9] *Ружников В.Н.* Лекции по истории отечественного радиовещания 1895—2001 гг. М.: ГИТР, 2002. 204 с.
- [10] *Ружников В.Н.* Становление советской радиожурналистики. Начальный период. 1917—1924 гг.: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1981. 24 с.
- [11] *Ружников В.Н.* Так начиналось / Историко-теоретический очерк советского радиовещания. 1917—1928. М.: Искусство, 1987. 208 с.

- [12] *Ружников В.Н.* «...Чтобы сие пошло по радио на немецком, французском и английском языках»: страницы истории радиовещания // *Телевидение и радиовещание*. 1978. № 5. С. 5—8.
- [13] *Хлебников В.* Радио будущего // *Красная новь*. 1927. № 8. С. 185.
- [14] *Шерель А.А.* *Аудиокультура XX века: история, эстетические закономерности, особенности влияния на аудиторию: очерки*. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 576 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20 октября 2016.

Дата принятия к печати: 2 декабря 2016.

Для цитирования:

Тихонова О.В. (2017). Российская радиожурналистика периода зарождения: специфика первых форм // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2017. Т. 22. № 1. С. 141—155.

Сведения об авторе:

Тихонова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры телевидения и радиовещания факультета журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Контактная информация: e-mail: tihonovao@list.ru

RUSSIAN RADIO JOURNALISM OF AN INCUNABULA PERIOD: FIRST FORMS' SPECIFICS

O.V. Tikhonova

Lomonosov Moscow State University
Mokhovaya, 9, Moscow, Russia, 125009

This article is dedicated to the birth of an important period of the formation of native broadcast journalism and radio heralds. Transmitted by the radiotelegraph, they were delivered special local stations and became popular among print newspapers, leaflets, newsletters, posters, reaching a mass audience. The author proposes a analytical overview of textual materials of archive folder of one of Moscow issues “Radio Herald ROSTA”.

Key words: radio journalism, broadcasting, themes, story, Russia

REFERENCES

- [1] *Gurevich P.S., Ruzhnikov V.N.* *Sovetskoye radioveshchaniye [Soviet radio broadcasting]. Stranicy istorii [Pages of history]*. М.: Iskusstvo [Moscow, Art Publishers], 1976. 382 p.
- [2] *Decrety Sovetskoy vlasti. T. 3. [Soviet Decrees]*. М.: Politizdat [Moscow, Central Committee of the Communist Party (CPSU) of the Soviet Union’s Publishing house of political press], 1964. 664 p.
- [3] *Istoriya sovetskoy radiozhurnalistiki. Documenty. Texty. Vospominaniya [History of soviet radio journalism. Documents. Texts. Memoirs]. 1917—1945*. М.: Izd-vo Mosk. un-ta [Moscow university press], 1991. 440 p.

- [4] *Kuznetsov G.V.* Pervyi vek radio: ot «morzyanki» do cifrovogo stereoveshchaniya [The first century of radio: from Morse code to digital stereo broadcasting]. Teleradioefir. Istoriya i sovremennost' [TV and radio broadcasting. History and Nowadays]. M.: Aspect Press [Moscow, Aspect Press], 2005.
- [5] *Lenin V.I.* M.A. Bonch-Bruevichu [The letter to M.A. Bonch-Bruevich]. February 5th, 1920. Poln. sobr. soch. [Complete set of works]. T. 51 [Volume 51]. 573 p.
- [6] *Mayakovsky V.V.* Sochineniya v 2 t. [Set of works in 2 volumes] T. 2 [Volume 2]. M.: Pravda [Moscow, Pravda (The Truth) Publishing House], 1988. 768 p.
- [7] *Osnovy radiozhurnalistiki* [Basics of radio journalism]. Pod red. Eh.G. Bagirova, V.N. Ruzhnikova [Edited by Eh.G. Bagirov, V.N. Ruzhnikov]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta [Moscow university press], 1984. 264 p.
- [8] *Ruzhnikov V.N.* Vnachale ne bylo... zvuchashchego slova (O nachal'nom periode sovetskoy radiozhurnalistiki) [In the beginning was not... the spoken word (The story about initial period of soviet radio journalism)]. Metodologicheskiye problemy izucheniya televideniya i radioveshchaniya [Methodological problems of studying TV and radio broadcasting]: Sb. statei [Digest of articles]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta [Moscow university press], 1981. 292 p.
- [9] *Ruzhnikov V.N.* Lekcii po istorii otechestvennogo radioveshchaniya 1895—2001 gg. [Lectures on history of Russian radio broadcasting 1895—2001]. M.: GITR [Moscow, Humanities Institute of TV and radio broadcasting Press], 2002. 204 p.
- [10] *Ruzhnikov V.N.* Stanovlenie sovetskoy radiozhurnalistiki. Nachalniy period. 1917—1924 gg.: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Formation of soviet radio journalism. Initial period. 1917—1924: the thesis Abstract on competition of a scientific degree of Candidate of Philology in the specialty: 10.01.10]. Mesto zashhity: Mosk. gos. universitet im. M.V. Lomonosova [Place of defense: Moscow State University. M.V. Lomonosov, Moscow, 1981]. 24 p.
- [11] *Ruzhnikov V.N.* Tak nachinalos' [This is how it began]. Istoriko-teoreticheskiy ocherk sovetskogo radioveshchaniya [Historical-theoretical overview of soviet radio broadcasting]. 1917—1928. M.: Iskusstvo [Moscow, Art Publishers], 1987. 208 p.
- [12] *Ruzhnikov V.N.* «...Chtoby sie poshlo po radio na nemetszkom, francuzskom i angliyskomazykah»: stranizy istorii radioveshchaniya [“... For that this is to be broadcasted in German, French, and English”: history pages of radio broadcasting]. Televidenie i radioveshchanie [TV and radio broadcasting]. 1978. № 5. P. 5—8.
- [13] *Khlebnikov V.* Radio budushchego [Radio of the Future]. Krasnaya Nov [Red Virgin Soil monthly literary magazine]. 1927. № 8. P. 185.
- [14] *Sherel' A.A.* Audiokul'tura XX veka: istoriya, esteticheskiye zakonomernosti, osobennosti vliyaniya na auditoriyu: ocherki [Audioculture of the 20th century: history, aesthetic trends, specificity of impact on the audience: feature articles]. M.: Progress-Tradicija [Moscow, Progress Publishers], 2004. 576 p.

Article history:

Received: 20 October 2016.

Revised: 15 November 2016.

Accepted: 2 December 2016.

For citation:

Tikhonova O.V. (2017). Russian radio journalism of an incunabula period: first form specifics. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2017, 22 (1), 141—155.

Bio Note:

Tichonova Olga Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of television and radio, Faculty of journalism, Moscow Lomonosov State university.

Contacts: e-mail: tihonovao@list.ru



УДК 070

002.2(091)

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-1-156-166

**РОЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ В СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ РОССИИ
1857—1861 ГОДОВ («ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ»
И.В. ВЕРНАДСКОГО И «ВЕСТНИК ПРОМЫШЛЕННОСТИ»
Ф.В. ЧИЖОВА)**

И.А. Сурнина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Моховая, 9, Москва, Россия, 125009

В статье рассмотрена роль ключевых деловых изданий рубежа 1850—1860 годов в социальных и экономических преобразованиях в России. Проанализирована их полемика, которая велась между ними («Экономический указатель» И.В. Вернадского и «Вестник промышленности» Ф.В. Чижова) и с изданиями другого характера («Современник» Н.А. Некрасова, «Русская беседа» А.И. Кошелева) по ряду важнейших вопросов. К ключевым темам, которые освещались на страницах деловых периодических изданий, относятся крестьянский вопрос (полемика по поводу общинного устройства, ликвидация принудительного труда, создание рынка наемного труда), свободная торговля или политика протекционизма, необходимость строительства железных дорог (опыт (Австрии, Англии, Франции, Бельгии, Соединенных североамериканских штатов), несовершенство русских железных дорог).

Ключевые слова: И.В. Вернадский, Ф.В. Чижов, «Экономический указатель», «Вестник промышленности», крепостное право, крестьяне, железные дороги, протекционизм, фритредство

После восшествия на престол Александра II в феврале 1855 года началась либерализация общественной жизни. Осознавая уроки Крымской войны, он понимал необходимость проведения реформ как император, для которого превыше всего были престиж и величие державы.

Уже 6 декабря 1855 года закрыт Комитет для высшего надзора за духом и направлением печатаемых в России произведений (Бутурлинский комитет, 1848—1855). Его председатель М.А. Корф в докладной записке Александру II сообщал, что деятельность комитета «приводит иногда до цели противоположной, распространяется рукописная литература, гораздо более опасная, ибо она читается с жадностью и против нее бессильны все полицейские меры» [7. С. 179].

Во второй половине 1850-х — начале 1860-х годов начало появляться значительное число печатных изданий, среди которых «Русский вестник» М.Н. Каткова (1856—1887), «Русская беседа» А.И. Кошелева (1856—1860), «Русское слово» Г.Е. Благодетель (1859—1866), «Время» братьев Достоевских (1861—1863).

Нельзя не сказать и о выходе специализированных журналов, например, по военному делу («Военный сборник», 1858—1917), сельскому хозяйству («Журнал земледельцев», 1858—1859), юриспруденции («Журнал Министерства юстиции», 1859—1868), педагогике («Русский педагогический вестник», 1857—1861), медицине («Московская медицинская газета», 1858—1878). Только за первое десятилетие после упразднения Высшего цензурного комитета в России появилось около четырехсот новых газет и журналов самого разного профиля.

Среди них особняком стоят промышленные, сельскохозяйственные, торговые издания. Подобные газеты и журналы существовали в России с конца XVIII века, например «Экономический магазин», издаваемый Н. И. Новиковым в 1780—1789 годах, первый сельскохозяйственный журнал в России.

Также в период с 1857 по 1861 год отдельные области предпринимательской деятельности порождали периодические издания, которые обслуживали потребности той или иной отрасли хозяйства: появились газеты и журналы «Нефтяное дело», «Лесопромышленник», «Горнозаводский листок», «Вестник мукомольной промышленности» и другие печатные издания, издаваемые как частными предпринимателями, так и отраслевыми организациями буржуазии [1. С. 101].

Однако наибольший интерес представляют органы периодической печати, которые ставят специальной задачей отстаивание политических и экономических интересов торгово-промышленной буржуазии, освещение нужд промышленности, как их понимает данный общественный класс. Особенно много таких печатных органов появилось в период с 1857 и по 1863 год, почти одновременно и столь же синхронно они прекратили (за некоторыми исключениями) свое существование в основном из-за финансовых проблем.

Возникновение таких изданий, как журнал И.В. Вернадского «Экономический указатель» (1857—1861) («Указатель»), выступавший за фритредерство, т.е. за свободную торговлю, устранение контроля государства над экономической жизнью, газета К.В. Трубникова «Журнал для акционеров» (1857—1860), центральный орган владельцев государственных фондов, различных акционерных обществ, журнал «Вестник промышленности» Ф.В. Чижова («Вестник»), поддерживающий протекционизм, т.е. покровительственную политику государства, обусловлено значительным повышением интереса к вопросам промышленного развития страны, активизацией русской буржуазии,

Естественно, что преимущественно в экономических периодических изданиях поднимались темы, касающиеся развития промышленности и торговли. Однако нужно отметить, что не только экономические проблемы интересовали издателей и редакторов деловой прессы, но и общественные вопросы занимали значительное место на страницах их газет и журналов. Одним из таких вопросов на рубеже 50—60 годов стала отмена крепостного права.

Активное участие в дискуссии по решению крестьянского вопроса принимал журнал Вернадского «Экономический указатель». Он был противником общины и всячески пытался отстаивать свое убеждение, не боясь полемики с ведущим демократическим журналом того времени, выступающим в ее защиту, — «Современником» Н.А. Некрасова, и со славянофильской «Русской беседой» А.И. Кочелева.

Вернадский настаивал, что «именно земля-то и невыгодна для общего пользования... только из разделов выходят у нас смышленные купцы, сметливые фабриканты, бойкие промышленники; только освободившись от таких условий общины, русский человек расширяет размеры своего хозяйства, берет подряди, изобретает промыслы и т.п.» [12. С. 506].

Говоря далее о минусах общинного устройства, Вернадский приводит 16 пунктов отрицательного устройства общин, которые тормозят экономическое развитие всей страны в целом, среди них:

1) при одинаковом пользовании землей в общине не все пользуются одинаково своими землями, не все их и возделывают одинаково [13. С. 545—546], кроме всего прочего не всем дается одинаковое количество земель (последнее зависит от особенностей при разнообразном составе семей, рабочих сил и других хозяйственных отношений);

2) и в общине возможно батрачество и нищенство;

3) и тут возможно фермерство своего рода;

4) землевладелец при общинном хозяйстве сохраняется, это сама община, «мир, имеющий свой доход, свои издержки»;

5) общинное хозяйство весьма редко сможет достичь общего дохода, который указан в «Современнике», а вот участок собственника может достигнуть бесконечной ценности [12. С. 508].

Также рассмотрены и семь практических случаев, доказывающих несостоятельность общины. Из всего сказанного напрашивается вывод, что «Указатель» ключевым недостатком общины считал несвободу и невозможность развития частной собственности, а также то, что община отнимает право хозяйственной инициативы у частного лица и его передачу общине [14. С. 682], умаляет интерес к своим делам и начинаниям [14. С. 683], препятствует накоплению капиталов [14. С. 683].

Журнал Вернадского ратовал за полное освобождение крестьян и упрекал «Современник» в его слепоте: «Ему (“Современнику” — И.С.)... кажется, еще и в мысль не пришло, что при его системе большая часть власти помещика заменяется властью общины и — очень часто — властью одного или нескольких расторопных членов общества» [18. С. 604].

Примечательно, что, являясь представителем либеральной экономической школы, Вернадский считал, что каких-либо особых усилий для ликвидации общины принимать не нужно, так как развитие капиталистических отношений само приведет к распаду общинных отношений в деревне, как это и произошло в западных странах: «община в ее обязательной форме рушится сама собой, когда перегниют ее узы от действия личного развития и просвещения» [15. С. 1016].

Отмену крепостного права журнал встретил радостно: «Величайшее событие и величайший день недели без сомнения — уничтожение крепостной зависимости двадцати трех миллионного населения России», — так открылся отдел «Обозрение политическое» одного из мартовских номеров [27. С. 241]. Однако какого-либо подробного разбора реформы на страницах «Указателя» не было. Не указывались ни плюсы, ни минусы манифеста.

В другом деловом издании, «Вестнике» Чижова, в первую очередь рассматривалось освобождение крестьян как ликвидация принудительного крепостного труда на фабриках и заводах и создание рынка наемного труда. В России в то время эксплуатация крепостных крестьян и работных людей дошла до предела, возможности дальнейшего роста и совершенствования многих предприятий были полностью исчерпаны. Социально-экономическая база для развития свободного предпринимательства во всех сферах экономики стала узкой и недостаточной: господство крепостничества сдерживало развитие рынка рабочей силы, способствовало сохранению во многих местах натурального хозяйства, препятствовало естественному развитию деловой активности миллионов крестьян, особенно в сфере товарного земледелия и животноводства [6. С. 44].

«Вестник промышленности» уже в первом номере отстаивал право крестьян свободно распоряжаться собственной рабочей силой: «Эта отвратительная ненаемность рабочих, куда ни повернись, везде страшная помеха. Слава Богу, нам сулят скорое от нее избавление». Уничтожение крепостного права журнал считал важнейшим приобретением отечественной промышленности, потому что свободный труд — неперемное условие каждого промышленного дела: «...начала развиваться промышленность, с нею начали развиваться понятия, особенно о свободном труде, и она у нас, как и везде, сделалась отъявленным, хотя по своей природе и молчаливым, врагом и сильным бойцом в рядах против крепостного права» [2. С. 18—19].

Наемный рабочий в разных отраслях промышленности давал в два, три, а иногда и четыре раза больше продукции, чем крепостной. Очевидно, что подневольный труд был невыгоден в экономическом отношении, что крепостничество тормозило процесс превращения рабочей силы в товар (основа капиталистических отношений): «Сколько выиграют от освобождения крепостного сословия торговля и промышленность — это теперь невозможно... исчислять даже приблизительно» [4. С. 116].

«Вестник промышленности» решительно возражал сторонникам крепостного права (представителям власти, печатным изданиям и т.д.), считавшим, что патриархальность отношений между помещиками и крестьянами гораздо лучше свободы. Журнал призывал к гласности в данном вопросе: «...пора бы нам уже отвыкать от того общественного лицемерия, с каким мы обманываем самих себя и других, которые, в свою очередь, с тем же лицемерием кажутся обманутыми» [2. С. 19]. Естественно, что «Вестник промышленности» рассматривал отмену крепостного права как основное условие развития капиталистической промышленности.

Был близок к этой позиции и Вернадский, который с проблемой крепостного права связывал и тему свободного труда, который являлся, по его мнению, одним из главных стимулов к развитию промышленности. Свободный труд основан на личной независимости, в общественной вере, доверии и в учении и образовании, развивающем умственные силы народа [11. С. 452]. Без этих трех компонентов невозможен никакой труд и никакое дело [8. С. 50]. Труд — единственный источник народного богатства: «Труд великий источник, из которого истекают и

крепость сил и разума, и сила воли... труд — не только право, но и обязанность каждого человека» [26. С. 310].

«Указатель» настаивал, что основой успешного развития производительных, вещественных, духовных и разумных сил, составляющих богатство и могущество любого народа, является свободный труд. Полная свобода труда в совокупности с «производством таких предметов, кои находят выгодный сбыт» [10. С. 231], и народным образованием [10. С. 238] и являются залогом успеха сельского хозяйства России.

В конце 1850-х — начале 1860 годов представители буржуазии разделились на два лагеря: сторонников свободной торговли или фритредерства, и сторонников протекционистской политики. Так, «Экономический указатель» с радостью отмечал, что «свободная торговля перестает быть утопиею теоретиков», приводя примеры отмены пошлин во Франции на ввоз шерсти и хлопчатой бумаги в надежде, что подобные действия будут поддержаны другими странами [21. С. 33]. «Вестник промышленности» придерживался другого мнения в отношении фритредерства, он поддерживал капиталистов, опасавшихся, что наплыв иностранной продукции может погубить отечественное производство.

Накануне выхода «Вестника промышленности», в 1857 году, правительство утвердило таможенный тариф, который снизил ввозные пошлины по большинству товаров (например, на хлопчатобумажные ткани, чугун, железо). Он носил более фритредерский характер, чем принятый в 1850 году тариф. По тарифу 1857 года число иностранной продукции, запрещенной к ввозу в страну, сократилось с 200 до 90 наименований, пошлины на некоторые изделия понизились. Большинство представителей русской буржуазии выражало недовольство принятием тарифа 1857 года, так как не были учтены их пожелания.

По мнению журнала Вернадского, тариф заслуживал одобрения: ведь «свобода для торговли действительно необходима. Возвышенная пошлина на товары или запрещение ввозить их — ненадежная запруда», — полагал он [17. С. 1184].

Между «Указателем» и «Вестником» разгорелась полемика. В № 102 за 1858 год в «Указателе» опубликован ответ Н. Мурра на материал Д.П. Скуратова из «Вестника промышленности». Предметом дискуссии стал протекционизм, который поощрялся «Вестником» и так категорично отвергался «Указателем»: «Скуратов утверждает, что наша торговля выиграла от охранительного тарифа и приводит в доказательство, что наши внешние обороты возросли в 32 года от 92 до 246 милл. рублей» [16. С. 1039]. Свою правоту Мурр аргументирует возросшими только за одно десятилетие в два раза показателями английской и американской торговли.

И.К. Бабст, ставший в 1858 году одним из издателей журнала «Вестник промышленности», также опубликовал теоретическую статью в № 5 «Экономического указателя» за 1857 год. Посвящена она свободной торговле и охранительной системе. Бабст прекрасно понимал купцов, которые ищут самых дешевых цен при покупке товаров и самых дорогих — при продаже. Размышляя о плюсах и минусах свободной торговли, публицист приходил к выводу, что она, конечно же, выгодна и с точки зрения экономики, и с точки зрения живой конкуренции меж-

ду производителями. Естественно, он не призывал сразу же переходить на новую систему, а говорил о постепенной смене политики. «Только в промышленно неразвитых странах производители стараются нажиться при помощи дорогих цен и не хотят согласиться, что самое правильное производство, самый правильный сбыт бывает только там, где стараются искать барыша в увеличении рынка, и расширяют последний не высокими монопольными ценами, а экономией и расчетливостью в издержках производства и дешевыми ценами» [9. С. 112].

В № 162 «Указателя» сообщалось о лекции Бабста, успешно прошедшей в Москве. Однако отмечалось, что она произвела на журнал странное впечатление, так как было читано «нечто вроде протекционизма, прикрытого удобным покровом исторического направления» [22. С. 100].

Кроме того указывалась, что Москва всегда отличалась особым взглядом, эгоистическим и далеко не широким, на народно-хозяйственные явления. Скорее всего, здесь имеются в виду споры между западниками и славянофилами. Последние и были представителями второй столицы и в отличии от петербуржцев, тяготевших к западным путям развития, всегда выступавшим за самобытность России.

Через несколько номеров в «Указателе» опубликовано мнение Ф.Е. Тернера по поводу ответа Бабста на упреки и замечания «Указателя» [24. С. 177—182]: «можем ли мы разом отстранить охранительные пошлины, когда у нас нет дорог, когда нашему работнику нельзя перейти без дозволения с места на место, когда у нас нет кредитных учреждений, когда наша промышленность не имеет еще права заявлять свои требования» [24. С. 179], — задавался вопросами Бабст. Тернер призывал его к разъяснениям и настаивал, что категорично отвергать принципы свободной торговли нельзя.

На этом дискуссия окончилась и в следующем номере «Указателя» последовала заметка «Еще г-ну Бабсту», где четко было отмечено, что охранительные пошлины являются «налогом на многих потребителей в пользу немногих производителей» [25. С. 203].

Журнал Вернадского пришел к выводу, что, признавая идеи свободной торговли, Бабст в то же время указывал на полезность охранительных пошлин, предлагал их удалить лишь тогда, когда внутренняя торговля будет вполне свободна и считал необходимым ограничивать ее вмешательством правительства. Это и был умеренный протекционизм, против которого выступал и сам Вернадский, и сотрудники его журнала. Покровительственная политика, по их мнению, возможна лишь для устранения насилия и опасности, потому что именно безопасность и является основной целью любого правительства.

В № 150 за 1859 год «Указатель» начал полемику с «Журналом для акционеров», который в № 147 за тот же год советовал обратиться к «совершенно новому лекарству от всяких экономических зол», подразумевая под этим возвышение покровительственных пошлин привозного тарифа, и в особенности распространение его на ввоз машин [19. С. 1036]. Автор статьи в журнале Вернадского Тернер категорически с данным утверждением не согласен: при дефиците железа, даже если на его ввоз снизить ввозные пошлины, мера никак не поможет развить про-

изводство машин в России, «тут никакие охранительные пошлины не помогут!», — заключил он [19. С. 1039].

После Крымской войны в стране началась «железнодорожная лихорадка»; Чижев, будучи сторонником развития транспорта, освещал в «Вестнике» проблемы перевозок. Основными темами журнала стали несовершенство русских железных дорог, необходимость их строительства силами отечественных предпринимателей. В журнале приводилась также статистика несчастных случаев, произошедших на Петербургской, Варшавской, Николаевской железных дорогах.

В 1857 году было учреждено Главное общество российских железных дорог, решающая роль в котором принадлежала иностранным банкирам, а производство работ выполняли французские инженеры. Спустя несколько лет Чижев записал в дневнике 7 ноября 1876 года: «Французы просто грабили в России... строили скверно вследствие незнания ни климата, ни почвы и того невыносимого презрения, какое они питали к русским инженерам» [5. Л. 160].

«Вестник промышленности» решительно печатал обличительные материалы, доказывающие, что пока инициатива в строительстве железных дорог принадлежит Главному обществу, растрочен не один миллион рублей: «Мы нуждаемся в действительных капиталах и дельных промышленниках, а не в заезжих проходимцах... добывающих себе, пользуясь случаем и невежеством монополии, и вместо внесения капиталов поглощающих наши собственные средства, и выхлопывающих себе неприкосновенность от выражений справедливого негодования всего общества», — возмущался Чижев в статье «Обозрение промышленности и торговли» (в части «Несколько слов по поводу новых льгот, испрашиваемых Главным обществом железных дорог») [3. С. 83].

«Указатель» вторил «Вестнику». Так, в № 151 за 1859 год отмечалось: «С некоторого времени в с.-петербургских журналах и газетах появляются статьи, имеющие целью распространить в публике неверные понятия о достоинстве составляемых инженерами Главного Общества проектов линий железных дорог и искусственных на них сооружений» [20. С. 1082]. Журнал Вернадского опубликовал маленькую заметку, в которой сообщалось, что все вопросы, касаемые подобных объявлений, могут быть сняты в секретариате общества.

Действительно, многие обещания общества за три года его работы выполнены не были: журнал сообщал, что по § 3 за это время должно было быть проложено около 300 верст дороги, а проложено всего 51. Кроме всего прочего, одна верста при строительстве обходится в 325 рублей серебром вместо 250 запланированных [23. С. 149]. Очевидно, что недовольства и недоверия к Обществу росли.

Со временем появились и тревожащие всех известия: «Главное общество русских железных дорог отказывается и от тех линий, которые оно обязалось выстроить к 1867 г.» [28. С. 244]. Журнал Вернадского эти новости принял, сокрушаясь и продолжая указывать на необходимость строительства железных дорог и улучшения уже имеющихся. В пример приводилась Австрия, где начали использовать газ для освещения вагонов [28. С. 244]. Вскоре французско-русское правление общества вместо того, чтобы как-то ускорить работы или хотя бы постараться выполнить часть своих обещаний, обратилось к русскому правительству,

которое «обязано дать Обществу еще большее обеспечение, большие права и больше денег» [29. С. 446].

В журналах освещался и зарубежный опыт строительства железных дорог. Так, Г.П. Каменский, сотрудник «Вестника», писал об устройстве железных дорог в Англии: «Акции железных дорог обнаруживают признаки поправления. Наконец директора устали в борьбе между собою, которая поглотила и основной капитал, и занятые капиталы, поглотила не хуже Крымской войны...» [29. С. 445]. Рассматривая железные дороги Англии как собирательное учреждение, не принимая в расчет частные выгоды различных компаний, Каменский отмечал, что «даже в финансовом отношении это далеко не пропавшее предприятие: доходы его значительны, каждый год более девяти миллионов расходовались между публикой в виде дивидендов, между тем как кредиторы получали выше трех миллионов процентов» [29. С. 447].

В «Указателе» также приводилось большое количество статистических сведений об успешном развитии железных дорог за границей: в Северо-американских штатах, во Франции, в Бельгии. Указывались и инженерные особенности строительства в этих странах (углы наклонов, допустимая кривизна и др.). Особое внимание уделено строительству железных дорог в Канаде, которая в 1856 году построила «чугунку» между озерами и Атлантическим океаном, несмотря на хорошее водное сообщение страны. Однако водные пути зимой не действуют, поэтому и очевидно было решение капиталистов проложить в регионе железную дорогу.

Преимущество железных дорог несомненно, пишет журнал Вернадского, несмотря на то, что железные дороги начали достаточно активно строиться, все же для большинства российской публики, в основном для простого класса, они оставались загадкой. Некоторые даже полагали, что «тут без нечистой силы не обошлось» [30. С. 470].

Деловые издания рубежа 50—60 годов XIX века действительно играли активное участие в общественно-политической жизни страны. «Вестник промышленности» представлял собой «толстый», качественный, экономический частный журнал, «Экономический указатель» напоминал скорее газету расширенного формата. Однако и тот, и другой журнал оказывали влияние на внутреннюю политику России, принимали активное участие в журнальной полемике по жизненно важным вопросам: о преимуществах вольнонаемного труда, о тарифах 1850 и 1857 годов, о транспортных проблемах в стране и о многом другом.

© Сурнина И.А., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Боханов А.Н.* Буржуазная пресса и крупный капитал. М., 1984.
- [2] Вестник промышленности. 1858. № 1. Июль. Отдел «Обозрение промышленности и торговли».
- [3] Вестник промышленности. 1860. № 8. Отдел «Обозрение промышленности и торговли».
- [4] Вестник промышленности. 1861. № 2. Февраль. Отдел «Обозрение промышленности и торговли».

- [5] НИОР РГБ. Ф. 332. Карт. 3. Ед. хр. 4.
- [6] Предприниматели и предпринимательство в России от истоков до начала XX века. М., 1997.
- [7] Российские самодержцы (1801—1917). М., 1994.
- [8] Экономический указатель. 1857. № 2.
- [9] Экономический указатель. 1857. № 5.
- [10] Экономический указатель. 1857. № 10.
- [11] Экономический указатель. 1857. № 20.
- [12] Экономический указатель. 1857. № 22.
- [13] Экономический указатель. 1857. № 24.
- [14] Экономический указатель. 1857. № 29.
- [15] Экономический указатель. 1858. № 101.
- [16] Экономический указатель. 1858. № 102.
- [17] Экономический указатель. 1858. № 103.
- [18] Экономический указатель. 1859. № 130.
- [19] Экономический указатель. 1859. № 150.
- [20] Экономический указатель. 1859. № 151.
- [21] Экономический указатель. 1860. № 158.
- [22] Экономический указатель. 1860. № 162.
- [23] Экономический указатель. 1860. № 164.
- [24] Экономический указатель. 1860. № 166.
- [25] Экономический указатель. 1860. № 167.
- [26] Экономический указатель. 1860. № 173.
- [27] Экономический указатель. 1861. № 228.
- [28] Экономический указатель. 1861. № 244.
- [29] Экономический указатель. 1861. № 257.
- [30] Экономический указатель. 1861. № 260.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 14 октября 2016.

Дата принятия к печати: 2 декабря 2016.

Для цитирования:

Сурнина И.А. (2017). Роль периодических изданий в социально-экономических преобразованиях России 1857—1961 гг. («Экономический указатель И.В. Вернадского и «Вестник промышленности» Ф.В. Чижова) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2017. Т. 22. № 1. С. 156—166.

Сведения об авторе:

Сурнина Ирина Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры истории русской литературы и журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Контактная информация: e-mail: isurnina1983@mail.ru

ROLE OF THE PERIODICALS IN THE SOCIO-ECONOMIC TRANSFORMATION IN RUSSIA, 1857–1861 (“ECONOMICHESKIY UKAZATEL” OF V.I. VERNADSKY AND “VESTNIK PROMYSHLENNOSTI” OF F.V. CHIZHOV)

I.A. Surnina

Lomonosov Moscow State University
Mokhovaya street, 9, Moscow, Russia, 125009

The article describes the role of key business publications of the turn of the 1850–1860’s. social and economic transformations in Russia. Analyzed the controversy between them (“*Ekonomicheskii Ukazatel*” of V.I. Vernadsky and the “*Vestnik Promyshlennosti*” of F.V. Chizhov) and the publications of other nature (“*Sovremennik*” of N.A. Nekrasov, “*Russkii Vestnik*” A.I. Koshelev) on a number of critical issues. The key themes that have been covered in the business pages of periodicals include the peasant question (the controversy on the community device, the elimination of forced labour, the creation of a market for wage labor), free trade or protectionist policies, the construction of Railways (foreign experience (Austria, England, France, Belgium, the United North American States), the imperfection of Russian Railways).

Key words: I.V. Vernadsky, F.V. Chizhov, (“*Ekonomicheskii ukazatel*”, “*Vestnik promyshlennosti*”, serfdom, peasants, railway, protectionism, free trade

REFERENCES

- [1] Bokhanov A. N. *Burzhuaznaya pressa i krupnyy kapital*. M., 1984.
- [2] *Vestnik promyshlennosti*. 1858. № 1. Iyul’. Otdel «Obozreniye promyshlennosti i trgovli».
- [3] *Vestnik promyshlennosti*. 1860. № 8. Avgust. Otdel «Obozreniye promyshlennosti i trgovli».
- [4] *Vestnik promyshlennosti*. 1861. № 2. Fevral’. Otdel «Obozreniye promyshlennosti i trgovli».
- [5] NIOR RGB. F. 332. Kart. 3. Yed. khr. 4.
- [6] *Predprinimateli i predprinimatel'stvo v Rossii ot istokov do nachala XX veka*. M., 1997.
- [7] *Rossiyskiye samodержzhtsy (1801–1917)*. M., 1994.
- [8] *Ekonomicheskii ukazatel*’. 1857. № 2.
- [9] *Ekonomicheskii ukazatel*’. 1857. № 5.
- [10] *Ekonomicheskii ukazatel*’. 1857. № 10.
- [11] *Ekonomicheskii ukazatel*’. 1857. № 20.
- [12] *Ekonomicheskii ukazatel*’. 1857. № 22.
- [13] *Ekonomicheskii ukazatel*’. 1857. № 24.
- [14] *Ekonomicheskii ukazatel*’. 1857. № 29.
- [15] *Ekonomicheskii ukazatel*’. 1858. № 101.
- [16] *Ekonomicheskii ukazatel*’. 1858. № 102.
- [17] *Ekonomicheskii ukazatel*’. 1858. № 103.
- [18] *Ekonomicheskii ukazatel*’. 1859. № 130.
- [19] *Ekonomicheskii ukazatel*’. 1859. № 150.
- [20] *Ekonomicheskii ukazatel*’. 1859. № 151.
- [21] *Ekonomicheskii ukazatel*’. 1860. № 158.
- [22] *Ekonomicheskii ukazatel*’. 1860. № 162.
- [23] *Ekonomicheskii ukazatel*’. 1860. № 164.
- [24] *Ekonomicheskii ukazatel*’. 1860. № 166.
- [25] *Ekonomicheskii ukazatel*’. 1860. № 167.
- [26] *Ekonomicheskii ukazatel*’. 1860. № 173.

- [27] *Ekonomicheskiy ukazatel'*. 1861. № 228.
- [28] *Ekonomicheskiy ukazatel'*. 1861. № 244.
- [29] *Ekonomicheskiy ukazatel'*. 1861. № 257.
- [30] *Ekonomicheskiy ukazatel'*. 1861. № 260.

Article history:

Received: 14 October 2016.

Revised: 1 November 2016.

Accepted: 2 December 2016.

For citation:

Surnina I.A. (2017). Role of the periodicals in the socioeconomic transformation in Russia, 1857—1861 (“*Ekonomicheskiy ukazatel'*” of V.I. Vernadsky and “*Vestnik promyshlennosti*” of F.V. Chizhov). *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 22 (1), 156—166.

Bio Note:

Surnina Irina Alexandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of History of Russian literature and Journalism, Faculty of Journalism, Moscow Lomonosov state university
Contacts: e-mail: isurnina1983@mail



УДК 070

654.191.06

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-1-167-176

ОПЫТ ЛИТЕРАТУРНО-ДРАМАТИЧЕСКОГО РАДИОВЕЩАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЗДАНИЯ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННО-РАЗГОВОРНЫХ РАДИОСТАНЦИЙ

Е.А. Шевелева

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Моховая, 9, Москва, Россия, 119019

В статье анализируется путь становления и развития средств художественной выразительности радио, рассматривается специфика их воздействия на слушателя. Последнее масштабное исследование на эту тему проводил А.А. Шерель. Результаты отражены в очерках «Аудиокультура XX века», которые были опубликованы в 2004 году. Современное радиовещание сильно отличается от радиовещания 2000-х годов. Новые тренды медиаиндустрии — конвергенция, ориентированность на социальные медиа — кардинально изменили традиционные жанры и формы. В стремлении к оперативности все меньше внимания уделяется собственно-му языку радио, а это, в свою очередь, негативно сказывается на качестве материалов, выходящих в эфир.

Ключевые слова: выразительные средства, радио, радиотеатр, радиоспектакль, арсакустика

Средства художественной выразительности: становление

На заре развития радиовещания (с 1921 по 1928 гг.) в возможности передать звуковой сигнал видели лишь способ оптимизировать процесс доставки информации. Газеты — в то время главный ее источник — не удовлетворяли потребностей страны: их количество сокращалось из-за недостатка бумаги, масштабности типографских расходов. На помощь пришла радиотелефония: «Вся Россия будет слышать газету, читаемую в Москве», — пишет В.И. Ленин 26 января 1921 управляющему делами Совнаркома [5].

Понимание радио как «газеты без бумаги и без расстояний» во многом определило курс его развития в первый период: с 1921 по 1927 год радиосообщения представляли собой озвученную газетную заметку, и редколлегии этим гордились. По мере того как традиционная печать стала получать необходимые ресурсы, вопрос о природе и потенциале радио как самостоятельного СМИ стал выходить на передний план.

В конце 20-х годов сформировались два лагеря. Представители первого — считали радио техническим средством пропаганды существующих видов искусства, второго — принципиально новой возможностью отражения мира [4. С. 44]. В числе последних был и А.В. Луначарский, в то время нарком просвещения. Свою

позицию он сформулировал в конспекте «Тезисы по радиоискусству», написанном в 1927—1928 годах.

«Радио, проникающее во все далекие углы, куда не могут и не скоро дойдут другие формы искусства, должно играть исключительную роль в пропаганде и агитации путем искусства... Но для того, чтобы эта форма искусства была действенной, нужно, чтобы она дифференцировала свои приемы и, пользуясь тем, чем возможно от других искусств, создала свои приемы и методы воздействия, основанные на специфических условиях невидимых восприятий...» [9. С. 44].

Последующий путь становления средств художественной выразительности радио, его особого языка был напрямую связан с развитием литературно-драматического радиовещания, ведь перед авторами, работавшими в этом направлении, стояла задача не просто донести информацию, но передать образ. Этот образ позже назовут «звуковой» — он станет одним из основных понятий радиожурналистики.

В первом отечественном радиоспектакле «Вечер у Марии Волконской», который вышел в эфир 25 декабря 1925 года в столетие со дня восстания декабристов, герои двигались абсолютно беззвучно: автор сценария и режиссер Н.О. Волконский не использовал шумы, однако особое внимание он уделил музыке. Музыка не просто обрамляла действие — она играла драматургическую роль. Так, образ Николая I раскрывал треск барабанов: партия ударных неизменно сопровождала голос этого героя.

Прием создания психологического портрета с помощью музыки возьмут на вооружение корреспонденты и радиопублицисты. Яркий пример — программа о несостоявшемся семейном счастье, которую А.А. Шерель приводит в очерках «Аудиокультура XX века». Историю семи пар автор рассказывает всего одной мелодией — «Осенней песней» П.И. Чайковского.

«Она возникала в передаче неоднократно, но каждый раз в новом звучании — рояль, виолончель, гобой, гармошка, оркестр — и каждый раз автор вместе с режиссером находил ту неповторимую ритмическую, мелодическую и тембровую окраску, которая позволяла музыке продолжить мысли и чувства журналиста и его героев» [9. С. 127].

Представители радиоискусства также исследуют и раскрывают возможности шумов. Постановка, полномасштабно представившая слушателю их потенциал как выразительного средства радио, вышла в эфир в 1927 году. Это была радиоинсценировка произведения Б. Лавренева «Ветер, или Повесть о веселых днях Василия Гулявина». Звуки придумывали и прорабатывали заранее, а воспроизводили непосредственно в момент трансляции. С тех пор эксперименты по созданию шумов стали регулярными, и радиожурналисты охотно пользовались их результатами. Пьесы, насыщенные таким материалом, быстро нашли отклик у аудитории, отмечал журнал «Радиослушатель», в редакцию которого все чаще приходили письма подобного содержания:

«Далеко в Сибири, за Уралом, где задувают метели и монотонно шумит сосновый лес, в большой канцелярии Беловодского лесничества собралось человек 18 и, затаив дыхание, слушают. Больше всего нравятся: крестьянские концерты,

юмор и пьесы, как, например, “Предательство Дегаева” и “Пурга”. Слушаешь и как будто бы сидишь в театре» [8. С. 4].

Позже даже появится термин «шумовое оформление передачи», правда, по мнению ряда экспертов, правильнее сказать «целостное музыкально-шумовое решение», так как шумы способны не только быть фоном, но и нести смысловую нагрузку: обозначать место или время действия, перемещение действия во времени и пространстве, выражать психологическое состояние участников события или самого журналиста, а также эмоциональный характер описываемого.

Совсем иное значение литературно-драматическое радиовещание подарило документу. Он стал не просто базовым материалом для журналистского произведения, но его важнейшим композиционным компонентом. Сначала документ использовали в эпизодах — его становление как драматургического приема ознаменовалось выходом в эфир в 1930 году радиоспектакля «“Красин” спасает “Италию”» по пьесе немецкого писателя Ф. Вольфа «Спасите наши души»: «По сути спектакль приобретает характер документального репортажа о недавних событиях. Весьма примечательно, что в конце постановки прозвучало выступление одного из героев эпопеи летчика Бориса Чухновского, что подчеркнуло, усилило эффект достоверности» [2].

Эффект достоверности, созданный за счет работы с хроникальным материалом, позже ляжет в основу как документально-игровой радиодраматургии, так и документальной радиожурналистики.

Силу воздействия звуковых образов на воображение слушателя оценили и представители власти. Если до 1932 года контролировали содержание программ, позже — взялись и за форму. С выходом постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» поиск нестандартных решений поощрять перестали — стояла задача унифицировать искусство [6]. Казалось бы, эпохе творческих прорывов положен конец. Однако в этот же период аудиальными экспериментами начинают чаще интересоваться мастера литературы, театра, кино, среди них Вс.Э. Мейерхольд и А.Я. Таиров, мастера Московского художественного театра и звезды вахтанговской труппы — А.Д. Дикий, С.М. Михоэлс, А.Д. Попов и др. В период с 1935 по 1937 они готовят программы к 100-летию со дня смерти А.С. Пушкина.

«Этот юбилей дал возможность реализовать у микрофона глубочайший художественный потенциал литературной, музыкальной и театральной России в единстве с эстетическими достижениями национальных культур народов, объединенных под флагом СССР», — поясняет А.А. Шерель [7. С. 27].

Вопреки целям партийной элиты, своим опытом они обогащают палитру выразительных средств радио, а именем — привлекают больше внимания к радиоискусству в целом.

Во время войны вещательную сетку перестроили: на смену традиционным рубрикам пришли фронтовые передачи, сводки и сообщения. Удельный вес литературно-драматических программ резко сократился. В основном в эфир давали «Театр у микрофона» — трансляции из лучших театров и концертных залов Советского Союза, большую часть которых составляли произведения отечественной

классики, которые призваны были напомнить солдатам и офицерам, насколько богата та культура, которую они защищают, тем самым они поднимали боевой дух.

Но по мере того, как советские войска одерживали победу над гитлеровской Германией, литературно-драматические программы начали возвращаться.

Настоящим событием стал цикл передач по роману Л.Н. Толстого «Война и мир», не меньший эффект произвело выступление А.Т. Твардовского с отрывком из поэмы «Василий Теркин». Важно отметить, что эти передачи звучали в форме литературных чтений — пьесы, написанные специально для радио, по-прежнему встречались в эфире крайне редко. В послевоенные годы они и вовсе исчезли.

Причина, поясняют историки радио, — в условиях работы. В отличие от театра, произведения, вышедшие на радио, считались собственностью Радиокomiteта — на проценты от повторов ни актерам, ни режиссерам рассчитывать не приходилось вплоть до 60-х гг. По мнению А.А. Шереля, оригинальные радиопьесы нарочно вытесняли из эфира именно из-за силы их воздействия на аудиторию.

«Радио в своих эстетических реалиях ориентировалось не только на слово, но и на звук, на сочетание музыки и шумов, позволяющих управлять фантазией слушателя. А эту фантазию, ассоциативные ряды, выстраивавшиеся под воздействием радиопроизведения, контролировать было много сложнее, чем обычный текст, где цензор мог заранее вычеркнуть все сомнительные слова и фразы. В условиях жизни в стране, ориентированной на подавление инакомыслия и воспитание стандартов мышления, та свобода воображения, которую подразумевала истинная радиодраматургия, кое-кому казалась социально опасной» [9. С. 84].

Спасло детское радиовещание. В стремлении заинтересовать самых маленьких слушателей авторы, работавшие в этом направлении, продолжали исследовать возможности радиоискусства — раскрывать потенциал радио как самостоятельного СМИ. Этому способствовал свободный доступ к звукозаписи: после войны в Советский Союз привезли трофейную магнитофонную ленту. И если раньше в большей степени развивались формообразующие средства художественной выразительности радио — слово, музыка, шумы, то теперь пришло время стилеобразующих.

Один из самых ярких экспериментов лег в основу радиоспектакля «Золотой ключик, или Приключения Буратино» (1948 г.). Режиссер Р.М. Иоффе установила, что изменение скорости воспроизведения магнитофонной пленки, обычно приводящее к «техническому браку», может стать сильнейшим художественным приемом. Все роли в этой постановке исполнял актер и радиорежиссер Н. Литвинов, но благодаря этому ноу-хау его голос превращался то в звонкую скороговорку деревянного мальчика, то в рев Карабаса. Прием «буратино» тут же освоили работники информационного вещания. Использовали его в основном для придания комичности речи.

С внедрением магнитофонной записи развитие получил и монтаж. Безусловно, его принципы формировались и в рамках информационно-аналитических программ (в послевоенные годы прямого эфира практически не осталось — все шло в записи), однако как драматургический прием он окреп лишь в радиоискус-

стве: «Монтаж есть прежде всего выражение идеологических и эстетических позиций автора, метод его художественного мышления, творческого осмысления действительности» [9. С. 145].

Техническая революция стала импульсом революции эстетической. Новая технология позволила найти новые приемы и расширила палитру выразительных средств.

Особого внимания заслуживает метод акустического коллажа. В его основе — соединение разнофактурных элементов. Эти элементы, поочередно сменяющие друг друга, возбуждают широкий круг ассоциаций у слушателя, будоражат его фантазию. Метод получит развитие в творчестве современных радиорежиссеров и позже станет фундаментом нового направления — арсакустики, — которое отличается особой, филигранная работа с шумами.

Одним из родоначальников арсакустики по праву считают радиорежиссера Дмитрия Николаева. Выпускник РАТИ (ГИТИС), на радио он пришел с твердым желанием: продемонстрировать всю силу звука, точнее «звукописи». В 1993 году он ставит радиоспектакль «Песенка», в котором остросюжетная линия выстроена исключительно на шумах. Действие разворачивается вокруг спора друзей об одной незатейливой мелодии. Философский аспект абсолютно житейской истории — истории бытового конфликта — раскрывается в самом звучании мелодии — застольная песня, военный марш, грохот ракет, эхо ядерного взрыва. За эту работу Д. Николаев получил премию «Красноречие звука» на радиоконгрессе во Франции.

Как видно из представленного анализа, чем больше развивалось радиовещание, тем богаче становилась палитра его выразительных средств и тем активнее радиожурналисты ее использовали. Слово, музыка, шумы, акустические наложения и монтажные приемы стали неотъемлемыми атрибутами не только художественных, но также информационных и публицистических жанров.

На языке радио

Современное радиовещание редко использует средства художественной выразительности — на классическом языке радиоискусства говорят преимущественно государственные радиостанции.

«Радио России» дает в эфир материалы в традиционных для литературно-драматического направления формах — радиоспектакли, литературные чтения, «Театр у микрофона» представлен двумя постоянными программами — «Россия на бис» (записи спектаклей лучших драматических театров России) и «Театр без границ» (русский театр за рубежом). Радиоверсии спектаклей российских театров выходят также на «Радио России. Культура» в рамках авторской передачи Марины Багдасарян «Театр FM». «Примечательно, что “Театр FM” дает версии постановок не только московских, но крупных провинциальных театров. В середине лета в серии радиопостановок по русской классике в этой рубрике прозвучали радиоверсии двух чеховских пьес: “Вишневый сад” в исполнении артистов Ростовского академического драматического театра, а также “Дядя Ваня” в инсценировке Одесского драматического театра», — подчеркивает независимый радиоэксперт Александр Брагинский [3. С. 66—67]. Представляет «Театр FM» и пьесы,

созданные специально для радио. Сценарии для этих постановок Марина Багдасарян зачастую пишет сама.

Авторы «Радио России» и «Радио России. Культура» также активно используют средства художественной выразительности при создании образовательных программ, примером могут служить «Европа. Великие имена» (цикл из 250 передач для старшеклассников, который знакомит с выдающимися представителями западноевропейской культуры) и «Россия. История в лицах» (аналогичный проект об отечественных деятелях науки и культуры, в эфире до сентября 2016 г.) На детскую аудиторию рассчитаны программы блока «Звездные сказки».

Программы, выдержанные в формах, традиционных для литературно-драматического направления, можно встретить также на радиостанции «Звезда» (входит в медиагруппу «Звезда», подведомственную Министерству обороны РФ). Ежедневно в эфире звучит «Ночная радиокнига» — сразу несколько радиоспектаклей. Как правило, дают их по частям, а части, в свою очередь, разбивают по дням недели.

Из коммерческих станций художественный контент постоянно представлен на «Детском радио»: в его эфирной сетке и литературные чтения — программа «Короткие сказки», и радиоочерки — «Маленькие истории», и радиоспектакли — «Радиотеатр «Цветной»»; а также на «Радио Книга» (в московском эфире с 24 марта 2016 года). Слоган радиостанции: «Слушай!... Чтобы читать!». Одной из главных задач проекта его авторы, в числе которых Н. Расторгуев (совладелец) и Е. Серов (программный директор), видят возрождение у аудитории интереса к чтению с помощью короткой литературной формы (в основе эфира радиоверсии новелл, радиоочерки, исторические и литературные анекдоты, стихотворения, радиозарисовки, короткие интервью).

Поиск нового контента, важных содержательных нововведений, изменение самой стилистики звучания являлись отличительной особенностью российского коммерческого вещания на этапе его становления — во многом это было продиктовано негласной концепцией: важно не дублировать, а дополнить то, что есть (на тот момент это был контент государственных вещателей) — занять свою нишу [1. С. 7—10].

Сегодня альтернативной нишей становится литературно-драматический контент: «Поющих радиостанций много, и везде одно и то же. Меня как музыканта это поддоставало. Постоянно одна и та же музыка от одних и тех же исполнителей...», — поясняет Н. Расторгуев в одном из интервью в день запуска станции в Москве.

Очевидно, можно говорить о новом явлении в российском радиовещании: это, своего рода, альтернатива альтернативе, а значит, по сути, закономерное возвращение к истоку — литературно-драматическому контенту, заключенному в новый формат, отвечающий предпочтениям современной аудитории и продиктованный законами современного эфира (в том числе тенденцией сокращения хронометража: 3 минуты как стандарт информационного вещания).

Жанры и формы литературно-драматического радиовещания также используют как альтернативу материалам, которые предполагают традиционные для современного эфира форматы — музыкальный и информационно-разговорный.

Такой контраст позволяет привлечь внимание аудитории. Так, например, «Коммерсант FM» — информационно-разговорное радио — к 70-летию окончания Великой Отечественной войны запустил спецпроект «Звуки Победы» — серию двухминутных сюжетов о звуках, неразрывно связанных с великим подвигом советского народа: это и биение сердца Ленинграда — знаменитый метроном, и раскатистый рокот «Катюши». Выпуск представляет собой двухминутную радиопостановку, ключевым элементом которой является документ — хроникальная запись.

Использование средств художественной выразительности радио при создании радиорепортажей встречается редко — в этом наблюдается отход от классических законов жанров: чаще музыка и шумы играют роль акустических кулис — не несут смысловой нагрузки. А иногда эти кулисы даже не гармонируют с действием, развернувшимся в эфире.

Примером можно считать «Аэропланы» — рубрику о путешествиях, которая регулярно выходит на волнах радиостанции «Москва FM». Каждый выпуск — рассказ о конкретном городе или стране в целом — сопровождается нейтральной мелодией в стиле «хаус», которая не то что не отражает колорит того места, о котором идет речь, скорее наоборот, — стирает всякое представление о нем. Голос ведущего сменяется комментариями экспертов, живых звуков, которые также могли бы вызвать эмоциональный отклик слушателя, нет.

Причиной такого небрежного отношения к средствам художественной выразительности радио чаще всего называют острую нехватку времени, сопровождающую подготовку любого материала к эфиру, особенно на информационно-разговорных радиостанциях. Однако поиск и подбор художественных средств занимает не так уж много времени — исключение составляет лишь работа над большими произведениями классического жанра. При отсутствии возможности записать материал самый простой вариант — поискать в интернет-шумотеке. Одна из тех, что есть в свободном доступе, — Noisefx.ru [10]. Материалы, представленные там, собраны из открытых источников. К слову, обратиться к открытым источникам можно и самостоятельно. В целом же, уделять внимание шумам необходимо при работе «в поле» — набирать их так же, как телевизионные корреспонденты набирают «картинку», тем более что на радио картинка — это звук, и зачастую для аудитории она куда более яркая, чем та, которую можно видеть на экране. Объяснение этого феномена можно встретить у исследователя радиоскусства М. Микрюкова: «Автор может мгновенно вызвать в воображении слушателя любую картину, используя для этого не только «материал» из его повседневной жизни, но и сохранившиеся в его памяти «материалы» из кинофильмов, книг, иллюстрированных журналов, волшебных сказок» [4. С. 47].

Ученый, по сути, развивает мысль физиолога И.М. Сеченова: «...малейший внешний намек на часть влечет за собой воспроизведение целой ассоциации... Следовательно, звук в передаче радио через слуховое восприятие способен вызвать ощущение пластического облика предмета — формы, линии, цвета, его движения в пространстве, воспроизвести облик человека и разнообразные чувства, владеющие этим человеком, — радость, горе, боль, наслаждение и т.д.» [9. С. 126].

Следовательно, работа со звуковыми образами могла бы быть регулярной практикой не только авторов художественных программ, но и журналистов информационно-разговорных радиостанций. Ведь чтобы завладеть вниманием целевой аудитории, необходимо вызвать отклик в душе каждого конкретного слушателя, а самый верный способ — обратиться к его личным ассоциациям, мыслям и чувствам, это можно сделать только с помощью истинного языка радио — его художественно-выразительных средств.

Сегодня наиболее часто средства художественной выразительности радио используются для обрамления эфира — шумы, музыка и даже хроника встречается в позывных и джинглах. Так, например, неизменный атрибут авторской программы Марии Славской о секретах кулинарии «Машина лапша» — выходит на радиостанции «Подмосковье» — бурление закипающего супа.

Проанализировав контент ряда современных радиостанций московского диапазона с точки зрения использования средств художественной выразительности радио, можно сделать вывод: наиболее полно возможности языка радио по-прежнему используют государственные радиостанции. На коммерческих станциях они, в основном, играют роль акустических кулис или являются альтернативой основному контенту.

© Шевелева Е.А., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Беляев С., Коробицын В.* Радиостанции России: государственное и независимое вещание. М., 1995.
- [2] *Болотова Е.* Формирование жанра документальной драмы в отечественном радиотеатре (1928—1932 гг.) // ISTINA.MSU.RU: Интеллектуальная система тематического исследования научно-технической информации. 2016. URL: <https://istina.msu.ru/media/publications> (дата обращения: 07.08. 2016).
- [3] *Брагинский А.* Театр у микрофона // Журналист. 2015. № 10. С. 66—67.
- [4] *Микроков М.* Радиотеатр-искусство // Театр. 1964. № 12.
- [5] *Остряков П.* Газета без бумаг и расстояний // LENINISM.SU: сайт о В.И. Ленине. 2016. URL: <http://leninism.su/memory/194-ostriakov.html> (дата обращения: 8.06.2016).
- [6] Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» 23 апреля 1932 г. // HIST.MSU.RU: электронная библиотека Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. 2016. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/EText/USSR/1932.html>(дата обращения: 7.06.2016).
- [7] *Радиожурналистика: учебник / под ред. А.А. Шереля.* М., 2005.
- [8] *Радиослушатель.* 1929. № 8. С. 4.
- [9] *Шерель А.* Аудиокультура XX века. История, эстетические закономерности, особенности влияния на аудиторию: Очерки. М., 2004.
- [10] *Шумотека.* Онлайн коллекция звуков // NOISEFX.RU: официальный сайт. 2016. URL: <http://noisefx.ru/about> (дата обращения: 7.06.2016).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 ноября 2016.

Дата принятия к печати: 2 декабря 2016.

Для цитирования:

Шевелева Е.А. (2017). Опыт литературно-драматического радиовещания в контексте создания материалов для современных информационно-разговорных радиостанций // *Вестник*

Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 22. № 1. С. 167—176.

Сведения об авторе:

Шевелева Елена Александровна, аспирант кафедры телевидения и радиовещания факультета журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.
Контактная информация: e-mail: e.shevelyova@gmail.com

THE EXPERIENCE OF LITERARY-DRAMATIC RADIO BROADCASTINGS IN THE CONTEXT OF CREATION OF MATERIALS FOR MODERN INFORMATION AND COLLOQUIAL RADIO STATIONS

E.A. Sheveleva

Lomonosov Moscow State University
Mokhovaya, 9, Moscow, Russia, 119019

The article analyzes the way of formation and development of the means of artistic expression of radio, examines the specifics of their impact on the listener. The last large-scale study of this topic was made by A.A. Sheryl. The results are reflected in the number of essays named “The Audio — culture of the XXth century”, which were published in 2004. The modern way of broadcasting differs from the one we had in 2000s. New trends, such as convergence, focus on social media sources, have radically changed the traditional genres and forms of the media industry sector. For the sake of efficiency less attention is paid to the proper, unique sounding of the radio and this, in turn, negatively affects the quality of the materials going on the air.

Key words: expressive means, radio, radio dramatic art, radio performance, arsacoustics

REFERENCES

- [1] Belyaev S., Korobitsyn V. Radiostancii Rossii gosudarstvennoe i nezavisimoe veshchanie [Radio stations of Russia: state and independent broadcasting]. M., 1995.
- [2] Bolotova E. Formirovanie zhanra dokumental'noj dramy v otechestvennom radioteatre (1928—1932 gg.) [Formation of a genre of the documentary drama in a domestic radio theater (1928—1932)]. Available at: <https://istina.msu.ru/media/publications> (accessed: 07.08. 2016).
- [3] Braginskij A. Teatr u mikroфона [The Theater at the microphone]. Zhurnalist [The Journalist]. 2015. No. 10. Pp. 66—67.
- [4] Mikrjukov M. Radioteatr-iskusstvo [The Radio theatre is an Art]. Teatr [The Theatre]. 1964. No. 12. P. 44.
- [5] Ostrjakov P. Gazeta bez bumag i rasstojanij [The Newspaper without papers and distances]. Available at: <http://leninism.su/memory/194-ostriakov.html> (accessed: 8.06.2016).
- [6] Postanovlenie Politbjuro CK VKP(b) «O perestrojke literaturno-hudozhestvennyh organizacij» 23 aprelja 1932 [The resolution of the Politburo of the Central Committee of All-Union Communist Party (bolsheviks) “About reorganization of the literary and art organizations” on April 23, 1932]. Available at: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/1932.htm> (accessed: 7.06.2016).
- [7] Radiozhurnalistika: uchebnik pod red. A.A. Sherelya [Radio journalism: The textbook / Under the editorship of A.A. Sherel]. M., 2005.

- [8] Radioslushatel [The Radio listener]. 1929. No. 8. P. 4.
- [9] Sherel A. Audiokul'tura XX veka. Istorija, jesteticheskie zakonomernosti, osobennosti vlijanija na auditoriju: Oчерki. [Audioculture of the 20th century. History, esthetic regularities, features of influence on audience: Sketches]. М., 2004.
- [10] Shumoteka (2016). Onlajn kollekcija zvukov (Online collection of sounds) Available at: <http://noisefx.ru/about> (accessed: 7.06.2016).

Article history:

Received: 10 November 2016.

Revised: 25 November 2016.

Accepted: 2 December 2016.

For citation:

Sheveleva E.A. (2017). The experience of literary-dramatic radio broadcasting in the context of creation of materials for modern information and colloquial radio stations. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2017, 22 (1), 167—176.

Bio Note:

Shevelyova Elena Alexandrovna, Phd student of the Department of television and radio, Faculty of Journalism, Moscow Lomonosov state university

Contacts: e-mail: e.shevelyova@gmail.com



УДК 070

654.19(091)

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-1-177-188

НОВЫЕ ЖУРНАЛИСТСКИЕ КОМПЕТЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ МЕДИАКОНВЕРГЕНЦИИ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Е.А. Баранова

Российский государственный социальный университет (РГСУ)
Вильгельма Пика, д. 4, Москва, Россия, 129226

С развитием процесса медиаконвергенции исследователи стали много говорить о модернизации журналистского образования и необходимости подготовки журналистов-универсалов. Однако суждения теоретиков часто расходятся с мнениями журналистов-практиков. Автор в 2009—2016 годах беседовал с журналистами, редакторами и топ-менеджерами российских медиаконструкций на темы, связанные с развитием процесса конвергенции в редакциях отечественных СМИ, и задавал вопросы о том, какими навыками и компетенциями должен обладать современный журналист, а также о том, каким должно быть современное журналистское образование. Всего за эти годы было опрошено 40 человек из более чем 40 российских медиаконструкций. В данной статье приводятся мнения шести респондентов из шести медиаконструкций. Среди них Павел Гусев, главный редактор и владелец газеты «Московский комсомолец»; Владимир Таллер, президент «ТВМ Групп», академик Российской академии радио (РАР).

Автор впервые делает попытку проанализировать вопрос о журналистских компетенциях в эпоху конвергенции, основываясь на мнениях практиков, представляющих разные СМИ. Мы приходим к выводу о том, что распространенное мнение многих теоретиков о том, что процесс медиаконвергенции связан с появлением журналистов-универсалов и ведет к появлению многочисленных принципиально новых журналистских компетенций, не находит своего подтверждения на практике.

Ключевые слова: журналистское образование, журналистские компетенции, универсальный журналист, медиаконвергенция, умение работать с UGC

Теоретики и практики об универсализме в журналистике

С конца 1990-х годов теоретики СМИ не перестают писать о том, что журналистика как система видов профессиональной деятельности, совокупность профессий и научных дисциплин переживает серьезную трансформацию в условиях медиаконвергенции. Исследователи говорят о том, что на подготовку журналистских кадров начинают «оказывать влияния изменения, обусловленные глобализацией, интеграцией и внедрением современных технологий» [1. С. 103]. Теоретики СМИ пишут о том, что в начале XXI века возникла «необходимость пересмотра ряда теоретических основ, практических методов журналистской деятельности... Подготовка кадров новой формации строится на освоении универсальных профессиональных навыков для работы в разных медийных средах» [2. С. 287]. Под «кадрами новой формации» исследователи понимают конвер-

гентного журналиста, который «должен одновременно готовить материалы для передачи по различным каналам информации: через периодическую печать, телевидение, радио, Интернет и мобильные СМИ» [3. С. 6]. А также «освоить блок знаний по экономике, менеджменту, маркетингу и рекламе» [3. С. 7].

Иными словами, теоретики журналистики говорят о необходимости подготовки кадров новой формации, предполагающей освоение универсальных профессиональных навыков [4. С. 185; 5. С. 408; 6. С. 582].

Однако журналисты-практики обычно придерживаются альтернативной точки зрения. Например, ветеран конвергентной журналистики Эндрю Девигал (Andrew DeVigal), бывший мультимедийный редактор «Нью-Йорк Таймс» и директор по дизайну «Чикаго Трибьюн» утверждает: «когда человек хочет все делать сам, что-нибудь всегда страдает» [7]. К этому же мнению склоняется и большинство российских практиков, с которыми автор беседовал на протяжении 2009—2016 гг. Так, Павел Гусев, главный редактор и владелец газеты «Московский комсомолец», считает, что «универсализм — это тема исключительно для теоретических изысканий, ничего общего с практикой она не имеет. Все познать невозможно. Например Александр Минкин, может блистательно писать на культурные, политические темы, но освещение экономических вопросов у него получается хуже. У него есть логика анализа, но это не универсальность, а владение словом, умение найти нужные образы» [8].

Многое, конечно, зависит и от того, в какой медиакомпании работает журналист. Например, 2015 год был объявлен для ИД «Комсомольская правда» — лидера среди российских медиакомпаний в освоении новых технологий — годом электронных медиа — радио и Интернета. Это означает, что журналист должен создавать контент для разных платформ. Автор, корреспондент отдела политики ИД «Комсомольская правда», создает контент для печатной версии газеты, ее интернет-версии и радио «Комсомольская правда». Тем не менее вряд ли можно говорить о том, что мы обладаем какими-то универсальными мультимедийными навыками. Речь идет лишь о том, что журналист, делая, например, интервью с экспертом, потом может пригласить его и на радио (задать ему примерно те же вопросы и получить примерно те же ответы, естественно, сократив или немного переформулировав вопросы и ответы под формат радио, а также изменив подводку к теме). Журналист также может подрезать запись передачи, но, как правило, этим занимаются звукорежиссеры, которые делают это гораздо быстрее и лучше.

Мысль о том, что каждый должен заниматься своим делом, разделяет и Алексей Лоссан, заместитель главного редактора Дирекции международных проектов «Российской газеты» (РГ), который рассказывает, что в редакции РГ существует четкое разделение журналистов по их специализациям. Журналисты даже не занимаются поиском иллюстраций к своим статьям, это делает фотослужба. Она же выступает связующим звеном между журналистом и специалистом по инфографике, правильно формулируя для последнего задание от автора статьи. То есть каждый занимается тем, что у него лучше всего получается» [9].

И действительно, ведь если корреспондент идет на какое-то мероприятие, то с ним идет и фотокорреспондент. Один человек не может одновременно задавать

вопросы, писать и производить фото- или видеосъемку. Мультимедийные проекты, например популярные сегодня лонгриды, никогда не создает один человек. В их производстве участвуют разные специалисты: пишущие журналисты, профессиональные фотокорреспонденты, специалисты по дизайну, монтажеры — то есть каждый занимается своим делом.

И тем не менее теоретики журналистики не перестают говорить не только об универсализме, но и о принципиально новых навыках в эпоху медиаконвергенции.

Новые журналистские компетенции

Автор на протяжении 2009—2016 годов, беседуя с корреспондентами, редакторами, ведущими радио и ТВ-программ, а также топ-менеджерами российских медиакомпаний, анализировал компетенции, которые были или становятся актуальными в эпоху медиаконвергенции, согласно мнению журналистов-практиков.

1. Навыки видеосъемки и создания инфографики. В 2009—2010 годы на волне бурного развития видеоконтента на сайте многие практики говорили о том, что журналистам газетных редакций необходимы навыки видеосъемки. В 2009 году более половины из 20 опрошенных автором журналистов-практиков (в основном редакторы интернет-версий ведущих российских изданий) были уверены, что журналистам печатных СМИ необходимы дополнительные курсы по фотожурналистике, азам видеосъемки, курсы графических приложений. В некоторых ИД для журналистов проводили тренинги по созданию видеоконтента. Однако к 2012 году в редакциях ушли от того, чтобы журналисты сами создавали видео, отказались от многих форм подачи видеоконтента [10. С. 176]. Поэтому владение азами видеосъемки сегодня совершенно не является необходимой компетенцией при работе в должности корреспондента или редактора.

Во многих отечественных редакциях приветствуется (но не является обязательным требованием), если журналист сам сделает к материалу инфографику (речь идет, конечно, о статической инфографике). Однако в большинстве отечественных редакций журналисты не занимаются подготовкой инфографики. Даже формулировкой задания для дизайнера часто занимаются специальные сотрудники, получающие задание от журналиста, готовящего материал. Правда, «в редакциях зарубежных СМИ, как правило, нет такой практики, что одни люди пишут текст, а другие делают к нему инфографику. Обычно пишущие журналисты сами учат дизайнерские программы и начинают делать визуальную журналистику» [11] или используют различные интернет-сервисы, позволяющие визуализировать данные на основе существующих шаблонов, такие как например Crowdmap.

2. Умение общаться с аудиторией в соцсетях и «пиарить» свои материалы. С появлением блогов, форумов на сайтах СМИ, а также возможности комментировать статьи в редакциях заговорили и о новых компетенции у журналистов. Есть мнение, что будущее журналистики — дискуссионная журналистика (*debatejournalism*). Это означает, что журналист больше не выступает в роли всезнающего субъекта, а превращается в собеседника, который работает в тесной связи с читателями,

принимает участие в процессе обсуждения различных вопросов и тем. Дискуссионная журналистика резко контрастирует с «традиционной», в которой журналист — субъект, дающий свои знания аудитории [12. Р. 47].

Иначе говоря, работа журналиста заключается в том, чтобы быть в постоянном контакте со своей аудиторией. В редакциях сегодня приветствуется, если журналист от своего имени «пиарит» в соцсетях материал, и он собирает больше откликов. Ведь пользователи все чаще попадают на сайт не через главную страницу — они заходят через поисковики и по ссылкам, которые им присылают друзья. Редакторское мнение для них все чаще не приоритетно, им важно то, что считают значимым их друзья. Поэтому в некоторых редакциях от журналистов даже требуют, чтобы они умели привлекать подписчиков на свои странички в соцсетях и общаться с ними. Действующая в «Новой газете» с 2012 года система гонорарного фонда, основанная на том, что зарплата складывается из базовой ставки (у каждого жанра она своя) и КПД за количество просмотров, «позволила вырастить так называемых форвард-блогеров — журналистов, мнение которых по определенной теме очень важно. Они могут даже не первыми сообщить новость, но за ними пойдут как за персональной рекомендацией. Они создают контент и сами его расшаривают. Через их посты в социальных сетях люди заходят на сайт, т. е. форвард-блогеры генерируют социальный трафик сайту», — рассказывает Константин Полесков, редактор сайта novayagazeta.ru [13]. Такую же модель привлечения пользователей из соцсетей на сайт реализуют сайты радиостанции «Эхо Москвы», телеканала «Дождь». Но все же в большинстве редакций продвижением материалов в соцсетях занимаются выпускающие редакторы сайта или менеджеры по соцсетям, а не журналисты, готовящие материал.

3. Умение работать с UGC. Беседуя с журналистами-практиками, автор спрашивал их о том, должен ли человек, работающий с пользовательским контентом, обладать какими-то новыми навыками. Ведь теоретики говорят о том, что сегодня вырабатываются «инновационные компетенции» [14], среди которых называется навык работы с пользовательским контентом и знание того, как привлечь аудиторию к производству контента.

В отличие от теоретиков, опрошенные нами практики не смогли назвать каких-то инновационных компетенций, необходимых для работы с UGC. В редакциях с ним обычно работают сотрудники как с профильным журналистским образованием, так и его не имеющие. Все респонденты уверены, что сотрудники, работающие с UGC, должны уметь быстро оценить, что является новостью, а что — нет. Ведь в день часто приходится обрабатывать не менее ста самых разных материалов пользователей.

Нами были опрошены следующие категории экспертов: главные редакторы традиционных медиа и веб-изданий, топ-менеджеры медиакомпаний. Ответы на вопросы дали главные редакторы Александр Антоненко (mreporter.ru), Константин Полесков (novayagazeta.ru), Виталий Рувинский (echo.msk.ru), Александр Потапов (газета «Известия»), зам. главного редактора по электронным СМИ Юлия Волосатая (газета «Вечерняя Москва»), советник генерального директора по информационным технологиям Тина Бережная (телеканал «RussiaToday»). Экспер-

ты оказались единодушны в том, что редактор по работе с UGC прежде всего должен уметь налаживать контакт с мобильным автором, постоянно вести с ним диалог, договариваться об использовании его контента. «Человек может прислать видео, его покажут по федеральному каналу, он получит удовлетворение, и на этом все кончится. Поэтому одно из основных требований к сотрудникам — умение наладить постоянное взаимодействие с пользователями — с сотнями людей. Из огромного массива мобильных репортеров редактор должен уметь выделить тех, кто не просто снимает, а подходит к этому осмысленно», — объясняет Александр Антоненко [15]. Он также отмечает, что «редактор по работе с UGC должен иметь хорошие продюсерские навыки, а также знать, как работает поиск в «Твиттере», как анализировать твитты. Это необходимо, чтобы давать задания мобильным репортерам» [15].

Как видим, суждение отечественных теоретиков о том, что современный журналист должен быть универсалом, владеть навыками создания мультимедийного контента, не находят своего подтверждения на практике. Это мнение подтверждает и анализ должностных инструкций. Интересно отметить, например, что должностные инструкции газетных журналистов на разных интернет-сайтах очень похожи и содержат самые стандартные требования. Так, на англоязычном сайте «Найди мне хорошую работу» (*Get me a cool job*) приводится должностная инструкция газетного журналиста, репортера, согласно которой он пишет статьи для местных, региональных и национальных газет. Журналист пишет статьи на темы, интересные читательской аудитории издания, придерживается стиля издания. Журналист создает новые контакты, проводит личные интервью и интервью по телефону, посещает пресс-конференции, ищет новые темы для материалов. Среди ключевых навыков указывается умение хорошо писать, умение слушать и задавать вопросы. Журналисту необходимо интересоваться происходящими событиями, уметь быстро воспринимать информацию и доступно излагать ее в письменном виде, скоропись 100 слов в минуту, навыки использования информационных технологий [16].

Очень похожая должностная инструкция приводится на сайте *rabota.ru*. В должностные обязанности журналиста входит «осуществлять подготовку информационных материалов на заданные темы согласно требованиям редакции и предоставлять в виде, предусмотренном редакцией. Готовить вопросы для интервью, назначать встречи, выезжать на место их проведения, проводить интервью. Обработать информацию, собранную в ходе интервью. Представлять эту информацию в виде информационных материалов в определенном жанре. Производить проверку достоверности информации. Редактировать материалы. ... Готовить информационные материалы в соответствии с графиком, утвержденным главным редактором. ... Предлагать новые идеи. Стремится к повышению профессионального и личного роста, обучению, самосовершенствованию. ... Выполнять правила трудового распорядка, принятые в компании» [17].

Мысль о том, что процесс конвергенции не приводит к появлению каких-то принципиально новых компетенций у журналистов, подтверждают и результаты исследования, посвященного влиянию медиаконвергенции на журналистскую

профессию и характер журналистского труда, в котором приняли участие редакторы и корреспонденты газет средних и малых городов России. Исследование показало, что даже «занятия, связанные с ведением сайта редакции и размещением на нем контента, — не самые распространенные виды журналистской работы. Естественно, что на первом месте основные обязанности журналиста, которые отметили от 74 до 89% опрошенных: написание и редактирование своих текстов, участие в планировании работы редакции, фотосъемка изапись беседы на цифровой магнитофон» [5. С. 408].

Как отмечают практики, с которыми автор беседовал в 2009—2016 гг., как раз основных, базовых журналистских навыков (умение работать с текстом; умение находить интересные темы и адаптировать их под потребности аудитории; умение работать с экспертами) не хватает современным выпускникам журфаков. Так, например Александр Алиев, с 2008 — по 2011 г. — директор интернет-проекта «Известия», говорил автору в 2009 г., что «много работал со студентами журфаков — главная их проблема — не умеют писать, не умеют выражать свои мысли» [18]. Как рассказал нам в 2016-м Павел Гусев «к нам каждый год приходят устраиваться на работу или на практику десятки выпускников журфаков, 99% из них не способны работать в СМИ, они не устраиваются на работу по профессии» [8]. Гусев привел такую интересную статистику: «за последние 10 лет в “МК” приходило много выпускников журфака МГУ им. М.В. Ломоносова, но на работу я взял всего 2-3 человек» [8]. И не взял их Гусев не по причине того, что они не умеют создавать мультимедийный контент, не являются универсалами, а потому, что просто зачастую не понимают, что такое новостной повод.

Некоторые практики, с которыми беседовал автор, полагают, что выпускникам журфаков не хватает юридической грамотности. Например, Владимир Таллер, президент «ТВМ Групп», академик Российской академии радио (РАР), отмечает, что курсы «Право СМИ», «Основы профессиональной этики», которые читаются на факультетах журналистики, не учат студентов отвечать за свои слова. «Меня поражает, что я не видел надписи: “Ты ответственен!” ни на одном факультете журналистики. Этот тезис внушают медикам на протяжении всего периода обучения. Журналистам этого не внушают. Поэтому о юридической и нравственной ответственности они часто не задумываются. А ведь слово, порой, калечит больше, чем ошибка хирурга» [19].

С Таллером сложно не согласиться. Сегодня все используют программы, которые исправляют орфографические и стилистические ошибки в тексте, но никогда ни одна программа не будет определять нравственную составляющую и даже юридическую с точки зрения законодательства конкретной страны. «Сегодня именно нравственная составляющая выходит на первый план, и навыкам ее соблюдения надо обучать», — отмечает Таллер [19].

Журналистское образование в эпоху медиаконвергенции

Снова возникает вопрос: «Каким же тогда должно быть журналистское образование в условиях медиаконвергенции?» Автор статьи солидарен с мнением ряда

отечественных практиков (Павлом Гусевым, Рамазом Чиаурели, ведущим информационной программы «Сегодня» на канале НТВ и др.) о том, что единственное будущее для развития школы отечественной журналистики — это совмещение филологических дисциплин с творческими мастер-классами журналистов-практиков. «Например, я как главный редактор и владелец медиабизнеса, — объясняет Павел Гусев, — могу вести мастер-классы “Организация работы редакций”, “Экономика и менеджмент СМИ” (последний читаю в МУМе)» [8]. Словом, все профильные дисциплины («Основы творческой деятельности», «Профессиональная этика» и т.д.) должны читать исключительно практики. Однако наша система образования в области журналистики далека от совершенства. Практические дисциплины зачастую читают люди, которые либо никогда не работали в журналистике, либо работали, но очень давно, еще в советское время. Поэтому «перспективной представляется организация медиашкол на базе действующих СМИ в их тесном сотрудничестве с вузами» [20. С. 27]. К тому же на государственном уровне такая возможность сегодня представлена. В 2013 году был издан приказ Министерства образования и науки России № 958 о создании профильных кафедр и вузов на предприятиях [21].

Примеры организации медиашкол на базе предприятий уже есть. В 2015 году между агентством РИА «Томск» и Томским университетом было установлено сотрудничество, в рамках которого на базе СМИ возникла кафедра новых медиа, фотожурналистики и медиадизайна [20. С. 27].

Необходимы и новаторские решения самих журфаков, предполагающие выработку профессиональных навыков у студентов. Среди примеров такого нестандартного решения можно назвать проект «Радио в лифте» (Южно-Уральский госуниверситет) [22], стимулирующий студентов искать новые формы подачи контента и развивать проактивность, а также создание инновационного курса «Игровые коммуникации в журналистике и PR» (Российский университет дружбы народов), где студенты осваивают навыки игрофикации масс-медиа [23].

Заключение

Таким образом, изучив множество эмпирических источников, мы можем сделать следующий вывод: распространенное мнение некоторых теоретиков о том, что процесс медиаконвергенции связан с появлением журналистов-универсалов и ведет к появлению многочисленных принципиально новых журналистских компетенций, не находит своего подтверждения на практике.

Современным выпускникам журфаков часто не хватает базовых журналистских навыков (умение работать с текстом; умение находить интересные темы и адаптировать их под потребности аудитории; умение работать с экспертами). Это связано с тем, что практические дисциплины часто читают люди, далекие от журналистской практики. Поэтому единственной перспективной моделью для развития школы отечественной журналистики представляется совмещение филологических дисциплин с творческими мастер-классами журналистов-практиков.

© Баранова Е.А., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Фатеева И.А.* Филологические аспекты журналистской деятельности и журналистского образования в России и США // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2007. № 8. С. 110—114.
- [2] *Уразова С.Л.* Конвергенция как фактор жизнеспособности масс-медиа в цифровой среде. Теоретический аспект // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2011. № 5. С. 287—293.
- [3] *Журналистское образование в условиях конвергенции СМИ: монография / Л.П. Шестеркина и др. / под ред. Л.П. Шестеркиной.* Челябинск: Издательство РЕКПОЛ, 2012. 115 с.
- [4] *Писаревская Н.С.* Мультимедиа как новая форма предоставления информации // *Журналистика в 2015 году. Информационный потенциал общества и ресурсы медиасистемы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Е.Л. Вартановой, Я.Н. Засурского.* М.: МедиаМир: Фак. журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2016. 480 с.
- [5] *Свитич Л.Г.* Изменение журналистской профессии в процессах медиаконвергенции // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2015. № 5 (360). С. 406—414.
- [6] *Милославская З.А.* Медиатекст: синтез журналистского, рекламного и PR-текста в условиях конвергентных СМИ // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2016. Том 5. № 4. С. 576—587.
- [7] Эндрю Девигал: почему для создания мультимедийного контента нужна работа команды. [Электронный ресурс]. URL: <http://ijnet.org/ru/blog/эндрю-девигал-почему-для-создания-мультимедийного-контента-нужна-работа-команды> (Дата обращения: 01.11.2016).
- [8] Интервью Е.А. Барановой с П. Гусевым, главным редактором и владельцем газеты «Московский комсомолец». 2016. Апрель.
- [9] Интервью Е.А. Барановой с А. Лоссаном, заместителем главного редактора Дирекции международных проектов «Российской газеты». 2015. Октябрь.
- [10] *Баранова Е.А.* Этапы развития процесса медиаконвергенции (в попытках описать глобальные изменения в развитии СМИ с 1990—2015 гг.) // *Коммуникология*. 2016. Том 4. № 2. С. 170—193.
- [11] *Баранова Е.А.* Все, что Вы должны знать, если хотите развивать инфографику на газетном сайте // *Медиаскоп*. 2013. № 4.
- [12] *Lehtisaari K., Karppinen K., Harjunen T., Grönlund M., Linden C.-G., Nieminen H. & Viljakainen A.* Media Convergence and Business Models: Responses of Finnish Daily Newspapers // *Communication Research Centre CRC, Department of Social Research, University of Helsinki*. 2012. 58 p.
- [13] Интервью Е.А. Барановой с К. Полесковым, редактором сайта novayagazeta.ru. 2015. Июнь.
- [14] *Дрок Н.* Смена профессиональных компетенций в журналистском образовании // *Медиаскоп*. 2011. № 3.
- [15] Интервью Е.А. Барановой с А. Антоненко, главным редактором сайта mreporter.ru. 2015. Июнь.
- [16] Newspaper Journalist Job Descriptions. Electronic resource. URL: <http://www.getmeacooljob.com/Job%20Descriptions/Newspaper%20Journalist%20Job%20Descriptions.html>. Zagl. s ekrana. Date of the application: 23.10.2016.
- [17] Должностная инструкция журналиста, должностные обязанности журналиста, образец должностной инструкции журналиста. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.getmeacooljob.com/Job%20Descriptions/Newspaper%20Journalist%20Job%20Descriptions.html> (дата обращения: 10.10.2016).
- [18] Интервью Е.А. Барановой с А. Алиевым, с 2008 — по 2011 г. — директор интернет-проекта газеты «Известия». 14.08.09.
- [19] Интервью Е.А. Барановой с В. Таллером, президентом «ТВМ Групп», академиком Российской академии радио (РАР). 26.10.2016.

- [20] Ярославцева А.Е. Возможности развития медиакомпаний // Информационный потенциал общества и ресурсы медиасистемы: Мат. междунар. науч.-практ. конф. «Журналистика в 2015 г.». М.: МедиаМир. С. 27.
- [21] Приказ Минобрнауки России от 14.08.2013 № 958. [Электронный ресурс]. URL: http://www.syktso.ru/edu/if/law_in/kpo/doc/Приказ%20о%20базовых%20кафедрах.pdf (дата обращения: 10.12.2016).
- [22] Волкова И.И. Проект «Радио в лифте» как текст на проактивность // Успехи современной науки и образования. 2016. № 12. Т. 6. С. 23—25.
- [23] Волкова И.И. Маркетинговое мышление и медиaprостранство: феномен игры в контексте преподавания теории и практики экранных коммуникаций // Журналистика-2016: стан, проблемы і перспектывы. матэрыялы 18-й Міжнар. навук.-практ. канф., прысвечанай 95-годдзю БДУ, 10-11 ліст. 2016 г., Мінск. Вып. 18. Мінск: Паліграфкамбінат ім Я. Коласа, 2016. С. 137—139.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 4 ноября 2016.

Дата принятия к печати: 2 декабря 2016.

Для цитирования:

Баранова Е.А. (2017). Новые журналистские компетенции в условиях медиаконвергенции: мифы и реальность // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2017. Т. 22. № 1. С. 177—188.

Сведения об авторе:

Баранова Екатерина Андреевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, социальной рекламы и связей с общественностью социально-гуманитарного факультета Российского государственного социального университета.

Контактная информация: e-mail: Kat-journ@yandex.ru

NEW JOURNALISM COMPETENCES IN THE CONDITIONS OF MEDIA CONVERGENCE: MYTHS AND REALITY

E.A. Baranova

Socio-Humanitarian Department State Social University (RSSU)
Vilgelma Pika, 4, Moscow, Russia, 129226

With the development of media convergence process researchers have begun to speak on the modernization of journalism education and the need for training of *cross-media trained journalists*. However, theorist's judgments often disagree with the opinions of Journalism practitioners. Author in 2009—2016 spoke to reporters, editors and top managers of Russian media companies on topics related to the development of convergence process in Russian mass media newsrooms and asked them what skills and competencies modern journalist should have, as well as what is the future of journalism education. In total 40 people from more than 40 Russian media companies were interviewed for these years. This article presents the views of 6 respondents from 6 media companies. Among them are such well-known persons as Pavel Gusev, chief editor and owner of the newspaper "Moskovsky Komsomolets"; Vladimir Taller, president of TVM Group, Academician of the Russian Academy of Radio (RAR).

The author first makes an attempt to analyze the issue of journalistic competences in the conditions of media convergence, based on the views of practitioners from different media. We concluded that the common view of many theorists that convergence process is associated with the appearance of *cross-media trained journalists* and leads to numerous fundamentally new journalism competences does not find its confirmation in practice.

Key words: journalism education, journalism competences, cross-media trained journalist, media convergence, the ability to work with UGC

REFERENCES

- [1] Fateeva I.A. Filologicheskie aspekty zhurnalistskoy deyatel'nosti i zhurnalistskogo obrazovaniya v Rossii i SShA [Philological aspects of journalism and journalism education in Russia and the US]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. 2007. № 8. Pp. 110—114.
- [2] Urazova S.L. Konvergentsiya kak faktor zhiznesposobnosti mass-media v tsifrovoy srede. Teoreticheskiy aspekt [Convergence as a factor in the viability of mass media in the digital environment: a theoretical aspect]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Bulletin of the Nizhny Novgorod University of N.I. Lobachevsky]. 2011. № 5. Pp. 287—293.
- [3] Zhurnalistskoe obrazovanie v usloviyakh konvergentsii SMI: monografiya / L.P. Shesterkina i dr.; pod red. L.P. Shesterkinoy [Journalism education in conditions of media convergence: monograph. L.P. Shesterkina and others. Ed. L.P. Shesterkina]. Chelyabinsk: Izdatel'stvo REKPOL [Chelyabinsk: REKPOL Publisher], 2012. 115 p.
- [4] Pisarevskaya N.S. Mul'timedia kak novaya forma predostavleniya informatsii [Multimedia as a new form of data reporting]. Zhurnalistska v 2015 godu. Informatsionnyi potentsial obshchestva i resursy mediasistemy. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Journalism in 2015. Information capacity of society and resources of media system. Materials of International Research Conference]. M.: MediaMir: Fak. zhurnalistiki MGU im. M.V. Lomonosova [Moscow, MediaMir Publ., Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University Publ.], 2016. 480 p.
- [5] Svitich L.G. Izmenenie zhurnalistskoy professii v protsessakh mediakonvergentsii [Changes in the journalism profession in the conditions of media convergence]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. 2015. № 5 (360). Pp. 406—414.
- [6] Miloslavskaya Z.A. Mediatekst: sintez zhurnalistskogo, reklamnogo i PR-teksta v usloviyakh konvergentnykh SMI [Media texts: fusion of journalistic, advertising and PR texts under conditions of media convergence]. Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki [Theoretical and Practical Issues of Journalism]. 2016. Vol. 5. № 4. Pp. 576—587.
- [7] Andrew DeVigal: pochemu dlya sozdaniya mul'timedijnogo kontenta nuzhna rabota komandy [Why the creation of multimedia content needs team work] [Elektronnyj resurs][Electronic resource]. URL:<http://ijnnet.org/ru/blog/эндрю-девигал-почему-для-создания-мультимедийного-контента-нужна-работа-команды> [Data obrashhenija] [date of the application]: 01.11.2016.
- [8] Interv'y avtora s P. Gusevym, glavnym redaktorom i vladeletsem gazety «Moskovskiy komsomolets» [Author's interview with P. Gusev, chief editor and owner of the newspaper "Moskovsky Komsomolets"]. 2016. Aprel' [April].
- [9] Interv'y avtora s A. Lossanom, zamestitelem glavnogo redaktora Direktsii mezhdunarodnykh proektov «Rossiyskoy gazety» [Author's interview with A. Lossan, deputy editor-in-chief for international projects of Rossiyskaya Gazeta]. 2015. October.
- [10] Baranova E.A. Etapy razvitiya protsessa mediakonvergentsii (v popytках opisat' global'nye izmeneniya v razvitii SMI s 1990—2015 gg.) [The stages of media convergence process (in an attempt to describe global changes in media development in 1990—2015)]. Kommunikologiya [Communicology]. 2016. Vol. 4. № 2. Pp. 170—193.

- [11] Baranova E.A. Vse, chto Vy dolzhny znat', esli khotite razvivat' infografiku na gazetnom sayte [Everything You Need to Know to Develop Infographic on Newspaper's Website]. Mediaskop. 2013. № 4.
- [12] Lehtisaari K., Karppinen K., Harjuniemi T., Grönlund M., Linden C.-G., Nieminen H. & Viljakainen A. Media Convergence and Business Models: Responses of Finnish Daily Newspapers. Communication Research Centre CRC, Department of Social Research, University of Helsinki, 2012. 58 p.
- [13] Interv'yu avtora s K. Poleskovym, redaktorom sayta novayagazeta.ru [Author's interview with K. Poleskov, chief editor of novayagazeta.ru]. 2015. Iyun' [June].
- [14] Drok N. Smena professional'nykh kompetentsiy v zhurnalistskom obrazovanii [The Shift of Professional Competences in Journalism Education]. Mediaskop. 2011. № 3.
- [15] Interv'yu avtora s A. Antonenko, glavnym redaktorom sayta mreporter.ru [Author's interview with A. Antonenko, editor-in-chief of mreporter.ru]. 2015. Iyun' [June].
- [16] Newspaper Journalist Job Descriptions. Electronic resource. URL: <http://www.getmeacooljob.com/Job%20Descriptions/Newspaper%20Journalist%20Job%20Descriptions.html>. Zagl. s ekrana. [date of the application]: 23.10.2016.
- [17] Dolzhnostnaya instruktsiya zhurnalista, dolzhnostnye obyazannosti zhurnalista, obrazets dolzhnostnoy instruktsii zhurnalista [A journalist job description, duties of the Journalist, a sample of journalist job description]. [Elektronnyj resurs][Electronic resource]. URL:<http://www.getmeacooljob.com/Job%20Descriptions/Newspaper%20Journalist%20Job%20Descriptions.html> [Data obrashhenija] [date of the application]: 10.10.2016.
- [18] Interv'yu avtora s A. Alievym, s 2008 — po 2011 g. — direktor internet-proekta gazety «Izvestiya» [Author's interview with A. Aliev from 2008 to 2011 he was a director of the «Izvestiya» Internet project]. 2009. Avgust [august].
- [19] Interv'yu avtora s V. Tallerom, prezidentom «TVM Grupp», akademikom Rossiyskoy Akademii Radio (RAR) [Author's interview with V. Taller, president of TVM Group, Academician of the Russian Academy of Radio (RAR)]. 2016. Oktyabr' [October].
- [20] Yaroslavtseva A.E. Vozmozhnosti razvitiya mediakompaniy [Opportunities for the development of Media companies]. Zhurnalistika v 2015 godu. Informatsionnyi potentsial obshchestva i resursy mediasistemy. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Journalism in 2015. Information capacity of society and resources of media system. Materials of International Research Conference]. M.: MediaMir : Fak. zhurnalistiki MGU im. M.V. Lomonosova [Moscow, MediaMir Publ., Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University Publ.], 2016. 480 p.
- [21] Prikaz Minobrnauki Rossii ot 14.08.2013 N 958 [Order No. 958 of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of 14 August 2013]. [Elektronnyj resurs] [Electronic resource]. URL: http://www.syktu.ru/edu/if/law_in/kpo/doc/Prikaz%20o%20bazovykh%20kafedrakh.pdf [Data obrashhenija] [date of the application]: 10.12.2016.
- [22] Volkova I.I. Proekt «Radio v lifte» kak tekst na proaktivnost' [Project “Radio in the elevator” as a test for proactiveness]. Uspehi sovremennoj nauki i obrazovanija [Success of modern science and education]. 2016. № 12. T. 6. Pp. 23–25.
- [23] Volkova I.I. Marketingovoe myshlenie i mediaprostranstvo: fenomen igry v kontekste prepodavanija teorii i praktiki jekrannykh kommunikacij [Marketing thinking and the media: the game phenomenon and the teaching of the theory and practice of communication screen]. Zhurnalistyka-2016: stan, problemy i perspektivy. matjeryjaly 18-j Mizhnar. navuk.-prakt. kanf., prysvechanaj 95-goddzju BDU, 10-11 list. 2016 g., Minsk. Vyp. 18. Minsk: Paligrafkambinat im Ja. Kolasa, 2016. Pp. 137–139.

Article history:

Received: 4 November 2016.

Revised: 20 November 2016.

Accepted: 2 December 2016.

For citation:

Baranova E.A. (2017). New journalism competences in the conditions of media convergence: myths and reality. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2017, 22 (1), 177—188.

Bio Note:

Baranova Ekaterina Andreyevna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of journalism and public relations, Russian state social university.

Contacts: e-mail: sgf@rgsu.net



УДК 821.161.1

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-1-189-193

РЕЦЕНЗИЯ
И.Г. УСТИЯН. Л.Н. ТОЛСТОЙ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ В РОМАНЕ «АННА КАРЕНИНА»

О.И. Валентинова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Если бы меня спросили, стоит ли изучать социально-экономическое положение государства и общества по художественной литературе, я бы ответила словами В. Шкловского: «Можно и градусником забивать гвозди. Вопрос в том, стоит ли это делать». Потребовали бы объяснений — пришлось бы в который раз говорить, что в основе искусства лежит подражание под действительность, а не сама действительность. Что действительность жизни и поэтическая действительность — не равны. Что образ не только действительность отражает, но и преобразует и превосходит ее. Что любой буквализм понимания разрушает искусство как таковое. Что поэтическая форма сложна, не лежит на поверхности, ее значение устанавливается только исходя из понимания текста как системы. Что вне понимания целого, невозможно установить функцию, а значит, и значение чего бы то ни было отдельного, из целого произвольно выхваченного. Что прозаический текст эстетически сложнее стихотворного и сложнее декодируется, но неподготовленный читатель, отождествляя внешнюю линию сюжета с действительностью физического бытия, пребывает в устойчивой иллюзии понимания. А потому точно знает, «что хотел сказать автор». И далее, и далее...

Но автор труда «Л.Н. Толстой: Социально-экономический институционализм в романе “Анна Каренина”» [1] — мы встретились на конференции в Кишиневе — ни о чем меня не спрашивал, а сразу подарил свою книгу. Книгу я прочитала. И эта статья — рецензия филолога на работу ... экономиста, доктора наук Ивана Григорьевича Устияна.

Название книги порождает вполне определенные ожидания — увидеть в работе реконструкцию воззрений Л.Н. Толстого на связь экономических проблем с проблемами социальными, политическими, правовыми, этическими... Названия трех заключительных глав — «Л.Н. Толстой: Семья — базовая социально-экономическая институция государства», «Л.Н. Толстой: политэкономический аспект романа «Анна Каренина»», «Л.Н. Толстой: духовно-нравственный институционализм (Толстой против «толстовцев»)» ожидания вполне подтверждают. О ме-

тоде же работы автора книги с текстом романа Толстого может дать представление, например, такое рассуждение:

«О фальши и лживости традиционного брака господствующего класса Толстой писала: «Все смешалось в доме Облонских. Жена узнала, что муж был в связи с бывшей в их доме француженкой-гувернанткой. И объявила мужу, что не может жить с ним в одном доме». По этой причине семья князя Степана Аркадьевича Облонского и его жены Долли была на грани распада. Жена была в состоянии прострации, муж три дня не появлялся дома, «дети бежали по всему дому, как потерянные...», а обслуживающий персонал дома один за другим от учителя до кучера дружно покидали княжеский дом, подобно крысам, которые спешно покидают тонущий корабль. А распад такой состоятельной семьи тянет за собой разорение частной собственности, нажитое этой семьей, а государство лишается устойчивой экономической и социальной ячейки, из множества которых соткана матрица государства. Распавшаяся семья перестанет воспроизводить новые рабочие руки для производства необходимой натурально-вещественной продукции, ведет к сокращению налоговых поступлений в бюджет, всегда необходимых государству» [1. С. 171].

Социальный детерминизм литературоведческой заставки и экономических выводов возвращает нас в эпоху идеологизированной науки. Однако несмотря на устойчивое возобновление в книге И. Г. Устияна хорошо узнаваемой «логики» обращения с художественным текстом, сама книга не только не исчерпывается этой «логикой», но и не определяется ею. И не потому что время изменилось, и идеологизация науки в прежнем векторе осталась невостребованной. Причина, точнее причины, на наш взгляд, в другом.

Я давно не читала работ, наполненных такой безусловной любовью к художнику. Толстой — писатель, человек, мыслитель... во всем велик и безупречен. Скажете — наивно? Может быть. Но эта любовь, а не заданная тема определила смысл работы. Реконструкции социально-экономических взглядов писателя предшествует введение «Лев Николаевич Толстой — **Гений особого назначения и живая легенда России**» и три главы: «Рождение **очаровательного Гения**: этапы жизни и творчества **великого писателя-социолога России и мира Л. Н. Толстого**», «Л. Н. Толстой — А. С. Пушкин — Ж.-Ж. Руссо: социология добра» и «**Восхитительные мысли** знаменитых писателей и других деятелей культуры России и мира **о феноменологии творческого духа Л. Н. Толстого**». За восторженными эпитетами в названиях этих глав скрывается ненасыщаемый интерес автора ко всему, что связано с Толстым: библиотека писателя, переписка, дневники, хронология жизненных и творческих событий, опыт хозяйствования в имении...

Обращение Толстого к Столыпину, очень личный, бесконечно доверительный ответ писателя на пришедшее к нему письмо от студента, просившего его отдать имущество родным и бедным и нищим идти из города в город: «И к такому положению я близок и с каждым днем становлюсь ближе и ближе», организация помощи голодающим в Рязанской губернии... — так шаг за шагом автор книги возобновляет в памяти читателей огромный многосторонний пласт русской жизни, современной жизни Толстого. Возобновление столь масштабного материала в книге И. Г. Устияна непроизвольно обнажает три содержательные области, между которыми целостного научно выдержанного сопоставления никогда не проводилось: высказанные Толстым в публицистике, письмах, обращениях к импе-

ратору... соображения о социально-экономическом совершенствовании России — экономические и хозяйственные поступки Толстого — преломление социально-экономических воззрений Толстого и опыта хозяйствования в творчестве. Именно такой характер сопоставления не только намечается, но и начинается выстраиваться в работе И.Г. Устиана (например, оценка опыта хозяйствования Левина с позиций передовых сельскохозяйственных технологий XIX века).

Выработке критериев и принципов сопоставления не может не предшествовать грандиозная предварительная работа, поскольку сравниваться будет не готовый материал, а выведенные построения. Исследование публицистического и эпистолярного материала, поиск соответствий между словом и поступком мастера — при обязательном условии достоверного считывание поступка в системе иных исторических координат! — невозможны не только без умения устанавливать границы смыслоформирующего контекста внутри вербального текста, но и без скрупулезного изучения социально-экономической, интеллектуальной и бытовой жизни России и глобального понимания эпохи. Трудность задачи усугубляется еще и тем обстоятельством, что строгая система воззрений заведомо не может быть выведена, потому что связи между экономикой и социальным и правовым устройством общества, его этическими ценностями образуют принципиально открытое множество. Но вектор воззрений и может, и должен быть установлен. Как могут и должны быть установлены — что нам представляется особенно важным для объективного понимания личности — области несовпадения между вербальной интенцией и действием. Включение же в процедуру сопоставления результатов исследования художественных текстов и само исследование художественных текстов необходимо предварить пониманием того, что художник и его творение не равны другу.

Обнаружить и проинтерпретировать угол отражения авторского Я в художественной литературе, относящейся к современному этапу развития литературного языка, — задача не менее сложная, чем фиксация и истолкование Я в исторически отдаленных текстах, очевидно требующих особой культуры понимания (например, см. [2]). Не сдавая методологических позиций, с пунктирного обозначения которых мы начали эту статью, мы не можем не заметить, что по отношению к монофонично организованным художественным текстам, а после М.М. Бахтина [3] творчество Толстого трактуется как предельная монофония, с характерным для этой эстетической системы доминированием голоса автора, мы могли бы признать идею выведения из сочинений графа Толстого социально-экономической модели допустимой. Однако от неразличения личности писателя и образа автора, отождествления автора с его героем («Толстой-Левин»), несмотря на известную массовость прецедентов, необходимо отказаться.

Личность же автора работы о социально-экономических идеалах Толстого — Иван Григорьевич Устиан был заместителем и председателем Совета Министров Молдавской ССР, возглавлял Госплан республики, дважды избирался депутатом Верховного Совета СССР и трижды был депутатом Верховного Совета Молдавии — позволяет поставить вопрос о познавательной необходимости реконструкции образа самого исследователя.

© Валентинова О.И., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Устиян И.Г. Л.Н. Толстой: Социально-экономический институционализм в романе «Анна Каренина». Кишинев: I.S. Firma Editorial-Poligrafica «Tipografia Centrala», 2015. 398 с.
- [2] Иванова М.В. Авторское «я» в Житии Сергия Радонежского // «Вестник славянских культур». 2015. № 2(36). С. 109—116.
- [3] Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. 470 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 6 октября 2016.

Дата принятия к печати: 20 ноября 2016.

Для цитирования:

Валентинова О.И. (2017). И.Г. Устиян. Л.Н. Толстой: социально-экономический институционализм в романе «Анна Каренина» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2017. Т. 22. № 1. С. 189—193.

Сведения об авторе:

Валентинова Ольга Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов, профессор.

Контактная информация: e-mail: ovalentinova@yandex.ru

I.G. USTIYAN. L.N. TOLSTOY: SOCIO-ECONOMIC INSTITUTIONALISM IN THE NOVEL “ANNA KARENINA”

O.I. Valentinova

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

REFERENCES

- [1] Ustiyayn I.G. L.N. Tolstoy: Socio-economic institutionalism in the novel “Anna Karenina”. Chisinau: I.S. Firma Editorial-Poligrafica «Tipografia Centrala», 2015. 398 p.
- [2] Ivanova M.V. Author's «ego» in Sergius of Radonezh hagiography. *Bulletin of Slavic Cultures*. 2015. № 2 (36). Pp. 109—116.
- [3] Bakhtin M.M. Problems of Dostoevsky's Poetics. Moscow: Literature, 1972. 470 p.

Article history:

Received: 6 October 2016.

Revised: 16 October 2016.

Accepted: 20 November 2016.

For citation:

Valentinova O.I. (2017). I.G. Ustian. L.N. Tolstoy: Socio-economic institutionalism in the novel “Anna Karenina”. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2017, 22 (1), 189–193.

Bio Note:

Valentinova Olga Ivanovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of General and Russian linguistics, Faculty of Philology, PFUR.

Contacts: e-mail: ovalentinova@yandex.ru



УДК 82-95

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-1-194-196

СЕМИНАР МОЛОДЫХ КРИТИКОВ

Ежегодно Союз писателей Москвы проводит семинары для молодых писателей, поэтов, драматургов и критиков. С 9 по 12 декабря 2016 года на территории КЦ Фонда «Новый мир» работали семинары по шести направлениям: два семинара прозы, семинар поэзии, критики, драматургии и кинодраматургии. В работе приняли участие более семидесяти молодых писателей Москвы, Санкт-Петербурга и других городов.

Помещение редакции «Нового мира», расположенное в центре Москвы недалеко от памятника Пушкину, состоит из нескольких уютных небольших комнат. Самым просторным был зал, отведенный для семинара критики. В этом году, к удивлению руководителей семинара, Елены Сафроновой и Валерии Пустовой, именно это направление оказалось наиболее востребованным.

Нередки жалобы на то, что литературная критика сегодня не успевает за активностью литературного процесса. Критиков мало, молодых критиков еще меньше, а всего менее критиков «читающих», успевающих следить за новинками книжного мира и реагировать на них в СМИ. Однако по отношению к последним годам это утверждение уже нельзя считать верным. Что-то сдвинулось в книжном королевстве. И лучшее тому подтверждение — многочисленность хороших, интересных текстов, представленных на семинар, которых было столько, — делится Валерия Пустовая, что некоторые авторы не были отобраны не по конкурсно-му, а лишь по количественному принципу.

Представленные работы сложились в хорошо подобранный жанровый веер: от сетевой маркетинговой заметки, направленной на уловление интереса и, в идеале, кошелька покупателя книги, до метафорически-метафизических впечатлений о жизни и книгах Латинской Америки; от обзоров детской литературы до научной дискуссии о современной поэзии.

По возрасту, месту жительства и образованию авторы тоже представляли пеструю компанию: студентки Литинститута и магистранты РГГУ вели диалог с научным сотрудником института молекулярной биотехнологии города Гейдельберга, блоггером из Минска, инженером-технологом металлургического завода Самары, редактором «Эксмо» и преподавателем голландского языка Военного университета Министерства обороны РФ.

Работа проходила интенсивно, жестко, в формате тренинга. Каждый текст попадал в перекрестный разбор участников семинара, которых вместе с руководителями было двадцать. Глаза восемнадцати молодых и ретивых критиков азартно горели при анализе других участников и вскипали непрошеной слезой при озвучивании комментариев к их собственным текстам. Обсуждение завершал

виртуозный, глубокий и точный приговор руководителей семинара: Сергея Чердниченко, директора редакции журнала «Вопросы литературы» и Елены Сафроновой, прозаика, критика.

Среди множества полученных впечатлений хочу выделить основные.

Первое: критик — существо отважное. Если в науке есть общепринятые истины и непререкаемые авторитеты, на которые может и должен ориентироваться молодой ученый, то критика — многоголовая гидра, где нет и не может быть правильного решения, где на месте одного отрубленного аргумента вырастают несколько новых мнений. В этой многополярности критик может ориентироваться только на себя. Пример такого бесстрашия в современной критике — Валерия Пустовая.

Второе: никто не может научить тому, как писать хороший текст. Могут осудить ошибки, отметить удачные моменты, высказать личное мнение. Но дать образец, научить — нельзя. Если литературоведение приветствует нормативность языка, избегание экспрессии и оценочности, то задача критика чуть ли не противоположна: надо стремиться, говорит Сергей Чердниченко, к уникальности, к выработке индивидуального почерка, к тому, чтобы ваш стиль был узнаваем с одного абзаца.

Третье и заключительное: при всей нашей прекрасности мы не идеальны. Что замечательно, поскольку осознание несовершенства заставляет искать себя и ответы в себе. «Найти себя важно, но искать — еще интереснее» (В. Пустовая).

По итогам состоявшихся семинаров отдельные работы будут опубликованы в толстых литературных журналах, некоторые авторы станут членами Союза писателей Москвы. Результаты прошлогоднего семинара критиков были представлены нынешним слушателям в виде книги «Целились и попали. Новые критики о новейшей литературе», объединившей под своей обложкой таких молодых литераторов, как Ирина Богатырева (лауреат Студенческого Букера 2016 за роман «Кадын»); Елена Пестерева (поэт, литературный критик, автор журнала «Вопросы литературы», «Знамя», «Октябрь»); Ольга Маркарян (литературный, театральный, музыкальный критик, автор журналов «Октябрь», «Петербургский театральный журнал»); Татьяна Шабаева (публицист, обозреватель «Литературной газеты») и др.

Итоги семинара критиков в целом таковы: критика возрождается, все больше в ней людей талантливых, энергичных, стремящихся понять современную литературу, готовых работать ради нее.

© Жучкова А.В., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 12 декабря 2016.

Дата принятия к печати: 20 декабря 2016.

Для цитирования:

Жучкова А.В. (2017). Семинар молодых критиков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 22. № 1. С. 194—196.

Сведения об авторе:

Жучкова Анна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Российского университета дружбы народов.

Контактная информация: e-mail: capra@mail.ru

Article history:

Received: 12 December 2016.

Revised: 18 December 2016.

Accepted: 20 December 2016.

For citation:

Zhuchkova A.V. (2017). Zhuchkova A.V. Seminar of young critics. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2017, 22 (1), 194—196.

Bio Note:

Zhuchkova Anna Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian and Foreign literature, PFUR

Contacts: e-mail: capra@mail.ru